

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

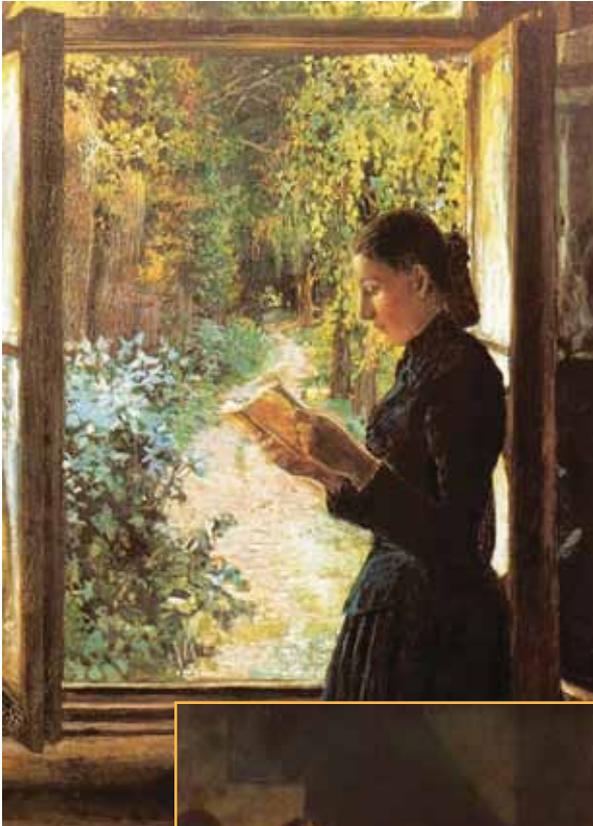
СМЕНА

№ 1 ЯНВАРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2012

Николай Ге. «Путь к истине»

О жизни и творчестве Николая Ге читайте на стр. 76

Из российской истории	
<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Святое Красное Солнышко4
Штрихи к портрету	
<i>Евгения Гордиенко</i>	Великий дух детектива22
Забытые страницы	
<i>Евгений Замятин</i>	Встреча30
	Часы36
Минувшее	
<i>Денис Логинов</i>	Катерина-матка42
Поэзия	
<i>Ирина Путьева</i>	Стихи 62
Новое имя	
<i>Ксения Аносова</i>	Семейный портрет в интерьере 66
Судьба творца	
<i>Ирина Опимах</i>	Николай Ге. Путь к истине76
Конкурс одного стихотворения 94	
Рассказ	
<i>Билл Пронцини</i>	К нам приехал Санта-Клаус96
<i>Матвей Вавилов</i>	И, наконец-то, шут!108
<i>Татьяна Харламова</i>	Татьянин день и строгий, и бесшабашный124
Житейская история	
<i>Татьяна Ярополова</i>	Серпантин116
Детектив	
<i>Анна и Сергей Литвиновы</i>	Ее последняя любовь...128
Кроссворд. Эрудит 188	

Главный редактор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	Константин Мирошник, Наталья Кургузова-Мирошник <i>«Русская красавица»</i>
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич
Web-редактор	Шеркунова Анна Игоревна
Главный бухгалтер	Бижко Любовь Александровна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, e-mail: sales@smena-online.ru

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано **ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»:**
142300 МО г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. № 3207

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.12.2011

Выпуск издания в 2011 году осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

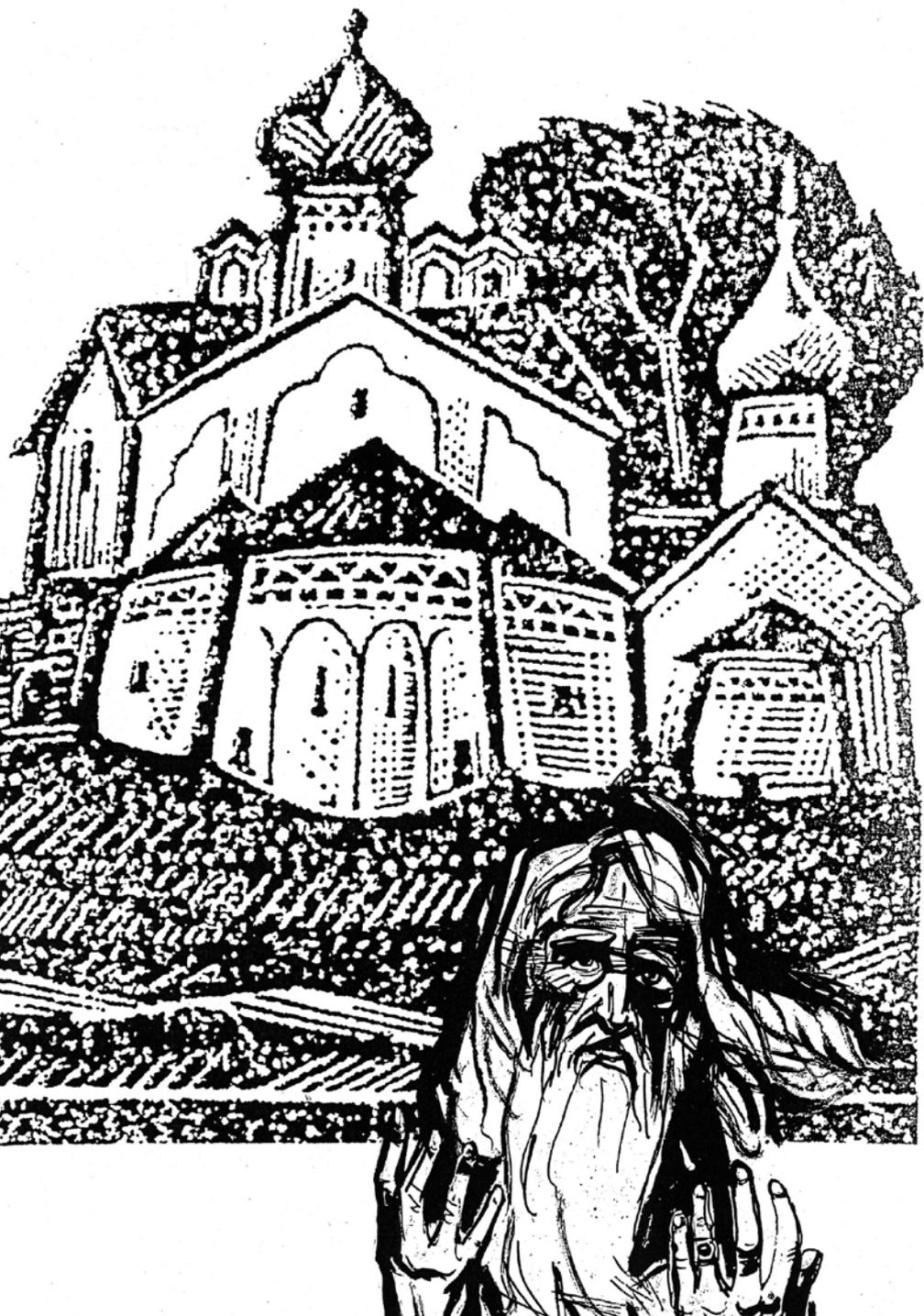

Дорогая редакция!

Хотим поздравить всех сотрудников журнала «Смена» с Новым годом! Спасибо вам за то, что вы есть и за то, что продолжаете нести людям «разумное, доброе, вечное». Мы с удовольствием читаем каждый номер «Смены» и радуемся не только тому, что жизнь журнала продолжается, но и тому, что сохранились его традиции, освящающие все, что есть интересного, полезного и нужного в нашей истории, культуре и литературе. Успехов вам и новых творческих удач! У нас родился в вашу честь небольшой шуточный экспромт:

Желаем этому журналу
Успехов, крупных тиражей!
Работ прекрасных он немало
Нам показать успел уже.
Активность жизненных позиций
Любого привлекает в нем,
Уже давно его страницы
Мы каждый месяц очень ждем!
Сейчас, удачи вам желая,
Чтоб у киосков не стоять,
Единодушно заявляем —
На вас подпишемся опять!
А всем желаем, чтоб журнал
Настольной книгой многим стал!

*Преданные читатели «Смены»,
Москва*

Святое Красное Солнышко

Первый православный князь на Руси был одновременно первым и почти единственным князем, образ которого запечатлен в былинах о русских богатырях. Сам далеко не богатырь, он, тем не менее, вершила судьбы и витязей, и бояр, и престоладинов. Но былины, при всей их занимательности и красочности, не дают представления о том, каким же был Владимир Первый Святославович, Святой Владимир равноапостольный, Владимир Красное Солнышко. Потому что этот человек прожил, кажется, несколько жизней, каждую из которых можно считать логическим продолжением предыдущей.

Ибо действительно слишком долгий и трудный путь прошел сын рабыни, робит, до всеильного князя, крестившего Русь, и, тем самым, положившего начало ее объединению.

Единственный сын княгини Ольги, Святослав, был воином — и только воином. Государственные дела его

интересовали мало, за него правила мать, что ни для кого не было секретом. Столь же мало занимали

его и женщины, так что Ольге пришлось лично озаботиться поисками для своего сына достойной невесты. Но пока такую девицу искали, Святослав сам нашел в княжеском тереме необыкновенной красоты девушку — Малушу. И, как тогда говорили, слюбился с нею.

Позже будут утверждать, что Малуша приходилась дочерью древлянскому князю Малу, с которым так жестоко расправилась Ольга, мстившая за убитого супруга, князя Игоря. Но никаких доказательств высокого происхождения матери Владимира нет. Да тогда они и нужны-то не были: положение княжеской наложницы не считалось зазорным, наоборот, даже было почетным.

Малуша родила сына, которого княгиня Ольга, мечтавшая о внуках, тут же взяла под свою опеку вместе с его матерью. Точная дата неизвестна, но большинство историков сходятся на 960-м году. Как было принято в те времена, к младенцу — пусть и незаконному, но княжескому сыну, приставили «дядьку» — его же родного дядю, Добрыню. А поскольку именно в это время Ольга сосватала Святославу угрскую княжну, христианку Марию, то пожаловала матери своего первого внука село под Псковом «для кормления», куда и отправились Малуша с новорожденным Владимиром и братом Добрыней.

Дальнейшая ее судьба никого не интересовала, потому и сведений о ней нет. Зато летописи сообщают, что малолетний Владимир с дядь-

кой вернулся в Киев, под опеку княгини Ольги, и воспитывался там вместе со своими сводными братьями, сыновьями Святослава от угрской княжны Ярополком и Олегом. При этом двое законных княжичей были крещены втайне от отца матерью и бабкой, принявшей к тому времени христианство, а Владимир до поры до времени так и оставался язычником.

Ольга умерла, еще раньше скончалась ее невестка, Святослав все время проводил в походах, а посему заблаговременно разделил свои владения между сыновьями: Ярополку достался княжеский стол в Киеве, Олегу — древлянское княжество. Владимиру при таком раскладе на Руси было, в общем-то, нечего делать, и, скорее всего, он отправился бы завоевывать себе состояние и положение в иных странах, но...

Но как раз в это время к Святославу явилась делегация из Новгорода, где, в очередной раз устав от боярских склок, захотели иметь князя. Они требовали либо Ярополка, либо Олега, но те благоразумно отказались. Узнав о том, новгородцы пригрозили:

— Если не пойдете к нам, сами добудем себе князя!

Перспектива иметь под боком какого-нибудь варяжского конунга Святославу не понравилась, но как решить проблему, он не знал. И тут на помощь ему пришел Добрыня, который посоветовал новгородцам

просить себе в князя Владимира. Этот вариант устроил всех: в 969 году Владимир вместе с Добрыней отправился в Новгород, а Святослав отплыл в Переяславец на Дунай. Из этого похода он уже не вернулся, так как в 972 году погиб у днепровских порогов.

Несмотря на то, что сыновьям Святослава достались собственные богатые уделы, согласия между ними не было. Не прошло и нескольких лет, как взаимные претензии между Ярополком и Олегом переросли в открытую вражду, а потом дело дошло и до братоубийственной войны — в прямом смысле этого слова. Во время одного из сражений Олег погиб, причем обстоятельства его гибели так и остались смутными и противоречивыми, а древлянские земли вновь перешли под руку киевского князя, то есть Ярополка.

Произошло это в 970 году. Владимир, никогда не отличавшийся большой личной храбростью, предпочел скрыться из Новгорода за морем у варягов. Собрав там достаточно сильную дружину, вернулся и послал выборных новгородских людей объявить киевскому князю и сводному брату:

«Владимир идет на тебя, готовься с ним биться».

Пока все происходило почти благопристойно, но дальше события стали развиваться так, что светлый образ князя Владимира изрядно потускнел. Дойдя до Киева с боль-

шим — наемным! — войском, Владимир осадил город, в котором Ярополк заперся со своей дружиной и доверенным воеводой Блудом.

Осада затянулась, а Владимиру нужно было платить своим дружинникам за каждый день, независимо от того, воевали они, или просто глазили на неприступные киевские стены. Поэтому молодой князь почел за лучшее вступить в тайный сговор с воеводой своего брата. А уговаривать Владимира умел, явно унаследовав дипломатические таланты от своей бабки, княгини Ольги.

— Будь мне другом, — предложил он Блуду. — Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца, и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоившись этого, выступил против него.

Блуд, получивший помимо заверений в вечной дружбе еще и приличную денежную мзду, ответил на предложение согласием. После чего Владимир предоставил действовать ему самостоятельно, благо-разумно оставаясь в стороне.

Первоначально Блуд хотел просто убить Ярополка, но это было слишком опасно: киевляне любили своего князя. Тогда хитроумный воевода стал убеждать Ярополка в том, что в городе зреет заговор в пользу Владимира, и посему необходимо из Киева бежать и, собравшись с новыми силами, ударить на новгородского князя извне, чего он, конечно, не ожидает.

Ярополк, пошедший в своего отца Святослава не только жестоко, но и простодушием, попался в приготовленную Блудом ловушку и «тайно», как он сам думал, вышел с дружиной из Киева и затворился в городке Родне.

Крайне довольный таким поворотом событий, Владимир без боя вошел в оставленный Киев, расплатился со своей дружиной и двинулся с нею дальше — к убежищу брата. Городок Родн, в отличие от Кие-

ва, был к осаде абсолютно не готов и вскоре его жители начали умирать от голода. Тогда воевода Блуд перешел к завершающей стадии своего плана и сказал Ярополку:

— Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам не победить их. Заключай мир с братом твоим.

Поскольку Ярополк и сам понимал, что ситуация складывается не в его пользу, долго уговаривать его не пришлось. Воевода же послал к Владимиру гонца с известием:

«Сбылась мысль твоя, приведу к тебе Ярополка, приготовься убить его».

Разумеется, Владимир убил его не собственными руками: Ярополка зарубили его ближние дружинники, подкупленные все тем же Блудом. С этого времени Владимир стал княжить в Киеве единолично, а воевода Блуд в скором времени скончался от неведомой болезни. Впрочем, его судьба и тогда мало кого интересовала, и позже не вызвала особого интереса.

В ту пору — в 980 году — Владимиру было чуть больше двадцати лет. Но еще до своего воцарения на киевском столе он совершил поступок, вошедший не только в историю, но и в многочисленные легенды, романы и даже живопись. Имеется в виду прекрасная Рогнеда, дочь независимого полоцкого князя варяга Рогволта.

Добрыня, тогда еще находившийся в силе, стал сватать Владимиру Рогнеду. Ответ красавицы-княжны известен:

— Не хочу разуть робичича. За Ярополка хочу.

Надо сказать, что, по обычаям того времени, молодая супруга должна была перед первой брачной ночью снять обувь со своего мужа, демонстрируя тем самым свою покорность ему. Стаскивать сапоги с князя Ярополка, законного княжеского сына, Рогнеда была готова, но ползать на коленях перед сыном рабыни...

Знай она, чем обернется ее отказ, наверняка согласилась бы разувать Владимира всю оставшуюся жизнь. Смертельно оскорбленный, юный Владимир при поддержке Добрыни собрал воинов, пошел на Полоцк, взял город приступом, а князя с княгиней и дерзкой дочерью привели к нему в шатер.

Дальше все было очень неромантично. Владимир приказал привязать князя и княгиню к столбу и на глазах у них изнасиловал Рогнеду прямо на земляном полу, предварительно объявив ее рабыней. После чего, по его приказу, были убиты родители, а сама Рогнеда стала... одной из жен Владимира, причем нельзя сказать, чтобы любимой. Хотя и родила ему старшего сына Изяслава.

Да, я не оговорила: одной из жен. Язычник Владимир имел самый настоящий гарем, в то время, правда, не слишком многочисленный. Зато, утвердившись у власти в Киеве, он поставил на холме за теремным двором кумиров языческих богов, в том числе деревянного Перуна с серебряной головой и золотым усом. Идолам на холме киевляне приносили человеческие жертвы.

Добрыня остался княжить в Новгороде, а Владимир несколько лет провел в самом неприглядном распутстве. У него было несколько жен, в том числе и вдова его брата Ярополка, некая гречанка, бывшая прежде монахиней. Она родила Владимиру сына Святополка, но су-

ществует стойкая гипотеза, что этот ребенок (получивший впоследствии красноречивое прозвище «Окаянный») был сыном Ярополка.

Кроме Рогнеды и гречанки Владимир имел еще трех законных жен и 800 наложниц: 300 было у него в Вышгороде, 300 — в Белгороде и 200 — в селе Берестове. Так что времени собственно на княжение у Владимира оставалось не так уж и много.

Впрочем, возможно, летописцы сознательно рисовали Владимира язычника только черными красками, чтобы ярче показать чудотворное воздействие на него христианской веры. Не исключено, что Владимир был не бóльшим грешником, чем все остальные князья его времени, а количество его наложниц завышено в разы для пущей убедительности, ибо 800 наложниц не нужны даже османскому султану.

Отвоевав в 981 Червенские города (Перемышль и др.), ранее захваченные Польшей, совершив успешные походы против вятичей (981–982), ятвягов (983), радимичей (984) и камских болгар (985), князь, по словам Н.М. Карамзина, «возжелал воздать почести благосклонным «богам», покровительствовавшим его дружине в деле объединения страны».

«И постави кумиры на холме вне двора теремного, и приносил им жертвы. И привождали люди сынов своих и дочерей и служили бесам и оскверняли землю требами своими».

Однажды жребий быть принесенным в жертву идолам пал на юного Иоанна, сына православного варяга Феодора. Отец отказался выдать его язычникам, сказав:

— Если ваши боги всемогущи, пусть сами придут и попробуют взять сына у меня! У вас не боги, а дерево: нынче есть, а завтра сгниют, не едят, не пьют, не говорят... не дам сына своего бесам!

Разъяренная толпа растерзала и отца, и сына в их собственном доме. Эти люди стали первыми и последними мучениками христианства в языческом Киеве. Церковь наша чтит их под святыми именами Феодора и Иоанна. А сам князь Владимир, после своего обращения в христианство, воздвиг на месте их гибели первую из созданных им церквей — во имя Успения Пресвятой Богородицы (она получила название Десятинной, так как благочестивый князь давал на ее содержание десятую часть своих доходов).

Впрочем, фанатичным язычником Владимир оставался не так уж и долго. Собрав «под свою руку» немалые земли, двадцатипятилетний князь задумался о единой религии для всех своих подданных. И потянулись на Русь посольства от разных народов, призывавшие Русь обратиться в их веру.

Сначала пришли волжские болгары мусульманской веры и хвалили своего Магомета; потом иноземцы из Рима от Папы проповедовали католическую веру, а хазарские ев-

реи — иудейство. Последним при-
был проповедник, присланный из
Византии. Он стал рассказывать
Владимиру о православии, и слу-
шал его Владимир со всем внима-
нием. Но и только... пока.

В 987 году князь созвал бояр сво-
их и старцев градских и сказал им:

— Приходили ко мне болгары, го-
воря: «Прими закон наш». Затем
приходили немцы и хвалили закон
свой. Затем пришли евреи. После
же всех пришли греки, браня все за-
коны, а свой восхваляя, и много го-
ворили, рассказывая о начале мира
и о бытии всего. Мудрено говорят
они, и чудесно слушать их. Расска-
зывали они и о другом свете. Если
кто, говорят, перейдет в нашу веру,
то, умерев, снова воскреснет, и не
умереть ему во веки, если же в ином
законе будет, то на том свете гореть
ему в огне. Что же вы мне посовету-
ете? Как им ответить?

Бояре и старцы отвечали:

— Знай, князь, что своего никто
не бранит, но всегда хвалит. Если
хочешь обо всем разузнать, то по-
шли от себя мужей посмотреть, кто
и как служит Богу.

Владимир последовал этому, пря-
мо скажем, мудрому совету. Десять
избранных мужей отправились из
Киева знакомиться с религией и об-
рядами иных народов. Когда же они
вернулись, князь Владимир вновь со-
звал бояр своих и старцев и предло-
жил выслушать послов. Те сказали:

— Ходили мы к болгарам, смо-
трели, как они молятся в мечети.

Стоят они там без пояса, сделав по-
клон, сидят и глядят туда и сюда,
как бешеные. И нет в них веселья,
только печаль и смрад великий. Не
добр закон их. И пришли мы к нем-
цам, и видели в храмах их различ-
ную службу, но красоты не видели
никакой. И пришли мы в Греческую
землю, и ввели нас туда, где служат
они Богу своему, и не знали — на
небе или на земле мы: ибо нет на
земле такого зрелища и красоты
такой. И не знаем, как и рассказать
об этом. Знаем мы только, что пре-
бывает там Бог с людьми, и служба
их лучше, чем во всех других стра-
нах. Не можем мы забыть красоты
той, ибо каждый человек, если вку-
сит сладкого, не возьмет потом
горького: так и мы не можем уже
здесь пребывать в язычестве.

Оставим на совести летописца
восхваление «закона греческого».
Решающим для Владимира было
другое: пример его бабки, княгини
Ольги, которая приняла христиан-
ство именно в Царьграде. Разууме-
ется, он не собирался туда сам и
уж, тем более, не мог отправить в
Византию всех своих подданных-
язычников, дабы те узрели свет ис-
тинной веры. Посему решение во-
проса о массовом крещении, равно
как и об обращении в православие
самого князя Владимира, было вре-
менно отложено, и не только из-за
колебаний самого князя и его бли-
жайшего окружения.

В 987 года в Малой Азии вспых-
нуло восстание, размах которого

сильно напугал византийского императора Василия II. Он обратился за помощью к князю Владимиру, и тот согласился, при условии, что император отдаст ему в жены свою сестру Анну. По-видимому, первоначальное согласие было получено: летом 988 года, как об этом однозначно свидетельствуют греческие и арабские источники, отряд русских воинов прибыл в Византию и оказал императору большую помощь в сражениях под Хрисополем и Авидосом. Но... невеста так и не приехала.

Обманутый и оскорбленный Владимир предпринял поход против самих византийцев. Он осадил город Корсунь (нынешний Херсонес), который, возможно, и устоял бы, если бы не предательство одного из его жителей. Тот пустил в лагерь Владимира стрелу с письмом, в котором говорилось:

«Перекопайте и переймите воду, она идет по трубам из колодцев, которые за лагерем вашим с востока».

Владимир тотчас же велел последовать этому совету. Люди в осажденном городе изнемогли от жажды и сдались. Владимир же послал грамоту византийским кесарям Василию и Константину:

«Вот, взял уже ваш город славный. Снова прошу в жены вашу сестру девицу. Если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу».

Вторично обманывать Владимира византийцы не решились и при-

слали письмо следующего содержания:

«Не пристало христианам выдавать жен за язычников: если крестишься, то и ее получишь, и Царство небесное воспримешь, и с нами единовен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя».

Владимира это вполне устраивало: отойти от язычества он и без того собирался, а мир с Византией был важнее и нужнее новых разорительных военных походов. Посему ответ его был скор, мудр и даже смиренен:

«Я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи».

Оставалось... уговорить невесту, мнения которой до того момента спросить никто не удосужился. И тут возникло неожиданное препятствие: порфиородная царевна Анна, оказывается, предпочитала смерть или постриг в монастыре браку с безбожным варваром. Пришлось обращаться за помощью к священникам, которые предъявили царевне очень убедительный довод:

«Может быть, обратит тобой Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавит от ужасов войны. Видишь, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают у нас то же, что в Корсуни».

Стать орудием Господа в деле просвещения еретиков и язычников

царевна вынуждена была согласиться, хотя и плакала, по свидетельству очевидцев, «долго, горько и отчаянно». С плачем села на корабль и в сопровождении пышной свиты прибыла в Корсунь, где, едва ступив на берег, осведомилась:

— Крестился ли Владимир?

Увы, нетерпеливо ожидавший невесту Владимир не только еще не крестился, но внезапно заболел глаз-

ной болезнью, завершившейся полной слепотой. Анна посоветовала немедленно окреститься.

— Если хочешь избавиться от болезни, то крестись поскорей, а если не крестишься, то не избавишься от недуга своего.

— Если вправду исполнится это, — ответил якобы Владимир, — то поистине велик Бог христианский.

В момент совершения Таинства в купели, если верить летописцам, князь чудесным образом прозрел, причем не только очами, но и душой.

«Епископ корсунский с царицыными попами, огласив, крестили Владимира. И когда возложили руку на него, тотчас прозрел Влади-

мир и, ощутив свое внезапное исцеление, прославил Бога. Многие из дружинников, увидев это чудо, тоже крестились. Случилось это в церкви св. Василия, что стояла посреди Корсуни».

Через несколько дней после этого в той же церкви Владимир обвенчался с Анной, и княжеская чета в сопровождении дружины отправилась в Киев. Киевляне радостно приветствовали своего князя и его новую супругу, не подозревая о том, что их ждет в ближайшем будущем.

История крещения Руси описана в «Повести временных лет» таким образом:

«...Владимир взял царевну и священников корсунских с мощами св. Климента. Взял он также церковные сосуды и иконы и со всем этим отправился в Киев... Возвратившись в столицу, Владимир повелел опрокинуть идолов, — одних порубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы к Днепру. Затем послал Владимир по всему городу с такими словами: «Если не придет кто завтра на реку, будь то богатый или бедный, или нищий, или раб, то будет мне враг!» Услышав это, пришли люди к Днепру без числа. Одни стояли в воде до шеи, другие по грудь, некоторые держали младенцев. Когда крещены были все и разошлись по домам, приказал Владимир ставить церкви, определять в них попов и приво-

дить людей на крещение по всей стране своей. Затем Владимир послал собрать у лучших людей детей и отдать их в книжное обучение. Матери, провожая их, плакали по ним, как по мертвым, ибо не утвердилась еще новая вера».

После крещения киевлян великий князь приступил к искоренению язычества на Руси и принялся ревностно истреблять языческих идолов. На их местах устанавливались христианские храмы, богослужение в которых шло по книгам, переведенным с греческого на славянский святыми братьями Кириллом и Мефодием. Вероятно, ими же была переведена на славянский язык и наша Библия. Сначала готовые церковные книги шли на Русь из Болгарии, а потом, когда и между русскими появились грамотные люди, книги стали переводиться и на Руси. Таким образом, вместе с христианством пришла на Русь и грамотность.

Владимир стал заботиться о больных и бедных. Он созывал на княжеский двор народ отовсюду, кормил, поил всех пришедших, а для тех, кто не в состоянии был приходиться на княжеский двор, приказывал развозить еду по городу. Вообще Владимир возвратился в Киев совсем не таким, каким покинул город. Он распустил свои гаремы, а Рогнеде, своей первой жене, послал сказать:

— Я теперь христианин, и должен иметь одну жену, ты же, если хочешь, выбери себе мужа между боярами.

Замечательный ответ Рогнеды, скорее всего, придуман, ибо никак не согласуется с ее характером и образом жизни:

— Я природная княжна, — якобы велела она передать Владимиру. — Ужели тебе одному дорого Царствие Небесное? И я хочу быть невестой Христовою.

Рогнеда действительно закончила свои дни смиренной монахиней Анастасией, но крестили и постригли ее наверняка принудительно. Как и подавляющее большинство бывших «одалисок» князя Владимира. Все-таки это более гуманно, чем зашивать ненужных уже наложниц в мешки и топить, как это было принято в мусульманских гаремах.

Перестав, наконец, распутничать, Владимир сумел чрезвычайно много сделать для укрепления Русского государства, подчинив своему влиянию целый ряд славянских племен, живших на востоке от великого водного пути «из варяг в греки». Он распространил пределы своей державы от Балтийского моря на севере до реки Буг на юге.

Особенно много хлопот и забот доставляли тогда русским степные варвары-печенеги, ставшие настоящим бедствием. В 993 году Владимир выступил против них. Летописец рассказывает, что, когда русское войско встретилось с печенегами на берегах Трубежа, князь печенежский предложил Владимиру решить судьбу битвы поединком своих богатырей.

— Ежели русский убьет печенега, то обязан тогда я три года не воевать с вами; а ежели наш победит, то мы вольны три года опустошать твою землю.

И поединок состоялся. Против страшного великана-печенега вышел малорослый юный русич, который неожиданно крепкими мышцами своими задавил печенега и, уже мертвого, ударил о землю.

Возможно, именно так и было, а возможно, и нет, ибо слишком уж напоминает библейский сюжет о Давиде и Голиафе. Точно известно только, что воспрянувшая духом княжеская дружина бросилась на войско печенегов, которое едва спаслось бегством. В память об этом событии Владимир заложил на берегах Трубежа город и назвал его Переяславлем, ибо юноша русский «переел» у врагов славу.

Для ограждения Руси от нападения чужеземцев по указанию Владимира строились оборонительные рубежи с новыми городами и крепостями. А чтобы предупреждать нападения незваных гостей, по окраинам Руси беспрестанно несли службу воины-богатыри. Дружины богатырские своими подвигами во имя Родины оставили в ее памяти неизгладимый след: из поколения в поколение передавались и передаются былинные легенды об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, других чудо-богатырях и... князе Владимире Красном Солнышке.

При Владимире Древнерусское государство вступило в период своего расцвета, но одновременно начался и процесс княжеских междоусобиц, то есть феодальной раздробленности — этап, через который, так или иначе, проходили все крупные государства. В Киевской Руси причина этого была проста: у Владимира от разных жен было ДВЕНАДЦАТЬ сыновей, и каждому он, по устоявшемуся уже обычаю, должен был выделить собственный удел.

В разных летописях приводятся их имена, но без определения, в каком порядке они следовали по старшинству: в одном месте они поставлены по матерям, в другом следуют в ином порядке. Так или иначе, от Рогнеды у Владимира точно было два сына: Изяслав, получивший в удел Полоцк, но скончавшийся раньше своего отца, и Ярослав, ставший впоследствии Великим князем киевским и получившим прозвище «Мудрый», под которым и вошел в историю. Была еще и дочь Доброгнева, выданная замуж за польского короля Казимира I Обновителя и получившая при крещении имя Мария.

От гречанки, вдовы Ярополка, родился Святополк, который получил Туровскую волость и после смерти Изяслава оставался старшим в роду.

От византийской царевны Анны Владимир имел двоих сыновей — Бориса и Глеба, получивших, соответственно, Ростовское и Муромское княжение. Но оба были убиты

по приказу сводного старшего брата Святополка, который именно за этот поступок получил прозвище «Окаянный», а Борис и Глеб были впоследствии причислены православной церковью к лику святых. Еще один сын Владимира — Святослав — от неизвестной жены-язычницы, также был убит Святополком.

Хотя сыновья в своих уделах при жизни князя Владимира имели лишь права наместников, начало раздробленности Руси было положено практически одновременно с началом ее становления как государства. Но главное было даже не в этом: вопреки всему, Русь не разрушилась и не потонула в пучине междоусобиц благодаря быстрому распространению единой веры — православия.

Уже при жизни Владимира в Киеве были возведены сотни церквей. На севере: в Новгороде, Ростове, Муроме — язычество держалось дольше и крепче, но и там, после исторически непродолжительного периода двоеверия, православие безоговорочно восторжествовало...

Необычной была жизнь у первого крестителя Руси. Много изустных сказаний, легенд и выдумок ходило о нем в связи с его удивительной государственной, духовной и личной жизнью. Великий князь был известен своим хлебосольством и дружелюбием с соседями. Сам Папа Римский, по преданию, не прочь был принять Русь

под свое начало. Дунайская Болгария и Греция охотно торговали с русскими купцами... Все говорило о благополучии страны и силе ее великого князя.

Владимир вел активную внешнюю политику: за время правления им было заключено множество договоров с правителями разных стран. Это были: король Венгрии Стефан I, король Польши Болеслав I, король Чехии Болеслав II, император Византии Василий II и даже Папа Римский Сильвестр II. Киевская Русь медленно, но уверенно входила в число признанных европейских государств.

С той же целью — укрепление государственности — Владимир начал чеканку собственной монеты — золотой («златников») и серебряной («сребреников»), воспроизводившей византийские образцы того времени. По этим монетам известен и княжеский знак Владимира — знаменитый трезубец, принятый в XX в. Украиной в качестве государственного герба. И златники, и сребреники служили дополнительным знаком суверенитета христианского государя.

Чтобы русский народ привыкал жить по христианскому закону, Владимир с помощью второго киевского митрополита Леона и супруги своей Анны дал ему два устава: первый — «ЗАКОН О СУДАХ ЦЕРКОВНЫХ», второй — «ЗАКОН СУДНЫЙ ЛЮДЯМ».

По церковному уставу, духовенство должно было просвещать рус-

ский народ и заботиться о нем. В Законе этом оговорены были и наказания за церковные прегрешения: денежные взыски (пени) или церковное покаяние. По светскому суду, наказания были: денежные взыски, лишение имущества, заточение в тюрьму... Впервые нормы жизни определялись не княжескою волей, то есть произволом, а более или менее четко установленными законами.

Владимир — первый русский князь, прославившийся не военными победами (хотя и таковых было немало), а гражданскими, государственными деяниями. Но конец его жизни был омрачен чередой печальных и трагических событий.

В последние годы жизни он, вероятно, собирался изменить принцип престолонаследия и завещать власть любимому сыну Борису, поскольку двое старших сыновей — Святополк туровский и Ярослав новгородский почти одновременно отказались признавать верховную власть отца в 1014 году. Святополк был схвачен и заключен под стражу, а Владимир готовился к походу против Ярослава, но внезапно заболел и призвал в Киев Бориса.

Вскоре по его прибытии стало известно о вторжении печенегов, и отец послал его с дружиною для отражения их набегов. Пока Борис находился в походе, великий князь Владимир скончался 15 июля 1015 года, горько оплакиваемый народом. Его тело было заключено в мрам-

морную раку и поставлено в центре киевского храма Богородицы рядом с гробницей его супруги Анны.

Борис нигде не встретил печенегов и, возвращаясь обратно, узнал о смерти отца и о занятии великокня-

жеского стола Святополком. Дружина предложила идти на Киев и овладеть престолом, но Борис не хотел нарушать святости родовых отношений и с негодованием отверг это предложение, вследствие чего дру-

жинники отца покинули его, и он остался с одними своими отроками.

Между тем Святополк хотел устранить соперников по обладанию княжеством. Он отправил к брату наемных убийц, и те закололи спящего в походном шатре Бориса, а также немногих оставшихся с ним слуг.

«Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на Бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина, замышлявшего братоубийство, уловил Святополка. Угадал он помыслы Святополка, поистине второго Каина: ведь хотел перебить он всех наследников отца своего, чтобы одному захватить всю власть», — говорится в «Сказании о Борисе и Глебе».

После убийства Бориса Святополк позвал в Киев Глеба, опасаясь, что, будучи родным братом убитому Борису, тот захочет отомстить. Ярослав, узнавший о замыслах Святополка, послал гонцов предупредить Глеба и заклинал его не ездить в Киев, однако предупреждение запоздало. Святополк расправился с Глебом так же, как и с Борисом: наемные убийцы настигли его в Смоленске, причем юный князь в момент гибели молился об отце и брате.

Тело Глеба убийцы погребли «на пусте месте, на брезе межи двема колодами» (то есть в простом гробу, состоящем из двух выдолбленных бревен). Четыре года спустя, когда Ярослав занял Киев, по его

приказу тело Глеба было отыскано, привезено в Вышгород и погребено вместе с телом Бориса у церкви Святого Василия.

Первоначально Борис и Глеб стали почитаться как чудотворцы-целители, а затем русские люди и, преимущественно, княжеский род стали видеть в них своих заступников и молитвенников. В похвале святым, содержащейся в «Сказании о Борисе и Глебе», их называют «заступниками Русской земли» и «небесными помощниками русских князей»:

«Воистину, вы цесари цесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем».

В «Повести временных лет» говорится, что братоубийца вскоре был наказан параличом и безумием: «...и расслабишася кости его, не можааше седети, несяхут и на носилех». Святополк Окаянный умер во время бегства от войск Ярослава, и место его смерти, равно как и могилы, неизвестно.

А князь Владимир Красное Солнышко, Креститель Руси, был канонизирован Русской православной церковью при Иване Грозном. Русская православная церковь причислила его к лику святых.

Вновь о князе Владимире вспомнили к 900-летию Крещения Руси в

1888 году. Указом Святейшего Синода, «для запечатления навсегда в благоговейной памяти православных чад русской Церкви имени Просветителя русского народа, день памяти св. Владимира определено отнести к праздникам, имеющим в Уставе знак креста в полукруге — изображение совершается; до того полагалась полиелейная служба». Тогда же в Киеве был возведен знаменитый Владимирский Собор.

Русская Церковь поминает Святого Владимира в день его преставления — 15 июля по старому стилю. В тот же день, 28 июля по новому стилю, его отмечают католики России и Украины, покровителем которых он считается.

С 2002 года святой равноапостольный великий князь Владимир считается небесным покровителем внутренних войск МВД России с благословения патриарха Московского и всея Руси Алексия II, который на Архиерейском Соборе РПЦ сказал:

«Сегодня в общецерковном календаре день 15/28 июля, когда мы чтим память равноапостольного князя Владимира, «идолы поправшаго и всю Российскую землю Святым Крещением просветившаго», даже не выделен красным цветом и рассматривается как «средний» праздник. А ведь Крещение Руси, совершенное святым князем, духовным вождем нашего народа и героем наших народных былин, стало величайшим событием отечественной истории, без которого не родилось

бы в ней все лучшее и возвышенное, что неразрывно связано с православной верой. Полагаю, что день великого князя Владимира надо и отмечать как великий праздник».

Но пока этого не произошло. «Красным днем церковного календаря» 28 июля не стало. Что ж, зато осталось немало мирских, точнее, земных памятников князю Владимиру.

Он сам основал в 990 году и назвал в честь себя город Владимир, ныне областной центр Российской Федерации.

В десятом веке имя Владимира приобрел город Владимир-Волынский, ныне в Волынской области Украины.

В 1782 году императрица Екатерина II учредила Императорский орден Святого Равноапостольного Князя Владимира в 4 степенях.

В 1853 году князю Владимиру был поставлен памятник в Киеве, на пустой высокой горе над новым центром города — Крещатику.

В 1999 году в Белгороде открыт памятник святому равноапостольному князю Владимиру — крестителю Руси.

В 2007 году открыт памятник Владимиру Святому и епископу Суздальскому Феодору во Владимире.

А в 2010 году в городе Коростень был открыт памятник юному князю Владимиру и его матери — безвестной рабыне Малуше.

Так что и история, и человеческая память каждому воздала по заслугам и по справедливости. □

Евгения Гордиенко

ВЕЛИКИЙ ДУХ

ДЕТЕКТИВА

В 1902 году английский монарх Эдуард VII благодарил своих подданных за услуги, оказанные британской Короне во время англо-бурской войны. К нему подошел один из них — средних лет, но все еще молодцеватый мужчина, с солидными «моржовыми» усами... Он преклонил перед королем колени, на его плечо плашмя лег меч, и Эдуард произнес: «Встаньте, сэр Артур...»

Отныне врач и литератор Артур Конан Дойл стал носить почетное рыцарское звание. За выдающиеся деяния на войне, разумеется, а вовсе не потому что, как говаривали злые языки, король Эдуард ничего не читал в своей жизни с таким увлечением, как рассказы о Шерлоке Холмсе.

Эдинбуржец из приличной семьи

Один из красивейших городов мира, столица Шотландии, Эдинбург, может по праву гордиться не только старинным королевским замком-крепостью, знаменитым медицинским университетом, ежегодным фестивалем и выходом к Северному морю. Город прославили и многие его великие уроженцы — Александр Белл, Роберт Льюис Стивенсон, Шон Коннери и даже Джоан Роулинг. В их число входит и человек, подаривший

Евгения Горбенко

ВЕЛИКИЙ ДУХ

ДЕТЕКТИВА

миру странного сыщика с трубкой и скрипкой — Артур Конан Дойл.

Его рождение 22 мая 1859 года в семье художника и архитектора Чарльза Дойла и его жены Мэри принесло огромную радость — ведь Артур был первенцем. После него Мэри родила еще 8 детей, но если счастья в семье становилось все больше, то денег — все меньше. Чарльз Дойл много пил, а дни свои и вовсе закончил в сумасшедшем доме, хотя сам Артур впоследствии вспоминал, что отец вовсе не был помешанным, просто он «слышал голоса». Впрочем, с возрастом и сам Артур обрел определенные странности, о которых мы поговорим чуть позже...

Когда ему исполнилось 9 лет, богатые члены семейства Дойл (были и такие) предложили оплачивать его обучение. Благодаря этой щедрости Артур в течение 7 лет ходил в школу-интернат иезуитов Ходдер, а затем перебрался в Стоунхерст — большую закрытую католическую школу в Ланкашире. Как и «положено» в хорошей школе, кормили там мало, а наказывали много. Зато именно там будущий писатель понял, что ему нравится сочинять и пересказывать сочиненное. В последний год обучения он даже издавал журнал колледжа и писал стихи.

По возвращении домой Артур, возможно, под влиянием матери, с детства старавшейся привить ему благородство, поступил на медицинский факультет знаменитого Эдинбургского университета. Что может быть благороднее, чем спасать чужие жизни? Уж, во всяком случае, не литературная карьера.

Доктор Дойл, моряк Артур или писатель?..

Но все же мир, вероятно, ничего не узнал бы о Шерлоке Холмсе, если бы Артур Конан Дойл не

поступил в Эдинбургский университет. Ведь именно там будущий писатель стал посещать лекции известного хирурга, профессора Джозефа Белла, который и стал прототипом знаменитого сыщика.

На глазах у изумленных студентов он «угадывал» болезни пациентов, на самом деле пользуясь тем самым дедуктивным методом, то есть, благодаря не только «научным познаниям, но и ушам, носу, рукам...» Конан Дойл даже придумал Холмсу черты Белла: близко посаженные глаза, орлиный нос, эксцентричные манеры.

Но лекции знаменитого доктора Белла были в университете отнюдь не бесплатными. И чтобы платить, Конан Дойл был вынужден искать работу. Сначала он занимался весьма скучным делом — смешивал микстуры, расфасовывал порошки. Потом стало интереснее — он завербовался на место хирурга на судне «Надежда», отправлявшемся в Гренландию. Охота на китов, соленое море, восьмидесятая широта — именно там он почувствовал себя настоящим мужчиной. К тому же, заработанные 50 фунтов можно было потратить и на учебу, и на помощь матери и обрести внутреннюю независимость, позволившую ему отказаться от «выгодного» предложения богатой родни. Дядюшки Джеймс и Генри Дойл предлагали племяннику место врача в Лондоне. Казалось бы, что может быть лучше? Но, как всегда, существовало одно маленькое условие — это было место католического доктора. Артур же, проучившийся несколько лет в иезуитской школе, на всю жизнь излечился от каких бы то ни было религиозных пристрастий и заявил ошарашенной родне, что будет «последним негодяем», согласившись, будучи агностиком, лечить пациентов, не разделяя их религиозных взглядов.

Вместо того, чтобы поехать в Лондон, он уехал в Портсмут, где завел собственную практику, состоявшую первое время только из одного пациента. Подвыпивший моряк прямо перед домом доктора избивал свою жену, а когда Конан Дойл выскочил на шум и надавал пьянице тумаков, поспешно ретировался. Правда, пришел на следующий день — залечивать раны.

Но в целом работа не клеилась, потому что врач не только лечит, он должен еще и общаться с людьми. Чтобы поднять свой престиж, Конан Дойл стал играть в боулинг, в крикет, обсуждал с местными жителями науку и литературу. И дело пошло!

Причем не только врачебное. Попутно с осмотром пациентов и выписыванием рецептов Конан Дойл написал рассказы «Капитан полярной звезды» и «Мой друг убийца». Заработанные 20 гиней вдохновили его на новые «подвиги». Однако часто бывало, что посылки с рукописями возвращались к автору...

Впрочем, миг славы приближался. В 1883 году известный и престижный журнал «Корнхилл мэгэзин» опубликовал очерк «Сообщение Хебеку-

Евгения Горбенко

ВЕЛИКИЙ ДУХ

ДЕТЕКТИВА

ка Джефсона». Дойл заработал 30 фунтов и два обвинения от критиков: в том, что вещь была украдена у Стивенсона, и в том, что это жалкое подражание Эдгару По. Одним словом, признание было получено.

Женитьба и убийство

В викторианской Англии считалось неприличным для доктора не только не бывать в обществе, но и быть неженатым. Конан Дойл, разумеется, не стал давать никаких брачных объявлений, но не упустил шанса воспользоваться случаем, пусть и печальным.

На лечение к нему привели молодого человека — Джека Хоукинса. Он страдал церебральным менингитом, и дни его были сочтены. Однако эти последние месяцы доживать ему было негде — никто не хотел сдавать квартиру семье с таким больным. А Конан Дойл согласился. Так в его доме, помимо самого Джека, поселились его мать и сестра — Луиза. Спокойный нрав этой 27-летней молодой женщины напомнил врачу, что пора бы и жениться. Вскоре, в мае 1885 года, состоялась скромная свадьба, благо, Мэри Дойл потенциальную невестку одобрила.

Вместе с браком Конан Дойл получил и новый стимул писать — молодой семье, разумеется, было нужно куда больше денег, чем одинокому мужчине. Именно в эти годы и был придуман знаменитый Шерлок Холмс. Его чуть было не постигла участь многих предыдущих героев писателя — быть возвращенным из множества журналов. Но в дело, как это часто бывает, вмешался случай. Ну, и женщина, конечно.

Жене издателя журнала «Стрэнд» — малоизвестного и довольно нового — понравился «Этюд в багровых тонах». Рассказ напечатали в 1887 го-

ду, а вскоре заказали автору еще шесть рассказов. Казалось бы, писатель должен обрадоваться, что его герой показался публике и издателям интересным, но нет — он запросил высокий гонорар за каждый рассказ, в надежде, что сумма в 50 фунтов отпугнет заказчика. Дело в том, что уже в это время Конан Дойл главным делом своей литературной карьеры считал исторические романы — «Мика Кларк», «Тень великого человека». Но издатель запрошенной суммы не испугался, и новые рассказы о Холмсе пришлось писать.

В начале 90-х годов XIX века с Конан Дойлом произошли два события, в корне изменившие его жизнь. В 1891 году он заболел настолько серьезно, что многим казалось — он уже не выкарабкается. Антибиотиков не было, а инфлюэнца, поразившая писателя, была сурова. Но он выздоровел, а, выздоровев, решил покончить с карьерой врача и стать профессиональным писателем.

Вместе с Луизой они уехали в Портсмут, где вскоре произошло и второе событие — теперь заболела Луиза.

Конан Дойл потом много лет корил себя за то, что он — профессиональный врач — не разглядел у жены признаков зарождающегося туберкулеза. К сожалению, Луизе, по прогнозам докторов, оставалось жить 3–4 месяца.

И тут Артур, подобно своему герою Холмсу, смог сделать почти невозможное. Он увез жену в Швейцарию, ухаживал за ней сам, тратил огромные деньги на санатории и лекарства. И Луиза прожила еще... 13 лет.

Попутно Конан Дойл продолжал писать о Холмсе, ведь только рассказы о герое, которого сам автор уже терпеть не мог, приносили достаточно денег, чтобы оплачивать лечение жены.

Но все же он окончательно решил покончить с ненавистным Шерлоком и, налюбовавшись на прекрасные водопады (в их числе и Рейхенбахский), именно здесь прервал жизнь своего героя.

Когда в «Стрэнде» вышел рассказ «Последнее дело Холмса», читающий Лондон захлебнулся от ярости. В редакцию пачками шли возмущенные письма, а читатели в негодовании отказывались от подписки на журнал...

Вторая леди сэра Артура

Словно мало было Конан Дойлу болезни жены и опротивевшего героя, именно в этот момент своей жизни, в 1897 году, судьба подкинула очередной «сюрприз» — он встретил новую любовь — юную мисс Джин Леки, дочь богатых шотландцев из древнего рода. Она была красива, умна, умела петь,

Евгения Горбенко

ВЕЛИКИЙ ДУХ

ДЕТЕКТИВА

музицировать, была отличной наездницей и имела еще множество достоинств, которые, в качестве жены, могла бы преподнести своему мужу.

Однако она выбрала Артура Конан Дойла, обремененного большой женой, множеством жизненных неурядиц и невероятным чувством долга, которое не позволяло начать ему хоть какие-то любовные отношения с Джин, пока была жива Луиза.

Раздираемый бурными чувствами, Конан Дойл старался заняться всем, чем только можно было заняться. Он доказывал невиновность несправедливо обвиненных людей, ходил в экспедиции с альпинистами, летал на воздушном шаре, даже ездил на гоночной машине, однажды едва избежав гибели, даже участвовал в выборах, но проиграл.

В это время началась англо-бурская война, куда Артур отправился в качестве хирурга. А вернувшись с войны, он застал свое семейство в том же положении — Луиза больна, Джин ждет его, а публика ждет Шерлока Холмса.

Холмса пришлось «воскресить» — лечение Луизы продолжало требовать денег. Джин помогла в этом — придумала и сюжет для рассказа, и подсказала, как объяснить то, что сыщик не погиб на водопаде.

Вскоре здоровье Луизы совсем ухудшилось, и в 1906 году она умерла.

Через 10 лет после знакомства, в 1907 году, Артур и Джин смогли, наконец, пожениться.

Война и Дух сэра Артура

После свадьбы Джин и Артур переехали в новый дом, где Джин все обустроила по своему вкусу.

Несколько лет они прожили в мире и согласии, пока не началась Первая мировая война.

Самого сэра Артура на войну уже «не взяли» — из-за возраста. Но война все равно отняла у него многих любимых людей: погибли брат Джин Малькольм, шурин и два племянника Артура, затем его старший сын Кингли и брат Иннес.

Но в письмах матери Конан Дойл писал, что по-прежнему продолжает общаться с ними...

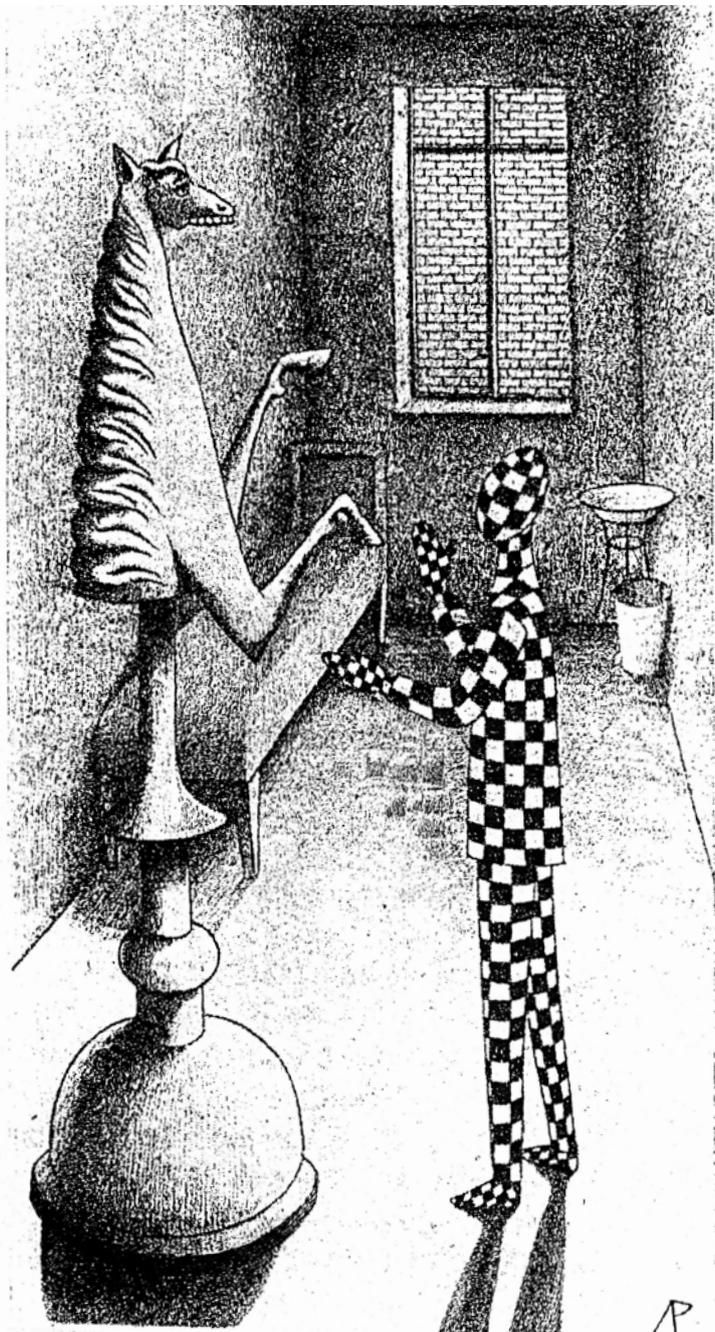
Многих удивляло, почему молодая, богатая и красивая Джин Леки десять лет ждала пусть и знаменитого писателя, но все же немолодого и усталого Артура. Ответ прост: Джин верила, что им суждено быть вместе. Она была убежденной спириткой и медиумом, общалась с духами и писала под их диктовку. К этому же увлечению она прирастила и Артура Конан Дойла.

Но сэр Артур верил по-своему, по-рыцарски. Он считал, что нет ничего более важного, чем нести знания народу. Он без устали ездил по миру, зная, что одно его имя привлечет немало людей туда, где он расскажет о новой своей вере.

Газеты, разумеется, писали о том, что автор знаменитых рассказов о Шерлоке Холмсе сошел с ума...

...На могиле сэра Артура Конан Дойла написано «Рыцарь. Патриот. Врач. Литератор». Это то, что о нем написали люди, которые знали и любили его. Но есть и четверостишие, которое он попросил высечь сам:

*Меня не поминайте с укоризной,
Если увлек рассказом хоть немного
И мужа, насмотревшегося жизни,
И мальчика, пред кем еще дорога... □*

Евгений Иванович Замятин (1884–1937) — писатель удивительный... За отпущенные ему судьбой полвека он успел прожить как бы несколько жизней. В 1931 году он написал Сталину: «Я знаю, что у меня есть очень неудобная привычка говорить не то, что в данный момент выгодно, а то, что мне кажется правдой». И хотя он был страшно затравлен критикой, благодаря поддержке Горького Замятин все же получил разрешение на выезд из страны. Последние пять лет своей жизни он провел в Париже, где и умер в 1937 году.

Литературное наследие писателя не столь велико, но в нем почти нет произведений, о которых можно было бы сказать, что они — не лучшие. Наделенный превосходным чувством юмора, Замятин написал множество юмористических рассказов, вызывающих не только улыбку и смех, но и заставляющих понять, что за внешним комизмом ситуаций стоит нечто более глубокое и сложное — сама жизнь.

Евгений Замятин

Человек с колючим бобриком, в мундире жандармского полковника, по военному отчеканил свои показания и сел. Он производил у подсудимого обыск, его показания были бесспорны, точны, убийственны. Но подсудимый даже не посмотрел на него. Он не дыша, боясь шевельнуться, прислушивался к мерному топоту солдатских ног: сейчас в зал должен был войти тюремный конвой — и с ним последняя надежда на спасение для подсудимого. Подсудимый знал, что конвоем командует Попов, тоже революционер, как и он сам, и что Попов попытается в удобный момент передать ему револьвер.

Но Попов дошел только до эстрады, на которой сидели судьи: тут, вместо того, чтобы подойти с конвоем к подсудимому, он растерянно остано-

вился и, не мигая, вытянув шею, глядел в глубь зала. Шея у него была неожиданно тонкая для его широких плеч — как будто по ошибке взята от чужого человеческого комплекта. Он стоял и удивленно, забыв обо всем, смотрел на жандармского полковника.

Кроме полковника, никто этого не заметил, никому не понятна была причина происшедшего замешательства. Впрочем, ничего не понял и полковник: он только почувствовал, как немигающий взгляд конвойного офицера с журавлиной шеей споткнулся на нем.

Раньше времени зазвенел звонок: перерыв. Продолжение заседания суда было отложено. Судьи, сверкая генеральскими эполетами, встали, задвигались. Все торопились в буфет, чтобы успеть там наспех проглотить чаю или кофе. Последними вышли из зала огромный краснолицый извозчик и лысый нищий, тоже вызванные в качестве свидетелей по делу.

В буфете после ярко освещенного зала показалось темно — тускловатые, пыльные лампы были, вдобавок, завешены табачным туманом. Было открыто окно, всякий раз запахивалась дверь от сквозняка, подвешенные к потолку лампы слегка покачивались — и все внизу под ними тоже слегка покачивалось, все было непрочно, как во сне. И в самом деле — особенно после суровой реальности того, что происходило в зале, все здесь было похоже на сон или бред.

Мелькали в дыму солдаты, цыгане, мужики, офицеры. Священник, приводивший на суде свидетелей к присяге, обнимая цыганку, напевал шансонетку. К столику, за которым о чем-то спорили извозчик и нищий, дружески подсел жандармский полковник. «Из-за чего изволите горячиться, ваше превосходительство?» — спросил он нищего. Здесь, во сне, никто не удивлялся, что нищий принял титул превосходительства как должное, но даже и здесь полковнику показалось нелепым, когда нищий сердито показал на извозчика: «Из-за того, что прапорщик Симаков позволил себе сесть за мой стол, не спросив у меня разрешения, как полагается по уставу. Он забывает о моем чине!» Прапорщик-извозчик, добродушно колыхаясь животом, захохотал: «Все мы тут, дорогой мой, в одном чине: фигуранты! И всем нам одна цена — сто франков в день. Исключение — полковник: во-первых, получает сто двадцать, во-вторых, играет самого себя. Это называется «повезло!»

И, действительно, повезло: в этом фильме из русской жизни бывшему жандармскому полковнику дали роль жандармского полковника. Режиссер говорил, что играет он превосходно, а он совсем не играл: он просто стал прежним самим собой. Стал настолько, до таких мелочей, что вот сейчас, закулив папиросу, помахал спичкой совершенно ленивым жестом — и, как бывало тогда, бросил спичку еще горячей.

Сверху, из табачного тумана, спустилась рука и взяла из пепельницы еще горевшую спичку. Полковник взглянул вверх — и встретился с глазами длинношеего конвойного офицера Попова. Нагнувшись, Попов пристально смотрел полковнику прямо в лицо. Догоревшая спичка обожгла ему пальцы, он бросил ее, не закурив, — и молча исчез в фантастической толпе цыган, солдат, мужиков.

«Что это значит?» — сказал полковник. «Что — что значит?» — удивленно переспросил извозчик. Полковник попробовал объяснить, но не мог, потому что ничего, в сущности, не произошло. Вернее, произошло только одно: полковнику показалось, что этого длинношеего офицера он уже встречал когда-то. Но когда? Где? В Крыму? В Константинополе? Он никак не мог вспомнить, и это не давало ему покоя, как застрявшая в зубах рыбья косточка, которую непременно нужно вынуть.

Прапорщик-извозчик, вкусно подхохатывая, рассказывал что-то про цыганку, про какую-то подвязку, но слова не доходили до полковника: мешала рыбья косточка. А может быть, и не в ней было дело: просто хотелось пить, а кофе еще до сих пор им не принесли. Гарсон опять пролетел в тумане мимо их столика. Полковник обернулся, чтобы поймать его — и сзади себя, совсем близко, снова увидел Попова: перед самым носом священника он встряхивал на ладони два револьвера. «За каким чертом ты таскаешь с собой настоящий револьвер, раз тебе здесь дают бутафорский?» — спросил священник. «Обожаю револьверы... с детских лет...» — сказал Попов, слегка заикаясь.

Как только полковник услышал этот захлебывающийся, заикающийся голос, в голове у него, как в театре, мгновенно раздернулся какой-то занавес — и он все вспомнил, даже увидел с какой-то испугавшей его ясностью.

Этот человек, тогда — в студенческой форме, сидел спиной к нему, нагнувшись над железным столиком тюремной камеры. Полковник смотрел на него сквозь стеклянный глазок двери. Студент увлекся и не замечал ничего: перед ним на столике были сделанные из хлеба шахматы, он играл сам с собою. Полковник вошел в камеру, схватил разграфленный листок бумаги вместе с шахматами, скомкал и сунул себе в карман. Он сам был шахматист и знал, что это будет самым чувствительным наказанием для заключенного, а этот упрямец заслуживает наказания. Студент взглянул на полковника и ничего не сказал, только сделал глотательное движение, от которого на тонкой шее поднялся вверх и опустился кадык. Полковник, не отрывая глаз от его шеи, сказал очень ласково: «Вы получите свидание с вашей невестой. Я объяснил ей, что если вы будете молчать, то вам грозит петля, и она обещала убедить вас быть откровенной».

Свиданий с невестой у студента было не одно, а несколько. Это тянулось целый месяц. Полковник слышал, как девушка плакала, умоляла,

целовала. В конце концов студент заговорил откровенно. Когда полковник подписал приказ о его освобождении, студент секунду, не мигая, смотрел на него ненавидящими глазами, потом, заикаясь, сказал: «Ллу-ллучше бы вы меня повесили! И з-знаете, если мы к-когда-нибудь встретимся...» Он запнулся и так, не кончив фразы, ушел.

И вот — теперь, здесь — они встретились. Кругом них в бредовом тумане мелькали ненастоящие цыгане, офицеры, мужики, нищие. Прежние свои роли играли только они двое: полковник — себя, Попов — революционера, хотя он и был теперь в офицерской форме. И в буфете уже звенел звонок, призывая их продолжать игру — и может быть, теперь закончить ее.

Прапорщик-извозчик и превосходительный нищий ушли еще до звонка. Полковник шел в студию один. Из головы у него не выходил этот студент. Полковник вспомнил, что его невесту звали Мусей, и что однажды он увидел, как она, покраснев, старалась спрятать палец, высунувшийся из порванной перчатки, но лицо ее он совершенно забыл. «Какая странная вещь — память: забыть человеческое лицо — и запомнить порванную перчатку...» — подумал полковник.

Он открыл дверь — увидел себя на полутемном дворе, заваленном каким-то огромными пустыми ящиками, и никак не мог сообразить, куда идти. Ощупью нашел, наконец, дверь, через которую попал сюда, дернул ее — остановился: перед ним стоял Попов. Вытянув длинную шею, усмехаясь, он сказал: «За-за-заблудились?» И продолжал стоять, глядя на полковника и держа руки в карманах.

«Сейчас он вынет из кармана револьвер...» — волосы на голове полковника стали колючими. Он рассердился на себя и решительно шагнул на Попова: «Позвольте пройти!» Попов, не вынимая рук из карманов, посторонился. Полковник шел и слышал сзади себя шаги, все ближе и ближе. Он изо всех сил старался идти не спеша — и чувствовал, что идет все быстрее.

В студию он вбежал, запыхавшись. Его уже ждали. Режиссер громко, при всех, сделал ему замечание, но полковник подумал только об одном: наверное, он — этот Попов — тоже слышит это...

Полковник оглянулся: Попов сидел направо, немного сзади, так что полковнику нужно было только чуть повернуться, чтобы увидеть эти немигающие, неотступные глаза. Потом, уже не поворачиваясь, он как-то затылком, шеей, правым ухом чувствовал на себе этот взгляд — и это связывало его, опутывало как паутина.

Режиссер крикнул: «Allons!», лампы зашипели. Полковник встал, чтобы снова повторить свои десять убийственных для подсудимого слов. Он хотел, как делал тот, прежний, полковник, вытянуть руку, показывая на подсудимого, но искоса, углом глаза, увидел: держа руки в карманах, Попов

тоже встал. Полковник сделал рукой какое-то совершенно нелепое, деревянное движение и замолчал среди фразы: все слова вдруг вылетели из головы. «Да вы что, хватили лишнее или больны? — закричал на него режиссер. — Уходите вон! Проветритесь, тогда придете...»

Согнувшись, стараясь быть поменьше, понезаметней, полковник вышел из студии. Впрочем, он уже не был полковником, как все эти дни: он снова стал тем человеком, который недавно мыл окна и получал «на чай». Он шел по длинному пустому коридору и, стиснув кулаки, мысленно говорил режиссеру все то, что сказал бы вслух, если бы мог.

В буфете было безлюдно, из экономии горела только одна лампа. Полковник сел за столик, заказал кофе, потом остановил буфетчика: «Нет, лучше дайте коньку!» Буфетчик что-то переспросил. «Ах, да все равно что — только поскорей!» — с досадой махнул рукой полковник и... вдруг забыл и режиссера, и обиду, и буфетчика: к его столику шел от дверей Попов. Он остановился перед полковником и, как будто не решаясь, нащупывал что-то в кармане рукой. Полковник уже знал, что такое это «что-то». Сердце у него заколотилось, руки и ноги словно оказались спутаны паутиной, он не мог ни встать, ни крикнуть.

Буфетчик принес кофе и коньяк, поставил на столик и отошел. Бывший полковник и бывший студент остались вдвоем.

— А я ведь вас сразу узн-узнал... — сказал Попов, снова пошевелив рукою в кармане.

Полковник хотел сказать: «Что вам от меня нужно?», но понял, что это выйдет нелепо, смешно: он ведь знал, зачем нашел его здесь этот человек. Он ждал, не двигаясь, только сердце колотилось все сильнее.

— Помните, как вы в к-к-камере взяли у меня шахматы и сказали, что вы т-т-тоже шахматист? Я все п-п-помню! — продолжал Попов, хитро щу-рясь и понемногу, медленно вынимая руку из кармана.

Полковник видел теперь только эту руку, она заполняла собою весь мир. Он увидел, как вышла кисть, увидел черные часы на ремешке с наискось треснувшим стеклом. Оставалась еще секунда. Полковник втянул голову в плечи, как черепаха, и закрыл глаза.

Прошла секунда, две — выстрела не было. «Целится...» — мелькнуло в голове и, не выдержав, полковник открыл глаза.

Попов стоял перед ним, вытянув руку, в которой держал карманную шахматную доску.

— Сыграем? — сказал он и, не дожидаясь ответа, сел напротив полковника.

Мой скромный герой Семен Зайцер — или, если угодно, товарищ Зайцер — благополучно здравствует по сей день и проживает все там же, на Караванной улице в Ленинграде. И, тем не менее, — это рассказ исторический, ибо описываемые в нем события случились в ту романтическую эпоху, когда время в России считалось еще на года, а не на пятилетки, когда водка была объявлена буржуазным ядом и жаждущие забвения пили одеколон, когда в синей морозной пустыне петербургских улиц всю ночь щелкали выстрелы, когда веселые бандиты отпускали домой прохожих в одном воротничке и галстук, когда лучшим подарком любимой девушке был перевязанный ленточкой фунт сахару, когда всего за один воз дров товарищ Зайцер приобрел свои знаменитые золотые часы.

Зайцер был великий человек: он заведовал заготовкой дров для замерзающего Петербурга, он подписывал дровяные ордера, он согревал людей как солнце — круглый, рыжий, сияющий. Брови у него всегда были выразительно вздернуты вверх, как будто он до сих пор никак не мог поверить, что он, Зайцер, вчерашний портновский подмастерье в городе Пинске, сидит теперь в собственном служебном кабинете, что в его распоряжении находится секретарша Верочка, что у него в жилетном кармане лежат золотые часы, что...

Верочка, увы, не замечала знаменитых золотых часов. Товарищ Зайцер несколько раз щелкал крышкой, положил часы перед собой на грудку бумаг, а Верочка по-прежнему рассеянно смотрела в окно на медленные хлопья снега. Товарищ Зайцер наконец не выдержал и сказал:

— Слушайте, товарищ Верочка, вы видели такие часы, а? Так я вам скажу, что вы — нет, не видели!

Он сверкнул в воздухе часами, сунул их в карман жилета — и Верочка услышала серебряный звон: девять. Она широко раскрыла свои прекрасные синие глаза, и Зайцер, сияя, объяснил, что стоит только незаметно нажать в часах на одну кнопочку, как «вы уже имеете и музыку, и время». Верочке сейчас же захотелось попробовать самой. Она подошла к товарищу Зайцеру и стала нащупывать рукой скрытую в его груди (точнее — в жилетном кармане) музыку. Когда, наконец, нашла часы и надавила на них рукой, это было так, как будто она тихонько сжала в руке сердце товарища Зайцера...

И в этот момент в кабинет вошел товарищ Кубас. Верочка, покраснев, выпрямилась, Зайцер зашуршал бумагами, ядовитый змеиный хвостик улыбки мелькнул и спрятался в углу губ товарища Кубаса. Он официальным тоном заявил, что товарищ Вера должна быть сегодня откомандирована для составления очередного номера стенной газеты.

— Дорогой товарищ Кубас, — улыбнулся Зайцер, — вы же забываете, что сегодня вечером у нас заседание, и я должен продиктовать моей секретарше доклад о весенней кампании по заготовке дров. Товарищ Вера, прошу вас, принесите сюда свою пишущую машинку...

Верочка вышла. Снимая чехол с машинки, она подумала, что до сих не может понять своего сердца: кто — товарищ Зайцер или товарищ Кубас? Зайцер — уютный и теплый. У него дрова, часы и квартира. У Кубаса — перетянутая серебряным поясом тонкая талия, острые птичьи глаза, с ним страшновато, но...

Что «но», Верочке было неясно. Ясно только одно — сегодня вечером или завтра утром все должно наконец как-то разрешиться. Но как? Как — чтобы не пришлось потом жалеть о сделанной ошибке? Верочка вздохнула, осторожно подняла машинку и понесла ее в кабинет.

— Сидите, прошу вас, — сказал Верочке Зайцер. — Я сейчас буду вам диктовать.

— Ах, так? Очень хорошо! — Товарищ Кубас кинул Зайцера глазами и вышел.

Вечернее заседание в зайцеровском кабинете было настоящим сражением, вернее поединком. Верочка лихорадочно стенографировала выстрелы — иначе нельзя было назвать реплики, которыми обменивались противники.

— Слушайте, товарищ Кубас, — этак мы и к утру не кончим, — не держал наконец председатель.

Уже замолкли звонки последних трамваев, уже вышли на промысел ночные бандиты, когда началась баллотировка. Верочка лихорадочно подсчитывала голоса: она знала, что голосуются не кубические метры дров, а человеческие сердца.

Десять голосов против одного. Этот один, разбитый наголову, туго стянув свой кавказский серебряный пояс, ушел, не прощаясь ни с кем. А счастливый победитель Зайцер пошел провожать Верочку домой.

Сияющие снегом улицы были темны и пусты. Теплая рука Верочки лежала в руке товарища Зайцера, который боялся предстоящего сейчас объяснения с Верочкой. Боже мой... как, с чего начать?.. Начать — это страшнее всего. Вдруг он почувствовал, как пальцы Верочки крепко стиснули его руку, и она вся прижалась к нему. Ему захотелось закричать от счастья, и он нагнулся к Верочке...

— Да смотрите же! — испуганно шепнула она.

И Зайцер увидел: с противоположной стороны улицы наперерез им быстро шел высокий человек в военной шинели без погон. Он скомандовал Верочке: «Прячьтесь в подъезд!», шагнул навстречу бандиту и, заняв позицию недалеко от подъезда, проглотившего Верочку, остановился.

Человек в военной шинели подошел и тоже остановился. Страшная бесконечная пауза. Зайцер не мог больше ждать. Пересохшим голосом он сказал:

— Ну и что?

Держа руку в кармане (револьвер!), человек молчал. Зайцер успел схватить глазами наглые глаза, усы и белые крупные зубы.

Человек молчал, явно издеваясь. А потом усы зашевелились и хрипло спросили:

— Спички есть?

Зайцер принял вызов, притворился, что поверил в спички, достал коробок и зажег спичку. Человек нагнулся к нему совсем вплотную, бесцеремонно взял его за борт пальто, отогнул — чтобы ветром не задуло спичку, закурил. Зайцер почувствовал едва заметное прикосновение чужой руки. Он хотел уже потушить спичку, чтобы не видеть этих издевательски шевелящихся усов, как вдруг в красноватом пламени спички перед Зайцером проплыли в воздухе... золотые часы.

Потребовалась какая-то доля секунды, чтобы Зайцеру стала ясна механика проделанного бандитом трюка с закуриванием папиросы. Он бросил еще горящую спичку прямо в лицо грабителя, выхватил у него свои часы и дико заорал:

— Руки вверх! Застрелю! — и сунул руку в карман своего пальто.

Бандит тотчас поднял руки вверх, а затем, не дожидаясь, пока Зайцер выстрелит, согнулся и побежал в темноту за углом.

Зайцер достал из кармана платок и вытер пот со лба. Он еще весь дрожал, когда к нему подбежала бледная Верочка.

— Что? Что? — схватила она его за руку.

— Ничего. Вот... — Зайцер встряхнул на ладони отвоеванные часы. — Негодяй! Он их уже вытащил, вы понимаете? Но он серьезно ошибся со мной.

— Как же вы не боялись, что он... Нет, я даже не думала, что вы — таковой! — Глаза у Верочки восторженно блестели, а рука ее, ласкаясь, как кошка, медленно вползла в рукав Зайцера, и его ладони коснулась нежная кисть.

— Что же вы молчите? Я не могу больше! — крикнул он.

— Я вам скажу завтра утром, хорошо?

...Неизвестно, спал ли товарищ Зайцер в эту снежную ночь. Неизвестно, спала ли Верочка. Но наутро к приходу товарища Зайцера все в учреждении уже знали, что он — герой. Не останавливаясь, бормоча в ответ на поздравления и улыбки что-то невнятное, Зайцер устремился в свой кабинет. Странно, но вид у него был далеко не соответствующий его героическому положению: он был бледен и растерян. Еще страннее было, что вбежав в свой кабинет, он только испуганно, боком взглянул на Верочку, кивнул ей и сейчас же кинулся к письменному столу. Торопливо расстегнув пиджак, вынул свои золотые часы, бросил их на груды бумаг, выдвинул ящик стола — и, нагнувшись над ним, застыл.

— Что случилось? — испуганно подбежала к нему Верочка.

— Что случилось? — чужим голосом сказал Зайцер. — Вот что случилось!

Из ящика письменного стола он достал и положил рядом с золотыми часами... золотые часы. Верочка круглыми глазами смотрела на него, ничего не понимая.

— Так я же ограбил его — этого негодяя! — в отчаянии закричал Зайцер. — Вот же мои часы, они себе лежали здесь, а тот подлый бандит имел свои часы, вы поняли, да?

Верочка поняла. Зайцер увидел, как задрожала ямочка на ее правой щеке. Она отвернулась. Какой-то странный звук, похожий на задушенное рыдание, через секунду — взрыв неудержимого смеха, и Верочка стремглав вылетела в дверь.

Из кабинета было слышно, как она крикнула что-то столпившимся около нее сослуживцам — и следом за тем стихийная катастрофа хохота, перекидываясь из комнаты в комнату, из этажа на этаж, охватила все учреждение.

Засунув пальцы в волосы, Зайцер сидел один в кабинете. Перед ним лежало двое золотых часов...

Когда в учреждении затихли последние шаги, захлопнулись последние двери, Зайцер встал, сунул в карман свои часы, подошел к столику, на котором стояла прикрытая чехлом Верочкина машинка, и горькими глазами посмотрел на ее пустой стул, прижимая руки к сердцу.

Пустые, обезлюдившие комнаты, лестница, вестибюль. На стене в вестибюле Зайцер увидел экстренный номер стенгазеты, выпущенной сегодня Кубасом (может быть, и Верочка ему помогала). Там был изображен маленький смешной человечек со свирепо вздернутыми бровями, а в каждой руке у него — огромные часы. Внизу крупная подпись: «Руки вверх!»

Зайцер поспешно отвернулся и вышел, навсегда, из своего учреждения, из сердца Верочки, из этого рассказа.

Париж, 1934 г. □

КАТЕРИНА МАРТА

Дочь неведомых лифляндских крестьян (то ли латышка, то ли эстонка, то ли литовка), крещеная Мартой, была воспитанницей-служанкой в доме протестантского пастора в Мариенбурге, полоняницей, недолгой забавой для солдат, любовницей сначала фельдмаршала, потом — князя, а впоследствии, исключительно благодаря «капризу» Петра Великого, стала первой русской императрицей. Впрочем, «каприз» этот оказался очень длительным — на всю оставшуюся жизнь Петра Алексеевича. Еще три года после смерти великого преобразователя она продолжала править Россией...

Уже много позже, когда Марта стала Екатериной, появились версии происхождения первой русской императрицы. По одной из них, она — дочь литовского крестьянина, то ли Самуила Скавронского, то ли Ивана Скаврощука. По другой — незаконнорожденная дочь ливонского дворянина Альвендаля, которую из многодетной крестьянской семьи забрал мариенбургский пастор Глюк — в служанки. По третьей — она была

подброшена к дверям пасторского дома с запиской, в которой указывалось имя (Марта) и месяц рождения — апрель. Произошло это в 1689 году.

Во всем этом много путаницы: крестьянин — литовский, пастор — латышский, вроде бы, круглая сирота, а родня впоследствии объявилась достаточно многочисленной. Естественный ход событий, впрочем, показал, что у нее были две се-

*Екатерина I Алексеевна —
императрица всероссийская*

стры — Анна и Христина, и два брата — Карл и Фридрих, семьи которых Екатерина в 1726 году перевезла в Петербург (Карл Скавронский переехал еще раньше). Но до того, как русский царь Петр решил «прорубить окно в Европу» через шведские владения, родословная служанки в пасторском доме абсолютно никого не волновала.

Наверняка можно сказать лишь, что Марта родилась не в дворянской семье и была крещена по католическому обряду. К трем годам осталась круглой сиротой и нашла приют у своей тетки, некоей Веселовской, от которой, 12 лет от роду, поступила в услужение к мариенбургскому суперинтенданту Глюку и росла вместе с его детьми. Там Марта приняла лютеранство.

Протестантский богослов и ученый лингвист, Глюк воспитал Марту в правилах лютеранской веры, но грамоте так и не выучил. Она вообще исполняла довольно жалкую роль девочки при кухне и прачечной, но, обладая невероятно легким и веселым нравом, не только не роптала, а старалась быть полезной, помогала в хозяйстве и смотрела за детьми. Вероятно также, что пансионеры пастора пользовались ее благосклонностью. От одного из них, литовского дворянина Тизенгаузена, Марта даже родила дочь, прожившую всего несколько месяцев.

Это досадное обстоятельство побудило пастора Глюка выдать Марту замуж — и как можно скорее, пока

ее репутация не оказалась окончательно испорченной. Незадолго до осады Мариенбурга нашелся жених — шведский драгун Иоганн Крузе (по другой версии — Иоганн Раабе). Точных сведений о том, состоялась свадьба или нет, не сохранилось, да и муж (или жених?) исчез после взятия города русскими в 1702 году. Это случилось или до, или сразу после брака.

«На семнадцатом году жизни, — писал в 1904 году С. Либрович в историческом очерке «Петр Великий и женщины», — Марта обручилась со шведским драгуном Иоганном Раабе, которого накануне свадьбы (а по другим сведениям — на другой день после свадьбы) потребовали на войну. Молодая девушка осталась в Мариенбурге (ныне — латвийский город Алуксне) у пастора Глюка.

По взятии города русскими (в августе 1702 года) Марта была приведена в русский лагерь пленницей в одной рубашке. Тут судьбою ее занялся сначала генерал Боур, сподвижник Петра, потом фельдмаршал Шереметев и, наконец, любимец государя Меншиков, у которого царь и увидал девушку, поразившую его своею красотой, находчивостью и умом.

Знакомство Петра с пленною дочерью литовского крестьянина мало-помалу превратилось в чувство более глубокое и серьезное. Марта была взята ко двору знатных боярынь, или «фрейлин»...

Исполняя желание Петра, Марта, исповедовавшая до тех пор люте-

ранскую религию, приняла православие и получила имя Екатерины Алексеевны, потому что царевич Алексей был ее восприемником. После принятия православия возлюбленная царя жила с ним в Петербурге и в Преображенском под названием Екатерины Алексеевны Михайловой...»

Написано весьма сдержанно, но почти правдиво. На самом деле, 25 августа 1702 года, во время Северной войны, русские войска фельдмаршала Б.П. Шереметева осадили крепость Мариенбург. Комендант, видя бессмысленность обороны, подписал договор о сдаче крепости: русские занимали укрепления, а жители могли свободно покинуть город и уйти в Ригу — столицу шведской Лифляндии.

Но в этот момент один из офицеров гарнизона... подорвал пороховой погреб. Увидев, что камни падают на головы его солдат, Шереметев порвал договор, и город был отдан на разграбление. Солдаты хватили пленных, грабили имущество... Среди пленных оказалась и Марта Скавронская-Крузе-Раабе...

Но и после пленения судьба Марты темна и противоречива. Если верить самой распространенной версии, солдат, схвативший 18-летнюю Марту, продал ее некоему унтер-офицеру, а затем в обозе у русских солдат она была замечена командующим войсками Б.П. Шереметевым. Унтер-офицеру пришлось «подарить» ее 50-летнему фельдмаршалу, сделавшему ее наложницей и

прачкой. Если верить собственно-ручному письму фельдмаршала Шереметева, он взял «...служанку пасторову девицу Марту от хозяина, коего самого со чады и домочадцы отправил в Москву...»

Шотландец Питер Генри Брюс в «Мемуарах» излагает историю (со слов других) в более благоприятном для Екатерины I свете. Пленную Марту забрал полковник драгунского полка Баур (позднее ставший генералом):

«...Баур немедленно приказал поместить ее в свой дом, который препоручил ее заботам, дав ей право распоряжаться всей прислугой, причем та вскоре же полюбила новую управительницу за ее манеру домохозяйства. Генерал позже часто говорил, что его дом никогда не был так ухожен, как в дни ее пребывания там.

Князь Меншиков, который был его патроном, однажды увидел ее у генерала, тоже отметив нечто необычайное в ее облике и манерах. Расспросив, кто она и умеет ли готовить, он услышал в ответ только что поведанную историю, к которой генерал присовокупил несколько слов о достойном ее положении в его доме. Князь сказал, что именно в такой женщине он сильно сейчас нуждается, ибо самого его теперь обслуживают очень плохо. На это генерал отвечал, что он слишком многим обязан князю, чтобы сразу же не исполнить то, о чем тот лишь подумал, — и немедленно позвав Екатерину, сказал, что перед нею — князь Меншиков,

которому нужна именно такая служанка, как она, и что князь сделает все посильное, дабы стать, как и он сам, ей другом, добавив, что слишком уважает ее, чтобы не дать ей возможности получить свою долю чести и хорошей судьбы...»

Действительно, светлейший князь, друг и соратник Петра I Александр Меншиков пленился мариенбургской пленяницей. Но забрал к себе «девицу Марту от фельдмаршала Шереметева, из-за чего меж ними большая ссора произошла...» Так рассказывает француз Франц Вильбуа, находившийся на русской службе во флоте с 1698 года.

Версия француза представляется более правдоподобной хотя бы потому, что он лучше знал Марту и был ближе к ней, чем шотландец Брюс.

Почему мужчин — самых разных! — как магнитом тянуло к этой незамысловатой девушке — непонятно. Она была хороша, миловидна, но далеко не сказочная красавица. Не блистала особым умом, не обладала хорошими манерами. Да, была мила, приветлива, постоянно весела. Но мало ли «простушек-веселушек» на свете? И тем не менее...

И, тем не менее, давно пресытившийся женщинами и менявший их чуть ли не еженедельно Александр Данилович Меншиков задумывался о... браке с лифляндской прачкой. Если его что-то и останавливало, то только здравая мысль о том, что подобный брак разом уронит его в глазах столбовых дворян, не говоря

уже о Рюриковичах и Гедеминовичах, которые и без того еле терпели «бывшего пирожника».

Пока что Марта числилась одной из его служанок — но на привилегированном положении, то есть черной работой не занималась и прислуживала своему новому повелителю за столом и в постели. Хотя не исключено, что, в конечном итоге, светлейший князь наплевал бы на общественное мнение — уж слишком сладкой была темноглазая кудрявая Марта. Но Судьба распорядилась по-своему. Тот же Франц Вильбуа сообщает:

«...когда царь, проезжая на почтовых из Петербурга, который назывался тогда Ниеншанцем, или Нотебургом, в Ливонию, чтобы ехать дальше, остановился у своего фаворита Меншикова, где и заметил Екатерину в числе слуг, которые прислуживали за столом. Он спросил, откуда она и как тот ее приобрел. И, поговорив тихо на ухо с этим фаворитом, который ответил ему лишь кивком головы, он долго смотрел на Екатерину и, поддразнивая ее, сказал, что она умная, а закончил свою шутливую речь тем, что велел ей, когда она пойдет спать, отнести свечу в его комнату. Это был приказ, сказанный в шутовском тоне, но не терпящий никаких возражений. Меншиков принял это как должное, и красавица, преданная своему хозяину, провела ночь в комнате царя... На следующий день царь уезжал утром, чтобы продолжить

свой путь. Он возвратил своему фавориту то, что тот ему одолжил. Об удовлетворении царя, которое он получил от своей ночной беседы с Екатериной, нельзя судить по той щедрости, которую он проявил. Она ограничилась лишь одним дукатом, что равно по стоимости половине одного луидора (10 франков), который он сунул по-военному ей в руку при расставании».

Ничего сказочного, ничего романтического. Петр обошелся с будущей императрицей как с обыкновенной шлюхой и заплатил ей соответственно. Правда, очень быстро после этого царского визита Александр Меншиков женился на... Дарье Арсеньевой, представительнице одного из старобоярских родов. Кажется, сватом был, по обыкновению, сам император, иначе вряд ли бы отдали боярышню в жены светлейшему князю. А Марта... осталась в доме на прежнем положении служанки, точнее, «барской барыни». Продолжала ли она оставаться любовницей Меншикова — неизвестно, зато хорошо известно, что Петр зачастил в гости к своему, теперь уже женатому, фавориту.

Народ и солдаты выражали недовольство связью царя с безвестной красавицей. «Неудобь сказываемые» толки катились по Москве. «Она с князем Меншиковым его величеством кореньем обвела», — говорили старые солдаты, повидавшие на своем веку немало красивых полонянок, но впервые наблюдавшие, как безвест-

ная прачка становится неразлучной с самим царем.

Марта за первые два года связи родила двух сыновей — Петра и Павла, которые, впрочем, недолго прожили на этом свете, но зато сильно повлияли на положение своей матери.

В 1705 году Петр перевез Марту в подмосковное село Преображенское, где проживала в то время его любимая сестра царевна Наталья, и поручил свою пассию заботам богобоязненной, целомудренной и мудрой сестры. Очень скоро Марта приняла православие и получила имя Екатерины Алексеевны, ибо крестным отцом ее был... цесаревич Алексей, наследник престола. Крестной матерью, естественно, стала покровительница царевна. Фамилию Василевская придумал сам Петр, какими соображениями он при этом руководствовался — неизвестно.

Так началось стремительное восхождение на российский Олимп бывшей мариенбургской полонянки.

28 декабря 1706 года новая связь государя закрепилась рождением дочери Екатерины, увы, тоже скончавшейся в младенчестве. Зато Анна, появившаяся на свет в 1708 году, и Елизавета, родившаяся через год, оказались здоровыми и крепкими. Чем старше становились дочери, тем прочнее делалась связь их родителей, пока все еще незаконная.

Но Марта появилась в жизни Петра очень своевременно: царь перешел на вторую половину жизни и уже тяготел к тихой пристани. Ею и стала

Екатерина — добрая, покорная, бескорыстная, исправно приносившая по ребенку в год и не обременявшая своего любовника капризами. Она незаметно становилась незаменимой для государя, и это видно из его писем.

Сохранилось 170 писем Петра к Екатерине. Они дают возможность проследить, как постепенно Екатерина Алексеевна завоевывала сердце царя, как общение с нею становилось для Петра насущной необходимостью, как на смену фамильярно-грубому: «Матка, здравствуй», приходило ласковое: «Катеринушка, друг мой, здравствуй», и еще более нежное: «Катеринушка, друг мой сердешенной, здравствуй».

Умевшая легко приспособливаться ко всяким обстоятельствам, Екатерина приобрела громадное влияние на Петра, изучив его характер и привычки и став для него необходимой как в радости, так и в горе. И... в личных делах.

Царь по-прежнему не пропускал ни одной юбки, и завел привычку обсуждать своих любовниц с «маткой Катериной». Она его не упрекала, наоборот, охотно выслушивала подробности и давала советы. Идиллия? Да, но это впоследствии оказалось плохую услугу самой Екатерине, когда она, став императрицей, решила, что ей тоже позволены шалости на стороне... Но об этом позже.

Екатерина мирилась с ужасными и внезапными вспышками гнева Петра, умела помогать во время приступов эпилепсии, делила с ним трудности

походной жизни, став фактически женой, а не только любовницей. Известно, что порой у царя начинались страшные судороги, и тогда все бежали за Екатериной. Ее голос заволаживал царя. Он ложился к ней на колени, она что-то тихо говорила ему, Петр засыпал и через 3–4 часа был совершенно здоров, весел и спокоен.

Он любил ее сначала как простую фаворитку, но потом полюбил и как женщину, тонко изучившую его характер. Она одна владела искусством успокаивать своего вспыльчивого супруга. Но непосредственного участия в решении политических вопросов Екатерина принимать никогда не пыталась, хотя с 1709 года уже не покидала царя, сопровождая его во всех походах и поездках.

Первая официальная поездка Екатерины с Петром в действующую армию началась, если верить мемуарам датского посланника Юста Юля, следующим образом (записано им со слов царевен, племянниц Петра):

«Вечером, незадолго перед своим отъездом, царь позвал их, сестру свою Наталью Алексеевну в один дом в Преображенскую слободу. Там он взял за руку и поставил перед ними свою любовницу Екатерину Алексеевну. На будущее, сказал царь, они должны считать ее законною его женой и русскою царицей. Так как сейчас, ввиду безотлагательной необходимости ехать в армию, он обвенчаться с нею не может, то увозит ее с собою, чтобы совершить это при слу-

чае в более свободное время. При этом царь дал понять, что, если он умрет прежде, чем успеет жениться, то все же после его смерти они должны будут смотреть на нее как на законную его супругу. После этого все они поздравили (Екатерину Алексеевну) и поцеловали у нее руку».

В этом же Прутском походе, когда русские войска были окружены, Екатерина спасла мужа и армию, отдав турецкому визирю свои драгоценности и склонив его к подписанию перемирия. Об этом ее поступке Петр никогда не забывал, хотя сама Екатерина не видела в этом ничего особенного: драгоценности она любила, но никогда их не просила и легко с ними расставалась. Она вообще все воспринимала легко, с улыбкой. Может быть, в этом и заключалась «тайна Екатерины». Ее характер являл собой смесь нежной, томной женственности и мужской резкости и отваги — достаточно редкое сочетание, оцененное Петром по достоинству.

Но... не сразу. Даже звание фрейлины царевны Натальи Екатерина получила лишь в 1710 году, когда уже родила Петру пятерых детей. Зато близкие к государю люди подмечали: Петр, вообще не терпевший женщин, вмешивающихся в «мужские» дела, был доволен, когда Екатерина принимала участие в «государственных» разговорах. Как свидетельствовали приближенные царя, простая и разумная логика собеседницы не раз выводила их из лабирин-

тов придворной софистики, бросала новый свет на многие вопросы.

Восхищала его и физическая выносливость Екатерины. Рассказывали, что как-то Петр, подняв свой увесистый маршалский жезл, обратился к присутствующим:

— Кто из вас на вытянутой руке удержит?

Никто из мужчин не смог. Тогда протянул он жезл Екатерине. Та взяла его через стол и несколько раз подняла, что вызвало восторг Петра и огромное изумление окружающих...

В тесном кружке приближенных ее уже называли не иначе как «государыня». Но только в 1711 году, когда Петр решил женить своего сына Алексея, он озаботился заодно узаконить и свои фактически супружеские отношения с Екатериной. 19 февраля 1712 года в Петербурге была сыграна скромная свадьба адмирала Петра Михайлова (морской псевдоним царя). При этом все знали, что это была не шутовская свадьба — Екатерина стала настоящей царицей.

Тогда же были узаконены их дочери — Анна (впоследствии супруга герцога Голштинского) и Елизавета (будущая императрица Елизавета Петровна). Обе они исполняли на свадьбе обязанности фрейлин и получили официальный статус цесаревен. Бракосочетание было почти тайным, совершалось оно в маленькой часовне, принадлежавшей князю Меншикову.

В 1713 году Петр I, в честь достойного поведения своей супруги во вре-

мя Прутского похода, учредил орден Святой Екатерины. Первоначально он назывался орденом Освобождения и предназначался только Екатерине.

О ее заслугах во время Прутского похода Петр I вспомнил и в своем манифесте от 15 ноября 1723 года:

«Наша любезнейшая супруга государыня императрица Екатерина великою помощницею была, и не точию в сем, но и во многих воинских действиях, отложла немочь женскую, волею с нами присутствовала и, елико возможно, вспомогала, а наипаче в Прутской кампании с турки, почитай, отчаянном времени, как мужески, а не женски поступала, о том ведомо всей нашей армии...»

Волшебное превращение не изменило характера лифляндской Золушки — она оставалась такой же милой, скромной, неприхотливой боевой подругой царя, старалась сдерживать всякого рода излишества, которым предавался Петр: ночные оргии и пьянство, не предъявляла никаких претензий на вмешательство в дела государственные, не затевала никаких интриг. Единственная роль, которую она взяла на себя в последние годы, — это заступаться за тех, на кого грозный и скорый на расправу царь обрушивал свой гнев.

Постепенно Екатерина образовала при себе двор. Своим девочкам она — неграмотная! — дала прекрасное европейское образование, мечтая для них о блестящих партиях. Любимой мечтой ее и Петра был брак младшей дочери Елизаветы с

французским королем Людовиком XV. И ведь все могло сложиться, проживи Петр чуть дольше! Свидетельством тому — стоящий в Петергофе памятник «Петр I с малолетним Людовиком XV на руках». Посетив Францию в 1717 году, Петр поднял на руки малолетнего французского короля и произнес: «В моих руках — вся Франция».

Конкретным результатом этого визита было заключение Амстердамского соглашения между Россией, Францией и Пруссией. Франция гарантировала свое посредничество — и только. Но мечта о браке Лизоньки с французским королем прочно поселилась в голове не только Петра, но и Екатерины. Более того, Елизавету начали целенаправленно готовить на роль французской королевы: девочка прекрасно танцевала, свободно изъяснялась на нескольких языках и обладала изысканными манерами. Все это, в сочетании с природной красотой, давало возможность мечтать о прекрасном брачном союзе.

Примерно с 1713 года Екатерина не только обзавелась двором, но и принимала иностранных послов, встречалась с европейскими монархами. В ее описаниях, оставленных иностранцами, говорилось, что она «не умеет одеваться», ее «низкое происхождение бросается в глаза, а ее придворные дамы смешны». Может быть, и так, но у кого ей было учиться дворцовому этикету? У супруга-императора, для которо-

го эталоном поведения был голландский матрос? Смешно...

Но главное было в другом: неуклюжая, несветская, нерафинированная жена царя-реформатора по силе воли и выносливости не уступала мужу: с 1704 до 1723 года она родила ему 11 детей, большинство из которых умерло в младенчестве, но частые беременности проходили для нее почти незаметно и не мешали сопровождать мужа в его странствиях. Она была настоящей «походной офицерской женой», способной спать на жесткой постели, жить в палатке и делать верхом на лошади долгие переходы.

Во время персидского похода 1722–1723 годов она обрила себе голову и носила гренадерскую фуражку. Вместе с мужем делала смотр войскам, проезжала по рядам перед сражением, ободряя словами солдат и раздавая им по стакану водки. Пули, свистевшие над ее головой, почти не смущали ее.

23 декабря 1721 года Сенат и Синод признали ее императрицей. Для ее коронации 7 мая 1724 года была изготовлена корона, превосходящая великолепием корону царя, Петр сам возложил ее на голову жены, вчерашней прибалтийской прачки. Коронавание происходило в Москве в Успенском соборе Кремля. Несколько дней после этого поили и угощали народ, а затем долго еще при дворе шли праздники, маскарады, застолья. До сих пор ни одна из русских цариц, кро-

ме Марины Мнишек, не удостоивалась такой чести.

Иностранцы, с пристальным вниманием следившие за русским двором, отмечали привязанность царя к супруге. Посол герцога Голштинского в России Гернинг-Фридрих Бассевич писал про их отношения:

«Он любил видеть ее всюду. Не было военного смотра, спуска корабля, церемонии или праздника, при которых бы она не являлась... Екатерина, уверенная в сердце своего супруга, смеялась над его частыми любовными приключениями, как Ливия над интрижками Августа; но зато и он, рассказывая ей об них, всегда оканчивал словами: ничто не может сравниться с тобою».

В 1715 году Екатерина родила сына, крещенного Петром, который сразу стал любимцем отца-императора. Существование старшего сына — законного наследника, и даже внука — законного продолжателя династии царской крови, «царя-реформатора» волновало чрезвычайно мало, и это всегда интриговало историков: непонятное равнодушие к собственной, можно сказать, плоти и крови, хотя сам выбирал сыну супругу из австрийского императорского дома, дабы усилить позиции России.

Кстати, внук — тоже Петр, только Алексеевич, родился почти одновременно с сыном Петром-«шишечкой». С рождения Петр Алексеевич именовался великим князем (это был первый случай титулования члена царской фамилии не царевичем).

Екатерина I Алексеевна

А вот Петр Петрович Манифестом от 14 февраля 1718 года был провозглашен наследником престола и получил титул «Наследственный благороднейший государь-царевич». Ему (после того как старший сын Алексей подписал официальное отречение от прав на престол) была принесена особая присяга. Присягу брату принес, в том числе, и находившийся под судом Алексей, но это не спасло его от гибели в том же году.

Петр возлагал большие надежды на Петра Петровича как продолжа-

теля своего дела, однако новый официальный наследник престола до трех лет не ходил и не говорил, а в четырехлетнем возрасте скончался. Таким образом, статус великого князя Петра Алексеевича оставался неопределенным, по праву первородства он являлся наследником деда, однако было неясно, распространялось ли отстранение Алексея от престола и на него тоже.

Конец прежним сомнениям (и начало новой смуте) положил сам император своим Указом от 5 февраля

Петр I Великий

1722 года. Петр отменил прежний порядок наследования престола прямым потомком по мужской линии, заменив его личным назначением царствующего государя. Стать преемником мог любой человек, достойный, по мнению государя, возглавить государство.

Указ был настолько необычен для русского общества, что пришлось его разъяснять и требовать согласия под присягой. Многие возмущались:

«Взял за себя шведку, и та царица живых детей не родит, и он сде-

лал указ, чтоб за предбудущего государя крест целовать, и крест целуют за шведа. Одноконечно станет царствовать швед».

Они ошибались: Петр теперь хотел передать бразды правления своей старшей дочери Анне, предварительно выдав ее замуж за человека королевских кровей, но не слишком могущественного, дабы было, как в Англии: королева с принцем-консортом. Потому и подобрал ей в женихи герцога Голштинского, хотя по-прежнему мечтал о браке Елизаветы

с французским королем. Если вдуматься, Петр затевал масштабную перестановку политических сил на карте Европы: неперемный союз России и Франции (две сестры на двух тронах) разом выдвигал Россию в первые ряды. А то, что он при этом забыл о родных внуках... монархи тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо.

В 1724 году, через несколько месяцев после коронации, разразилось весьма неприятное событие, которое чуть было не лишило новоявленную императрицу монаршего венца, возложенного на нее самим Петром. Стала известна ее многолетняя связь с Виллимом Монсом, ее камергером, одним из трех братьев немки Анны Монс, от которой в свое время был без ума молодой царь.

С 1716 года Виллим Монс, человек ловкий, веселый и услужливый и, главное, необыкновенно красивый, постепенно становился все ближе императрице. Его сестра Модеста Балк сделалась ближайшей наперсницей государыни. Его дружбы и покровительства искали высокопоставленные лица, министры, посланники и епископы. А Екатерина... Екатерина простодушно посчитала, что, коли супруг постоянно заводит новые романы, то и ей не грех разочек встряхнуться. Дело житейское.

Один Петр ничего не подозревал о романе своей жены, быть может, потому, что даже вообразить не мог измены с ее стороны. Он узнал о сопернике почти случайно из аноним-

ного доноса, который даже не касался напрямую Монса. Но, взявшись за розыск, Петр очень скоро узнал всю подноготную дела. Когда Монса арестовали, петербургское общество было словно поражено громом, многие теперь ожидали неминуемой кары.

Но опасения были напрасны, взбешенный император ограничился Монсом, причем, официально красавца-камергера обвинили во... взяточничестве. Вот уж действительно тяжкое преступление на Руси в любые времена!

16 ноября 1724 года, на Троицкой площади, в 10 часов утра, Виллиму Монсу отрубили голову. Вечером в день казни ее фаворита Петр прокатил Екатерину в коляске мимо того столба, на который была посажена голова Монса. Государыня, опустив глаза, произнесла:

— Как грустно, что у придворных столько испорченностей.

Ни настроения, ни аппетита этот инцидент императрице не испортил: одним красавчиком больше, одним меньше... У нее по-прежнему был легкий характер.

Зато у Петра, помимо тяжелого характера, были свои, особые представления о воспитательных мерах: отрубленную голову Монса он приказал поместить в банку со спиртом и поставить в спальне императрицы. Это оказалось чересчур даже для нее.

«Так продолжалось несколько дней, — писал историк В. Балязин, — пока Екатерина, заплакав, не упала

перед мужем на колени, во всем винась и прося прощения. Утверждают, что она простояла на коленях три часа и сумела вымолить у него отпущение грехов. И только после этого голова Монса была отправлена в Кунсткамеру, где оказалась рядом с головой Марии Гамильтон, бывшей царской фаворитки, казненной пятью годами раньше...»

Измена «друга сердешнинького» болезненно ударила по Петру — у царя не было больше надежды на будущее: он не знал, кому теперь передать свое великое ДЕЛО, чтобы оно не стало достоянием любого прыгнувшего в постель Екатерины проходимца. Хотя дочь Анна уже была выдана замуж за герцога Голштинского, великолепный план Петра был весьма далек от завершения.

К тому же, Петр вскоре заболел. В январе 1725 года сильный, но вконец измученный излишествами организм Петра не выдержал...

Екатерина не отходила от него ни на минуту и, по замечанию очевидцев, «продолжала без пользы обнимать своего умирающего супруга» (впрочем, есть и другая версия, что Петр так и не допустил ее к себе перед смертью). Она сама закрыла ему глаза и вышла из маленькой комнатки в соседний зал, где ее ждали, чтобы провозгласить преемницей Петра Алексеевича.

Между тем, положение ее было весьма неопределенно, так как никаких законных прав на русский престол она не имела. К счастью для Екатерины, судьба всей новой аристократии — «птенцов гнезда Петрова» — была также в опасности. Если бы верх взяли противники преобразования, выступавшие за малолетнего Петра, сына казненного царевича Алексея, то «птенцы» должны были потерять все. Таким образом, самые влиятельные люди из окружения Петра вынуждены были помогать Екате-

рине. О том, что Петр желал видеть на престоле Анну, никто и не вспомнил.

Точнее, об этом прекрасно помнил Александр Меншиков, но ему меньше всего хотелось видеть императрицей умную и волевою женщину, какой, несомненно, была старшая дочь Петра. К тому же, она уже была замужем, да еще за иноземным герцогом, а светлейший князь вынашивал планы породниться с царской семьей. Екатериной же он мог вертеть, как куклой, и прекрасно это знал.

В 8 часов утра 28 января 1725 года для решения вопроса о престолонаследии собрались сенаторы, члены Синода и так называемый генералитет — чиновники, принадлежащие к четырем первым классам табели о рангах. Но вскоре, неизвестно каким образом, в зале, где шло совещание, оказались гвардейские офицеры, ультимативно требовавшие воцарения Екатерины, а на площади перед дворцом были выстроены под ружье два гвардейских полка, выражавшие поддержку императрице барабанным боем. Это заставило прекратить спор. Екатерину признали императрицей. Наследником престола был объявлен внук Петра I по первому браку, сын царевича Алексея, великий князь Петр Алексеевич.

Так, усилиями А.Д. Меншикова, И.И. Бутурлина, П.И. Ягужинского и при опоре на гвардию, в силу актов 1722 и 1724 годов, на русский престол под именем Екатерины I впервые села женщина, да еще неведомо откуда взявшаяся иноземка просто-

го происхождения, ставшая женой царя на весьма сомнительных основаниях. После чего в России началась эпоха дворцовых переворотов.

По уговору с Меншиковым, государственными делами Екатерина не занималась, да и не было у нее для этого нужных способностей и знаний. Управление страной она передала Верховному тайному совету (1726-1730) из шести персон, руководителем которого стал А.Д. Меншиков. Новая императрица даже указы не подписывала: за нее расписывалась младшая дочь Елизавета.

Деятельность екатерининского правительства ограничивалась мелочами. Состояние государственных дел было плачевным, всюду процветали казнокрадство, произвол и злоупотребления. В последний год жизни она истратила на свои прихоти более шести миллионов рублей, между тем, как в государственной казне денег не было. Ни о каких реформах и преобразованиях речи не шло.

Екатерину интересовали только забавы и развлечения, благо она теперь была совершенно свободна. Пила, танцевала, меняла любовников... По свидетельству саксонца Фрексдорфа, утро императрицы начиналось с визита Меншикова. Разговору неизменно предшествовал вопрос:

— Что бы нам выпить?

Сразу опорожнялось несколько стаканчиков водки. Затем она выходила в приемную, где постоянно толпились солдаты, матросы и ремес-

ленники, всем им раздавала милостыню, а если кто просил царицу быть крестной матерью его ребенка, она никогда не отказывала и обыкновенно дарила каждому своему крестнику несколько червонцев.

День заканчивался вечеринкой в кругу постоянной компании, а ночь царица проводила с одним из своих любовников. Один из дипломатов при дворе писал:

«Нет возможности определить поведение этого двора. День превращается в ночь, все стоит, ничего не делается... Всюду интриги, искалечество, распад...»

За два года правления Екатерины I Россия не вела больших войн, только на Кавказе действовал отдельный корпус под началом князя Долгорукова, старавшийся отбить персидские территории, пока Персия находилась в состоянии смуты, а Турция неудачно воевала с персидскими мятежниками. В Европе дело ограничивалось дипломатической активностью в отстаивании интересов голштинского герцога, супруга Анны Петровны, против Дании.

Правда, в годы правления Екатерины I была открыта Академия наук, организована экспедиция В.Беринга и учрежден орден Святого Александра Невского. Только... вряд ли сама императрица об этом знала. Зато она очень деятельно устраивала жизнь своих родственников. Присвоила братьям Карлу и Фридриху в январе 1727 года графское достоинство, но назвала их неопределенно «ближними

сродственниками ея собственной фамилии». Возвеличить сестер — Анну и Христину — она не успела, это сделала позже для их детей Елизавета Петровна. В графское достоинство были возведены дети Кристины — Гендриковы, и дети Анны — Ефимовские.

В своей книге «История России» С.И.Соловьев писал:

«При Петре она светила не собственным светом, но заимствованным от великого человека, которого она была спутницею; у нее доставало умения держать себя на известной высоте, обнаруживать внимание и сочувствие к происходившему около нее движению; она была посвящена во все тайны, тайны личных отношений окружающих людей. Ее положение, страх за будущее держали ее умственные и нравственные силы в постоянном и сильном напряжении. Но выющееся растение достигало высоты благодаря только тому великану лесов, около которого обвивалось; великан сражен — и слабое растение разостлалось по земле. Екатерина сохранила знание лиц и отношений между ними, сохранила привычку пробираться между этими отношениями; но у нее не было ни должного внимания к делам, особенно внутренним, и их подробностям, ни способности почина и направления».

В торжественные дни Екатерина, правда, являлась во всем блеске и красоте, в золотом экипаже. Могущество, слава, восторг верноподданных — о чем еще можно мечтать? Но...бодрая, пышущая здоровьем, она пережила

мужа всего на два года. Много тайн унесла с собой в «мир иной» крестьянка-императрица, умершая в сорок три года... Загадочна сама ее ранняя смерть, которую некоторые исследователи считают неестественной.

В императорском дворце, как всегда бурно, справляли Рождество, Екатерина, все еще необычайно красивая, неожиданно погрузилась и, против обыкновения, пожелала отправиться в свои апартаменты немедленно. Ее сопровождал генералиссимус, светлейший князь Меншиков. Оставшись наедине с императрицей, он спросил, обращаясь к ней по имени, данному до крещения в православие:

— Что с тобою, Марта, дитя?

— Ничего, солдат... — Она усмехнулась собственной шутке, не слишком удачной. — Ах, Алексашенька, что-то смутно мне, дурно...

На протяжении последующих шестнадцати месяцев Екатерина угасала от чахотки. Правда, еще успела обручить старшую дочь Меншикова Марию с назначенным ею же наследником Российского престола юным Петром. Самому же Меншикову оставила «в дар» убившую ее болезнь: светлейший заболел чахоткой.

Ходили слухи, что императрицу опоили медленным ядом. Называли и виновницу: сестру супруги Меншикова. Но зачем ей было покушаться на жизнь императрицы, которая осыпала ее семью всевозможными милостями?

Лейб-медик Блюментрост писал о болезни императрицы:

«Ея Императорское Величество 10 числа апреля впала в горячку, потом кашель, который она и прежде сего имела, токмо не весьма великой, стал умножаться, також де и фебра (лихорадка) приключилась и в большее бессильство приходить стала, и признак объявила, что несколько повреждения в легком быть надлежало, и мнение дало, что в легком имеет быть фомика (нарыв), которая за четыре дня до Ея Величества смерти явно оказалась, понеже, по великом кашле, прямой гной, в великом множестве, почала Ея Величество выплевывать, что до Ея Величества кончины не преставала, и от тоя фомики, 6 дня мая, с великим покоем преставилась».

Хоронили Екатерину в Петропавловском соборе. В недостроенном еще соборе плотно закупоренный гроб с телом императрицы поставили на катафалке под балдахином, обитом золотой тканью, рядом с гробами Петра I и его дочери Натальи Петровны, которые умерли еще в 1825 году.

Все три гроба были преданы земле одновременно — в 11 часов утра 29 мая 1731 года. В это время Россией уже правила племянница Петра Великого — Анна Иоанновна, Елизавета «тихой мышкой» сидела, по возможности, подальше от двора, а ее старшая сестра, герцогиня Голштинская, скончалась вскоре после родов.

Из грандиозных планов, обсуждаемых Петром и Екатериной, не осуществилось НИЧЕГО. □

Ирина Тютяева

Ну, здравствуй, дряхлая сторожка
В капкане крыши ледяной!
Здесь снег по самое окошко,
А мыши — прямо за стеной...

Дыру в шкафу прогрызть успели.
В кромешной мгле с гнилым бочком —
Еще расплывчатее щели,
А дверь легко открыть плечом.

Теперь здесь смрад и холод жуткий,
И детство не течет рекой...
Лишь нежно-нежно незабудки
Приникли к прошлому щекой.

Еще я помню этот запах
На чудных лепестках планет...
Порядка в знаках зодиаков,
Похоже, не было, и нет.

Там, наверху, —
В созвездье Кошек,
Рассыпался сырой чердак...
В сенях стоял с водою ковшик...

А жизнь — не помню:
Где — и — как...

* * *

Снег, и не очень рано.
Ризница дней бела.
Вот и дорога к Храму —
Светятся купола.
Всех нас невзгоды гонят
К Господу, не спеша,
У алтаря с иконой
Плачет свечой душа.
Прячась от взглядов строгих,
Переживаешь вдвойне.
Здесь ты одна из многих
С Богом наедине.

* * *

Разметала зима вязанье,
Зашустрила толпой вокзальнойю
И рождественскими морозами
Заискрилась стихом и прозою.
Раскидала свое гаданье,
Обернувшееся годами мне...
Только снег серебрится пряжею
В этом мире мгновений ряженных...

* * *

Поглотит письма со стола
Воронка черная забвенья,
Но пусть останутся мгновенья,
Когда их женщина ждала.
Прекрасное должно остаться –
Как свод, как свет, как имена,
Как на крыле иконостаса
Губами стертая вина.
Уже ль нас раны не спасут
И гвозди, что ковали все,
Когда свершится Страшный суд
Без адвокатов и без судей?
Есть тишины благая весть,
Капелью бьющаяся в бубен.
Есть только Бог над всем, что есть,
Над всем, что было или будет!
Не отрекись от прошлых дней
За пригоршню озябших судеб.
Открой: что видишь ты на дне
В клубке змеином грешной сути?..

* * *

Мы встретимся...
Наверно, будет поздно:
Огня не высечь из печальных слов.
Терять и находить я научусь по звездам
Глаза твои в бескрайности миров.
Лишь тьма и холод бросятся в объятья.
Я отступлю, но с бездной пополам
И эту шаль, и край земного платья
Притянет к коченеющим рукам.
И все ж сорвусь.
О, так ужасна пропасть,
Куда одна в беспамятстве лечу,
Как будто оторвавшаяся лопасть!..
Смотрителя я должность получу,
Пристроюсь в уголочке мирозданья
Со связкою ключей от Состраданья...

Семейный портрет ВИНТЕРЬЕРЕ

Ксения
Аносова

Еще в 1996 году «Смена» писала о молодом, подающем надежды художнике Косте Мирошнике, тогда еще студенте Академии художеств Ильи Глазунова. Нам интересно было узнать, что произошло с ним за эти годы, сумел ли он успешно реализовать свой талант, какие удачи и трудности ждали его на творческом пути, а главное – состоялся ли как художник и, естественно, как человек... С этой целью в гостях, теперь уже у Мирошников, побывала наш корреспондент Ксения АНОСОВА.

В обычной жизни Костя Мирошник оказался прирожденным, блестящим, но по-своему простодушным актером, балагуром и фантазером. Но скоро я поняла — кем бы он ни был, ясно одно: он никогда не жлет и не играет в искусстве. Его молниеносные ответы — вспышки импровизации были точны, изящны, хотя и не всегда имели какой-либо определенный смысл, и настолько естественны, логичны, что у меня не оставалось иного выбора, как принимать все, что он говорит, за чистую монету. Клянусь, я верила каждому его слову до тех самых пор, пока Наташа, его супруга, не вышла из смежного зала на кухню в развевающемся цветастом платье и с ребенком на руках и не сказала, мягко и в тоже время небрежно, с ленцой: «Не переживайте, Ксюша, это он так шутит». Мне стало неловко за свою почти детскую наивность, но все же... истории, которые он рассказывал, были настолько впечатляющими, что уже не важно, правда это или нет. Вообще, в доме Кургузовых-Мирошников об искусстве говорят мало, им, в основном, занимаются, а разговаривали мы о детях, котях, старых и новых машинах, рекламе по радио, о погоде за окном. Говорили о том, о чем почему-то не принято говорить среди настоящих художников, — как выжить в этом районе, городе, мире с наименьшими для себя потерями, как «выйти сухим из воды» в этой страшной гонке на опережение за лучшее место под солнцем или еще, Бог

знает, под чем. «...Не было других забот, кроме одной: найти место, где тебе будет лучше всего», — сказал Костя, и я поняла, что искусство в этом контексте воспринималось всего лишь как образ, неотъемлемый, устоявшийся почти до полного

*К. Мирошник,
Н. Кургузова-Мирошник.
«Малютка»*

растворения, а значит, и не стоящий особых обсуждений. Среда же обитания — вполне естественная, та самая, в которую они умудрились попасть еще со времен студенчества в Академии: художники, музыканты, разговоры вне политики, телеканал «Культура», тихие песни под гитару, посиделки далеко за полночь.

— А что, если?.. — спросила я и замерла.

*К. Мирошник, Н. Кургузова-Мирошник.
«Владимир Мономах»*

— Я не знаю, как по-другому, — ответила Наташа.

Она — очень красивая женщина, внешне немного холодноватая, выдержанная, и оттого еще более красивая. В их паре с Костей чувствуется что-то трагическое, надрывное, хотя, может, мне это только показалось.

Костя с Наташей заметно и как-то сразу выделяются из общей массы. Она — высокая, тонкая блондинка с широким, заостренным лицом, с тонкими запястьями и пронзительным взглядом, молчаливым и острым, словно у какой-нибудь редкой изящной птицы. Он — напротив нее, по другую сторону стола. У него лицо-перевертыш: с одной стороны посмотришь — красавец, с другой — ничего особенного. Я так и не уловила тот пограничный ракурс, что изменял его лицо до неузнаваемости и разделял его строго на две части.

Костя активно жестикулировал. Жесты для него — словно части речи, они помогают подобрать нужное слово, а порой и вовсе заменяют слова. Во время разговора он резко выбрасывает вперед руку, тем самым как бы призывая к диалогу: согласиться с ним или поспорить. Когда обращается к Наташе, смотрит только на нее и ни на кого другого. Иногда она подхватывает и продолжает его мысль, а иногда заново повторяет ее, облекая в более лаконичные, простые фразы, «разжевываемая» для меня. Ей хочется, чтобы все и всегда понимали, что происходит вокруг. И только одна вещь

*К. Мирошник, Н. Кургузова-Мирошник.
«Настя. Полевые цветы»*

сильно ее беспокоила, она все время спрашивала у меня:

— Я совершенно не понимаю, что про нас можно написать. Просто ни малейшего понятия не имею.

Я сказала, что неплохо было бы рассказать о том, что они пишут, в какой технике, над чем сейчас работают, как удастся работать вместе, когда всем прекрасно известно, что любой художник тянется к индивидуализму, пусть даже неосознанно. На что она, с присущим ей тактом, ответила:

— Знаете, Ксения, ведь это всего лишь способ выжить и, в тоже время, не изменить себе. Когда у тебя есть дети, есть обязательства перед реальной, обычной жизнью, это не так-то просто. Не так-то просто

оставаться художником и при этом не изменять себе, и еще любить своих детей, заботиться о них. Я укачиваю, а Костя рисует, потом Костя качает, а я рисую. Мы стараемся поддерживать баланс, а про это не так уж интересно слушать.

ре много золота: настенная лепнина, багеты, подсвечники, картинные рамы, ручки дверей, даже столовые приборы позолоченные. Все это, конечно, еще при входе бросается в глаза, завораживает, притягивает и, одновременно, пугает своей тяже-

*К. Мирошник, Н. Кургузова-Мирошник.
«Дети моря»*

Но, несмотря на все ее сомнения, мне было очень интересно ее слушать. Их обоих.

Костя Мирошник и его жена Наталия Кургузова-Мирошник живут в большой, просторной квартирестудии на одной из конечных станций метро, но в современном и новом жилом комплексе. В их кварти-

рой красотой. Пока гость стоит, ослепленный и подавленный буйством золота, у хозяев достаточно времени как следует его разглядеть.

К ним часто приходят «на портреты». Это люди, которые хотят, чтобы их увековечили в щадящем для них ракурсе, а лучше — в выгодном, а еще лучше — в приукрашающем ра-

*К. Мирошник.
«Старые книги»*

курсе, в таком, который неплохо будет смотреться на фоне обоев в цветочек в гостиной или деревянных панелей их кабинетов. Они приходят регулярно, почти ежедневно, и тогда Костя с Наташей по-настоящему на высоте. Они светятся и блистают ярче, чем золотые вензеля на канделябрах в их квартире, они радушны, но

не навязчивы, дружелюбны, но сохраняют дистанцию. Зачастую не высокого мнения о заказчике, но тот никогда об этом не догадается. Наташа по-своему даже жалеет их: «Они так далеки от искусства. Мы должны быть с ними поласковее». С теми же, кто им особенно неприятен, просто отказываются работать.

Я набралась смелости и спросила:
— Работа на заказ по большей части не предусматривает свободы выбора. Но выбор все же есть, и он почти всегда остается за вами. Что такого должно быть в человеке, чтобы вы отказались его рисовать?

— Знаете ли, Ксения, — ответил мне Костя, — есть люди, с которыми просто невозможно работать.

— Мы рисуем множество хороших людей, — обиженно добавила

Наташа. — Великих, выдающихся людей, среди них остальные часто выглядят блеклыми, хотя это и не совсем так. Мы стараемся в каждом что-то уловить, ведь внутри любого человека — бесконечный мир и глубина, и мы пытаемся приоткрыть их зрителю, но ненавязчиво, как бы случайно, словно подол нижней юбки, мелькнувший в разрезе платья...

Оба они пишут в жанре реализма, только более мягко и подчеркнuto

нежно, не выставляя напоказ свою отточенную технику. В творчестве эта пара слишком деликатна и утонченна, слишком стабильна, слишком правильна, тогда как публика боготворит безумцев, извращенцев, ставящих эксперименты на одиноких людях, собаках, акулах и прочей загнанной в угол живности. Они не хотят меняться и слишком откровенно презируют дурной вкус, вкрадчиво шепчут тогда, когда надо кричать.

Современные художники так неистово стремятся к оригинальности, что сама она стала почитаться гораздо больше, чем тонкость передачи или глубина восприятия мастера. Границы дозволенного, расширяясь и отступая, постепенно исчезают, каноны рушатся, техники, приемы расщепляются, чтобы затем снова собраться воедино и, смешавшись между собой из разных эпох, кругов и жанров, умело передать атмосферу отсутствия техники вообще. Концептуализм, гиперманьеризм, ванизм, новый экспрессионизм, оптическое искусство, стрит-арт — «благословленные» частным вкусом и большими деньгами, художники все больше становятся новаторами. Правда, стараясь заново изобрести колесо, они не учитывают одной-единственной маленькой детали: телега все-таки должна ехать.

Среди этой показательной экспрессии, нарочитой сложности и простоты, за которой не стоит ничего глубже шершавой поверхности холста, среди всего многообразия и, одновре-

менно, пресной монотонности больше всего выделяются те, кто выделяться, собственно, не стремятся. Своим нежеланием шокировать, визуально подавлять, скандалить и обвинять собственные принципы на квадратных метрах в модных салонах. Константин Мирошник и Наталия Кургузова-Мирошник медленно, но верно пробивали себе дорогу в большое искусство. От всей прочей мишуры их реализм выбивается не только как жанр, но как заново перерожденная психология, как определенный образ жизни и мировоззрение, выстраивающееся из полярных, противоположных друг другу явлений: ощущение прекрасного и ощущение вечного. Харизматичность и банальность, лиричность и подчеркнутая точность, фотографическая правдоподобность и сны о прошлом, навеянные мечтами, тоской по дому, свободой, — все это тесно переплетается в их творчестве, отражающем самое важное и дорогое в жизни...

Не меняется только манера речи: вкрадчивая, будто нашептывающая, со множеством жестов и молчаливыми открытыми взглядами в упор, словно они что-то могут исправить, кому-то помочь, повернуть движение времени вспять.

Удивительно, что наша встреча была предопределена задолго до того, как она состоялась. О Константине Мирошнике в журнале «Смена» уже писали, причем писали тогда, когда сам Константин был безыз-

*Н. Кургузова-
Мирошник.
«Патриарх
Тихон»*

вестным студентом второго курса Академии живописи Ильи Глазунова. Но уже тогда чувствовалась его манера письма: пронзительная, кропотливая в нюансах, немного идеализированная, нарочито красочная и сочная и, в тоже время, трогательная в своей мягкости и гармоничной взвешенности. «Смена» не то чтобы раскрыла его талант, она просто уловила и подхватила его именно тогда, когда

поддержка со стороны была особенно необходима художнику. Период становления, поиска собственного смысла в искусстве, жизненные неурядицы — все это отражалось на его творчестве. Внимание журнала помогло Косте поверить в себя. И сегодня, став уже преуспевающими художниками, Костя и Наталия продолжают поддерживать теплые отношения с редакцией журнала.

Эстафету «Смены» приняли и другие издания — например, издательство «Белый город» выпустило уже три альбома, посвященных творчеству Мирошников.

Мы сидим за круглым деревянным столом на кухне, и Костя молча смотрит в окно, как будто вот-вот там должно что-то случиться. Он может сидеть так долго, а потом

выборе таких чудных, утонченно изящных, просто уникальнейших рам, как эти. Я радостно кивала, до тех пор, пока Наташа не сказала мне: «Не слушайте его, Ксюша. Эти рамы я сто лет назад заказывала в Академии».

Впервые переступив порог их квартиры, я с опаской вглядывалась в их лица, еще не зная, что они ска-

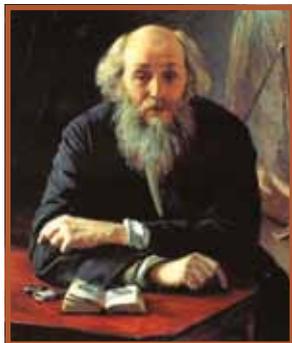

вдруг резко встанет и, не говоря ни слова, уходит в гостиную и начинает разбирать картины, переставлять их из угла в угол, менять местами. Он безразлично относится к рамам и багетам. Когда я похвалила рамы в их квартире, он недоуменно уставился на меня, а затем с преувеличенным энтузиазмом начал расписывать их достоинства и рассказывать, как нелегко ему пришлось при

жут, как встретят, как примут. Но они оказались настоящими и оставались такими до конца нашей встречи, не боясь открыться передо мной ...

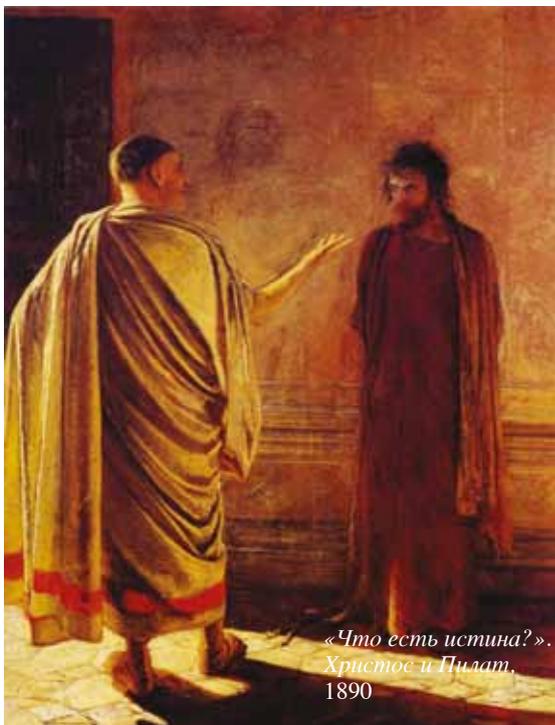
Покидая этот гостеприимный дом, я думала о том, какие еще новые приключения, как в творчестве, так и на волнах житейского моря, ждут эту удивительную, ни на кого не похожую пару... □

Николай Ге

Выдающийся русский художник Николай Ге, философ, мыслитель, проповедник, всю свою жизнь посвятил поискам Истины. Он шел к ней мучительно, долго, и, наверное, уже перед смертью понял: Истина — в милосердии, любви, красоте, и обретается она путем глубоких размышлений и страданий. Недаром его любимым героем стал Иисус Христос, а любимым сюжетом — распятие.

ПУТЬ К ИСТИНЕ

Николай Ге родился 15 февраля 1831 года. Его отец Николай Осипович Ге происходил из старинного французского рода de Gay. (Прадед художника эмигрировал в Россию в 1789 году во времена Великой французской революции). Прожив всего три месяца, маленький Коля стал

сиротой — 24 июня его мать Елена Яковлевна умерла от холеры. Заботу о ребенке взяла на себя бабушка, которая передала его на попечение няньки. «Добрая, милая няня, — говорил он, вспоминая свое сиротское детство, — равной тебе я не встречал более. Никогда тебя не забуду. Ты своей чистой, кроткой любовью осе-

канная, а когда маленький Коля спросил, в чем дело, показала страшные синяки — оказалось, ее жестоко избил управляющий. Как-то, сидя с ней у окна, Коля увидел, как на площади муштровали солдат. Один из них сделал что-то не так, и его «страшно били, а потом вынесли замертво». А другой раз к их дому подкатил отец

«Тайная вечеря», 1863

нила мое младенчество и завещала мне чуткость к человеческому горю». Ге навсегда сохранил память об этой простой женщине, дарившей ему свою доброту. А еще — о том, как однажды она пришла к нему, вся запла-

на бричке, и в этой бричке среди разных вещей оказался маленький, купленный по дешевке — всего за двадцать пять рублей, мальчик Платошка.

Шли тридцатые годы XIX века, до отмены крепостного права было еще

далеко... Унижения и розги сопровождали маленького Колю и в гимназии. Но там был и преподаватель рисования, художник-неудачник, самой большой удачей которого в жизни стала встреча с юным Ге. В этом мальчике гимназический учитель разглядел талант. Спустя много лет Ге, оказавшись в Киеве, зашел к старому учителю. Встреча была невероятно трогательная. «Он мне сказал грустным голо-

тет на физико-математическое отделение философского факультета, а в следующем году перевелся на такой же факультет в Петербургский университет. И попал в совершенно другую среду. Среди его новых знакомых оказалось много молодых художников, но больше всего он подружился с Парменом Забело — молодым украинским скульптором, студентом Петербургской академии художеств. Обща-

«Ахиллес оплакивает Патрокла», 1855

сом: «Я знал, что ты будешь художником, но я тебе не говорил этого, боялся тебя соблазнить. Нет больше горя, чем быть художником».

Несмотря на свои явно художественные таланты, в 1847 году Николай поступил в Киевский универси-

«Портрет жены художника А.П.Ге», 1858

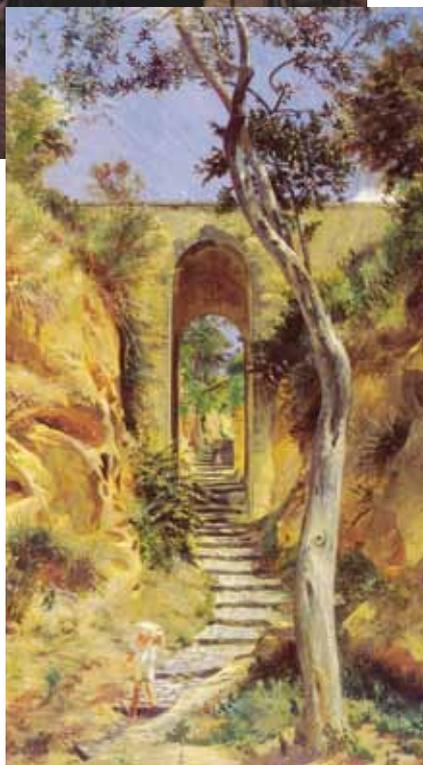

*«Портрет
Натали
Ивановны
Петрункевич»,
1893*

*«А.С. Пушкин
в селе Михайловском», 1875*

ясь с ними, Ге окончательно осознал, что его истинное призвание — искусство, и в 1850 году, бросив университет, поступил в Академию художеств. Он поселился в студенческом общежитии и, будучи не бедным, охотно делился средствами со своими менее обеспеченными друзьями, часто оставаясь без копейки в кармане. Он увлеченно учился у профессоров академии и часто посещал Эрмитаж, где и произошла его встреча с полотнами Карла Брюллова. Ге сразу понял — вот он, его настоящий учитель. Краски, композиция, блеск живописи Брюллова поразили молодого Ге в самое сердце. Отныне он стал

«Мост в Вуко», 1858

его преданным учеником и последователем. Неудивительно, что в ранних картинах Ге столь очевидно влияние великого Карла.

В 1854 году Николай проводил зимние каникулы в имении отца «Попелюхи», на Украине. Возвращаясь в Петербург, заехал в Монастырище, в усадьбу семейства своего приятеля Пармена Забело, где познакомился с сестрой Пармена Анной Забело. Ге влюбился в милую и умную девушку, и она ответила ему взаимностью. Влюбленные тут же принялись строить планы на будущее. «Ты будешь наслаждаться плодами моих трудов, да и ты сама будешь не менее моего работать. Мы заживем, как люди, а не бары. Не бойся, ангел мой, ты будешь великолепная жена, я не только верю в это, но я убежден в этом», — писал Н.Н. Ге А.П. Забело незадолго до свадьбы.

Но пока он возвращается в Петербург и уже в сентябре переживает первый настоящий успех — ему вручается золотая медаль за картину «Ахиллес оплакивает Патрокла». В том же году ему пришлось пережить и первую серьезную потерю — в октябре умер отец. Но жизнь продолжалась, и любовь помогла преодолеть горе.

28 октября 1856 года Анна Забело стала его женой. Им предстояло прожить вместе тридцать пять лет, насыщенных счастьем, любовью, горькими разочарованиями и неустанным творческим горением.

В следующем, 1857 году Ге снова получил золотую медаль — теперь

за картину «Аэндорская волшебница вызывает тень Самуила», а также звание художника 1-й степени и, самое главное, право на пенсионерскую поездку за границу.

Молодые супруги поехали в Италию, эту Мекку художников, а по дороге путешествовали по Европе — наслаждались видами Саксонской Швейцарии, заезжали в Мюнхен и Париж, где Ге с удовольствием посетил выставки Салона. И, наконец, супруги добрались на пароходе до Рима.

Прибыв в Вечный город, они сняли квартиру, Николай выделил одну комнату под мастерскую и приступил к работе. А 30 сентября у них родился сын — маленький Николай.

В Риме в то время жило много русских, и среди них — гениальный Александр Иванов. Ге, конечно же, посетил его мастерскую, с восторгом переживал свидание с грандиозным полотном «Явление Христа народу», внимательно изучал эскизы и рисунки к нему. И работал, работал... Писал пейзажи солнечной Италии, портреты своих новых знакомых, причем вдруг оказалось, что портреты ему удаются замечательно, но для него это было не столь важно, а то, что действительно казалось важным, не получалось! Картины на исторические сюжеты («Смерть Виргинии», «Разрушение Иерусалимского храма») выглядели подражательными, в них не чувствовалось жизни... Ге мучительно искал свои темы, а пока писал портреты жены — эта милая молодая женщина, которую краса-

вицей при всем желании назвать трудно, казалась ему прекрасной, удивительной... Г. Мясоедов писал: «В своей жене он, несмотря на то, что она была далеко не из красивых, видел все совершенство: с нее писал и Магдалину, и Петра Великого, и многих других...»

ренцию. Но именно в Риме в 1861 году состоялась первая встреча Ге с великим русским писателем Львом Николаевичем Толстым.

Между тем Ге продолжал искать свою тему в искусстве, и однажды, открыв Евангелие, вдруг понял — следующая его картина будет посвя-

*«Петр I допрашивает царевича
Алексея Петровича в Петергофе», 1871*

В 1859 году у Ге родился второй сын — Петр, а вскоре молодое семейство переехало из Рима во Фло-

ренца. Да и как было не писать Христа в Италии, где все пропитано Возрождением, где к этой теме обра-

щалось столько великих мастеров! Итак, «Тайная вечеря». Последний раз они все вместе — Учитель и ученики. Но один из них уже знает, что совершит предательство. Знает об этом и Тот, кого предадут. Сюжет этот привлекал многих живописцев — достаточно вспомнить Тинторетто, Леонардо, их предшественников и современников, и мастеров XX века, среди которых — Сальвадор Дали. Для одних главным в этом вечном сюжете было столкновение благородства и низости, для других — предчувствие трагедии. Для Ге же главным стал раскол, разводящий героев на два полюса — Добра и Зла. Ге писал: «Я видел там горе Спасителя, теряющего навсегда ученика-человека. Близ него лежит Иоанн, он все понял, но не верит возможности такого разрыва; я увидел Петра, вскочившего, потому что он тоже понял все и пришел в негодование — он горячий человек; увидел, наконец, и Иуду, он непременно уйдет». Это настоящая психологическая драма, что и обусловило композиционное и колористическое решение картины. В полумраке комнаты — четверо главных героев — Христос, Иоанн, Петр и Иуда. Свет и тень, добро и зло — все так рядом! Все взволнованы, и только Христос спокоен, он видит будущее и знает: впереди у него — Голгофа.

Художник привез эту картину в Петербург, и она стала «гвоздем» Академической выставки 1863 года. Это был настоящий успех. Восторженные посетители выставки находили в ней

«простоту, реализм, правду». Ге тут же присудили звание профессора, что по тем временам было выше звания академика. В его честь устраивали приемы, к нему шли молодые художники, среди которых был и Крамской. Окрыленный, Ге вернулся в Италию, где его ждали жена и два сына — Николай и Петр.

Вдохновленный успехом, он все глубже погружался в евангельские сюжеты, однако его новые работы — «Мария, сестра Лазаря, встречает Иисуса» (1864) и «Вестники Воскресенья» (1867), картину, которую он писал очень долго — четыре года! — не нашли понимания ни у публики, ни в церковных кругах. Ге собирался показать ее в России на «публичной выставке» — устроить «свободную и независимую» экспозицию картины в Санкт-Петербурге и других российских городах. Однако Совет Императорской академии художеств запретил показ — она не понравилась высшим церковным иерархам, не одобрил ее и царь, как «не вполне согласную с евангельским толкованием событий... способную дать повод к превратным в публике суждениям». Не была понята и другая большая работа художника — «Христос в Гефсиманском саду». Что же так смутило всех? По-видимому, дело в том, что Христос у Ге становился все более человеком, теряя свою божественную сущность, не понятен был и новый живописный язык, на котором говорил художник, уж слишком быстро он шел вперед, все стремительнее и стремительнее опережая свое время.

Живя в Италии, Ге непрерывно думал о России и встречался с российскими художниками, приезжающими, по тем или иным причинам, в прекрасную средиземноморскую страну. Вместе с Г.Г. Мясоедовым он задумал создать независимый от Академии художеств союз художников, который смог бы организовывать передвижные выставки по всей России. Вскоре он подписал составленное Мясоедовым письмо московских художников к своим петербургским собратьям с идеей и уставом Товарищества передвижных художественных выставок (ТПХВ).

Зиму того года Ге провел на родине, где родился один из самых известных проектов в истории искусства — движение передвижников. А в 1870 году окончательно переехал в Россию. Наверное, его семейство, привыкшее к теплой солнечной Италии, не просто восприняло это решение, но что могла сделать Анна Петровна — только следовать за мужем. Они поселились в самом центре столицы, на 7-й линии Васильевского острова. Анна Петровна занималась домом и детьми, а он с головой ушел в творчество и дела Товарищества. О нем снова заговорили, и снова его ждал успех — потрясающие портреты и историческое полотно «Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе» стали настоящим событием в художественной жизни страны. Его картины — главные на Первой выставке передвижников. Недавно Крамской писал: «Ге царит решительно».

Ему всегда удавались портреты — к примеру, увлекшись личностью Герцена, он создал глубокий психологический портрет русского интеллигента, при этом, вполне западного интеллектуала. Теперь он работал над портретами историка Костомарова, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Тургенева, Бакунина, выполнил с посмертной маски бюст Белинского. А Бенуа говорил: «Его портреты так мучительно думают и так зорко смотрят, что становится жутко, глядя на них. Не внешняя личина людей... самая изнанка — загадочная, мучительная, страшная — вся в них открыта наружу» ...

Ге стал признанным авторитетом в русском искусстве. Он — член всех творческих союзов и объединений, его «Петра и царевича Алексея» купил сам Третьяков, а для царя художник специально сделал копию этой картины!

И вдруг — в 1875 году он бросает столичную шумную жизнь, покупает небольшое имение — принадлежавший родителям жены хутор Ивановский в Черниговской губернии — и уезжает из Петербурга.

Анна Петровна с трудом приняла очередное решение мужа, столь резко ломающего устоявшийся образ жизни. Но ей не привыкать — однажды он так же резко увез ее в Италию, потом, когда она уже горячо полюбила прекрасную средиземноморскую страну, вернулся с ней в Россию, а вот теперь хочет, чтобы они жили в глуши, вдали от

*«Перевозка
мрамора
в Карраре»,
1868*

«Пушкин в Михайловском»

столицы, от их старых и новых друзей. Наверное, ей было очень нелегко, но она любила своего мужа и понимала — он большой художник, и потому ему позволено все, а ее дело — помогать в выполнении его миссии...

Поначалу Ге пришлось нелегко — нужно было как-то вести хозяйство, а этого он не умел. Но он не сдавался — сажал деревья, работал в поле, даже научился класть печи! И с удовольствием общался с простыми селянами, находя в них совесть, честь, доброту, то, чего ему не хватало в обитателях столицы. Позже он писал: «Я делал печь бедной семье у себя на хуторе, и это время было для меня самым радостным в жизни. И кто это выдумал, что мужики и бабы, вообще простой люд, грубы и невежествен-

ны? Это... злостная ложь. Я не встречал такой деликатности и тонкости нигде...»

В январе 1882 года Ге прочитал статью Л. Толстого «О переписи в Москве», в которой шла речь о нищих и сирых. Толстой писал, что причина

*«Лейла
и Хаджи
Абрек»,
1852.*

*По мотивам
поэмы
М.Ю.Лермон-
това «Хаджи
Абрек».*

их несчастья — «наша нелюбовь к низшим». Статья произвела на Ге огромное впечатление. Художник быстро собрался в дорогу и отправился в Ясную Поляну. Татьяна Львовна, дочь писателя, говорила,

что под влиянием статьи Ге из «язычника превратился в христианина, что Толстой и Ге, два великих человека, насытившись славой, увидели, что она не может дать смысла жизни и счастья».

Ге становится преданным последователем религиозно-нравственного учения Толстого (увлекся им и его сын Николай), и начинается замечательная дружба между двумя большими художниками, мыслителями, философами.

Конечно же, Ге написал портрет Толстого. Когда этот портрет привезли в Москву и выставили в небольшом помещении, то желающих увидеть его оказалось так много, что в зале ежедневно была давка.

Толстого Ге просто боготворил. Екатерина Ивановна, невестка, писала в дневнике: «Это было почти религиозное чувство». Николай Николаевич становился похожим на фанатичного, «ожесточенного сектанта», не позволяющего никому в его присутствии обсуждать произведения Толстого. В нем проснулся проповедник, не терпевший возражений и даже казавшийся высокомерным. Как и Лев Николаевич, Ге взялся за физическую работу, охотно занимался пасекой, учил грамоте крестьянских детей. В питании перешел на вегетарианство. Есть фотографии, на которых он — невысокий, с белой бородой, в белой холщовой сорочке, подпоясанный поясом, — даже внешне очень напоминает Толстого.

Писатель и художник писали друг другу письма, в которых сквозили забота, тепло, понимание. В одном из писем, например, Толстой напоминал, что для его друга самое главное — творчество, а по-

тому он должен себя беречь. Ге успокаивал Толстого: «Не смущайтесь, что я на время оставил работу... искренне только и можно работать, но еще и жить тем, что хочешь сказать». Он так и делал — жил, в соответствии со своими принципами, и работал, в соответствии со своей жизнью...

Анна Петровна и другие члены семьи не разделяли увлечения «толстовством», что породило некоторые разногласия в семье. Екатерина Ивановна Забело, сестра певицы Надежды Ивановны Забело-Врубель и жена сына Ге Петра, так писала об этом: «Николай Николаевич читал... Толстого религиозно и, как ярый сектант, не позволял нам при себе рассуждать о его произведениях, сейчас же показывая, как вы падаете в его мнении».

В 1886 году Ге отказался от собственности, считая, что этим он искупает свои грехи. Все имущество было передано жене и детям. Однако жить Николай Николаевич остался на хуторе («я живу у них потому, что они этого желают»). После экстравагантного решения Ге его семья раскололась (подобная драма впоследствии произойдет и в Ясной Поляне). Отцовские принципы разделял старший сын Николай, а младший, Петр, был на стороне матери. Анна Петровна какое-то время даже жила у него в Москве. Когда она уехала в Москву, покинутый муж тут же отправился с посохом и котомкой в путешествие по России. Был в

Киеве, Чернигове, Одессе. Везде делал зарисовки, бывая в Киеве, заезжал в художественную школу Мурашко и с удовольствием читал лекции по искусству, но при этом все время помнил о жене. В послании сыну просил: «Пишите мне о ней и не оставляйте ее одну — ведь она одинока...» После своих скитаний Ге возвращался к себе на хутор, где постепенно образовалась целая «коммуна». Николай Ге-младший, окончив юридический факультет Киевского университета, вернулся на отцовский хутор и взял на себя все хозяйство. Он был в гражданском браке с местной крестьянкой, имел от нее дочь Праксковию. В Ивановском нашли приют и племянница Зоя с мужем, также «толстовцем». (За участие в «Народной воле» ей грозила ссылка, которую после вмешательства Толстого заменили жизнью на хуторе). Тут же поселился отставной офицер Теплов, еще один «толстовец». На хуторе проживал и брат художника Осип, появившийся здесь после ссылки, которой его наказали за причастность к польскому восстанию 1863 года.

Тут, в тиши сельской жизни, на удаленном от городской суеты хуторе, начался новый, последний и самый главный этап в жизни художника Ге — именно здесь он создал свои главные шедевры: «Что есть истина?», «Распятие», «Голгофа».

Вот он, Пилат, наместник Рима в Иудее. Вся его фигура, ярко освещенная лучами жаркого южного солнца, — воплощение власти, вла-

сти над судьбами людей, над их мыслями, над их жизнями. И только этот, в тени, невысокий скромный человек, ему не подвластен. Он живет по своим законам, и власть Пилата для него — ничто. А истину знает именно он, и потому он сильнее Пилата. Обладающие властью редко владеют истиной, говорит художник.

Христос Ге — пророк бедных, страждущих, он совсем не всемогущ и не всемогущ, он, прежде всего, человек, а не Господь, только человек, преданный своим идеалам, идущий на смерть ради них. Он так отличался от всех этих сусальных образов Иисуса, которых Церковь принимала и одобряла. Одна вполне почтенная дама, увидев картину, возмутилась, что Христос на ней не красив. Разозлившись, Ге ей ответил: «Христос, сударыня, не лошадь и не корова, чтобы быть красивым. Я до сих пор не знаю ничего лучше человеческого лица, если он не урод, разумеется. Притом, человек, которого били всю ночь, не мог походить на розу...» Конечно, тако-го Христа Церковь принять не могла. Неудивительно, что Победоносцев, обер-прокурор и духовный наставник Александра III, во всеуслышание заявлял: картина оскорбляет религиозное чувство, а потому выставлять ее никак нельзя! На письме Победоносцева твердой царской рукой было начертано: «Картина отвратительная». Так публика ее тогда и не увидела. Зато Толстой, разглядев в картине глубочайшее

обобщение, писал: «Христос такой, каким и должен быть человек, которого мучили целую ночь и ведут мучить. И Пилат такой, каким должен быть губернатор теперь. Ге нашел в жизни Христа такой момент, который важен теперь для всех нас и повторяется везде, во всем мире».

В 1891 году Ге похоронил жену.

Анна Петровна умерла в начале ноября. Простудилась и заболела воспалением легких. Перед смертью она попросила показать ей тогда еще незаконченную «Голгофу». Николай Николаевич отнес ее к полотну — жена всегда была его самой преданной поклонницей...

Пережив тяжелую утрату, Ге как-то еще острее почувствовал трагедию Христа. Теперь он точно знал, что ему следует делать.

В конце жизни он писал: «Вся моя работа до сих пор заключалась в том, что я пробовал все то, что не нужно делать, и, наконец, дошел до того, что нужно делать, что ужасно просто и что стоит очень давно, то есть, что вечно».

Среди его героев — не только Христос. На полотне «Совесть» — безликий, невыразительный Иуда остается наедине со своей совестью. У человека, предавшего Учителя, предавшего Веру, лица нет...

«Суд Синедрiona», «Повинен смерти», «Голгофа», «Распятие» — это все не только про Христа, это про человека, про его терзания, про его муки, которые он неизбежно

встречает, если осмеливается идти наперекор общему мнению, наперекор власти, наперекор устоявшимся нормам и понятиям. У всякого человека чести и принципов есть своя Голгофа, и надо уметь не только жить достойно, но и умереть достойно. Ге и его Христос не умиляют зрителя, не трогают, нет — художник переворачивает наши души, заставляет сопереживать, а сопереживать можно только себе подобному, человеку, не Богу.

На этих полотнах прослеживается весь скорбный путь Христа.

«Голгофа». Осенью 1893 года Ге писал Толстому: «Да, эта картина меня страшно измучила, и, наконец, я вчера окончательно нашел то, что нужно, то есть ту форму, которая вполне живая. Меня мучили кресты, громадный холст, а картины нет, нет жизни... И вот я нашел способ выразить Христа и двух разбойников вместе, без крестов на Голгофе, только что приведенных. Все три страдальца, всех громко и страшно поражает молитва самого Христа. Одного разбойника бьет лихорадка, другой убит горем... Я сам плачу, смотря на картину».

«Распятие». Ге словно оттягивал работу над этим полотном, но, наконец, подошел к самому главному, самому страшному — к казни. 17 ноября 1895 года он написал Толстому: «Эти три дня я работал над новой картиной. В ней ясно выражено то, что я так жадно искал до изнеможения, до забвения всей самой дорогой

мысли... Все готово; я столько работал, что до мельчайших подробностей у меня все есть в голове». У него действительно все уже было продумано, он словно видел распятого Христа. Уже в январе, через два месяца, Ге сообщил Толстому, что картина закончена. «Я долго думал, зачем нужно Распятие... — для возбуждения жалости, сострадания оно не

«Ему нужно было видеть трупы, и он ходил в академический театр, — вспоминал Стасов. — Ему нужно было передать моменты смерти: лоб, рот уже застыли, и только ноздри сохранили последний остаток, как бы последний след жизни. Этот ужасный момент передан, по признанию врачей, с необычайной реальностью, Ге уловил его на лице своей умиравшей жены.

*«Морской залив.
Ливорно», 1862*

нужно... Распятие нужно, чтобы сознать и почувствовать, что Христос умер за меня... Я сотрясу их все мозги страданием Христа. Я заставлю их рыдать, а не умиляться»... Говорили, что художник писал без натуры, но это не так. Ге рассказывал Стасову, что разбойника писал с крестьянского парня, а фигуру Христа — с одного родственника, изменив черты лица.

«Вот что значит быть художником, — сказал Николай Николаевич, — я был вне себя от ужаса и горя, но я оставался верен себе, не мог не смотреть, не мог не видеть как художник».

Картина потрясла зрителей. Они увидели безжалостную правду казни, услышали страстный протест художника против убийства человека человеком.

В этих работах Ге, по сути, опередив время, жил в XX веке, то, что он делал, его почерк, стиль, идейное наполнение — это настоящий экспрессионизм, невероятно далекий от классицизма Брюллова, с которого он начинал, или реализма передвижников, его друзей и современников. Мало кому даже из великих художников

сочкам полотно позволялось видеть многим ценителям искусства. Сюда приводила своих учеников юная Надежда Крупская, оставившая воспоминания об этом ставшем для нее памятным событии.

1 июня 1894 года Николай Ге умер. Умер совершенно внезапно, неожиданно. Гостила в Нежине, у младшего сына, домой вернулся

Масса-Каррара. Погрузка мрамора,
1868

удавалось пройти такой путь в искусстве!

«Распятие», как и другие работы 1890-х годов, было запрещено. Однако Ге перевез картину в Петербург, в квартиру близких друзей А.Н. и Е.И. Странолюбских, и по его запи-

поздно вечером. Созвал родню, чтобы сесть за стол, — а далее произошло то, о чем в одном из писем Николай Николаевич написал так: «Пора домой, то есть умирать».

Видно, все, что мог, сделал, и с полным правом решил — пришло

время покинуть сей бранный мир. 3 июня его похоронили рядом с Анной Петровной. Теперь они снова были вместе.

Первое время хутор пустовал. Но потом сюда стал приезжать на лето другой великий русский художник — Михаил Врубель.

Благодаря вмешательству Толстого большая часть наследия Ге была передана П.М. Третьякову, хотя собиратель не был поклонником последних работ художника. Он признавался, что не понимает их, хотя и допускал, что может ошибаться. В любом случае, он не мог их выставить для всеобщего обозрения. Уже после смерти Третьякова было решено выставить «Утро Воскресения», позже — и «Голгофу», а вот «Распятие» не решились — оно хранилось по-прежнему в закрытом от публики помещении.

У наследия Николая Ге оказалась сложная, драматическая судьба.

В 1900 году Николай Ге-младший уехал во Францию и увез с собой оставшиеся у него полотна отца, а также две версии «Распятия». В 1903 году их увидели ценители живописи Женева и Парижа — выставки были организованы сыном художника. Надо сказать, он был замечательным сыном — свято относился к творчеству отца и делал все, чтобы сохранить его работы. Наряду с «Распятиями» и оставшимися у него другими картинами, он показывал и рисунки отца, эскизы и

иллюстрации к «Страстному циклу», издавал альбомы. Жизнь его во Франции сложилась не очень счастливо — два сына умерли, один на войне, по нелепой случайности, а другой — в больнице для умалишенных, жена Зоя вернулась в Россию еще в 1912 году. Одиноким стареющий Николай Ге нашел приют в доме своей женевской знакомой Беатрисы де Ватвилль, став воспитателем ее детей. В 1939 году он составил завещание, в котором оставлял ей все имевшиеся у него ценности — произведения отца, картины и рисунки, письма Толстого и богатую библиотеку. Старинный замок Жанжан в кантоне Во, принадлежавший мадам Ватвилль, превратился в своеобразный музей Николая Ге, в маленький островок русской культуры. В 1936 году замок открыл свои двери для всех, кого интересовало творчество русского художника. Здесь бывала и Т. Сухотина-Толстая, с которой Николай Ге-младший продолжал дружить.

Он умер в 1938 году, и сельское кладбище недалеко от поместья Жанжан стало его последним пристанищем. А в 1952 году скончалась его покровительница мадам Ватвилль. Замок и все, что там хранилось, пошло с молотка. Представителей СССР тогда заинтересовали только письма Толстого — картины религиозного содержания им были ни к чему. Одно «Распятие» оказа-

лось в парижском музее Орсе, где другое — неизвестно и по сей день. Прошли годы, и однажды некий женеvский студент-архитектор по имени Кристоф Больманн, подрабатывавший перепродажей картин, которые он находил в антикварных лавках и на уличных развалах, гуляя по блошиному рынку, вдруг увидел лежавшие на земле рисунки неизвестного ему художника. Сюжеты — явно религиозного характера. На некоторых листах были видны следы чьих-то ног — видно, по ним ходили. Рисунки Больманну понравились, и он по очень сходной цене их купил. Позже он рассказывал: «Я купил это собрание, проникшись уважением к неизвестному мастеру, конечно же, не заслужившему такого пренебрежения. Я предполагал, что эти рисунки русского происхождения — на некоторых были полустертые надписи, угадывалось кириллическое начертание букв. Только пятнадцать лет спустя, в 1988 году, я узнал, что это рисунки Николая Николаевича Ге. Случай буквально перевернул мою жизнь и открыл мою душу навстречу русской культуре».

Однажды, в 1988 году, в гости к Больманну пришли гости — дети известного поэта Переца Маркиша, филолог, преподаватель Женеvского университета Симон и Ольга, киевская керамистка. Больманн показал им рисунки неизвестного русского художника. «Ну,

конечно же, это Ге!» — воскликнула Ольга.

После долгих и трудных переговоров Кристоф Больманн согласился передать графические работы Николая Николаевича Ге Третьяковской галерее. Так важнейшая часть наследия великого русского художника снова оказалась на Родине.

После смерти Николая Ге прошло более полувека, прежде чем было разрешено выставить картины его «Страстного цикла» — начиная с конца 1950-х годов, в Киеве, Ленинграде, Москве и Минске, наконец, прошли большие выставки. Теперь о нем пишут книги, выходят посвященные ему монографии. Художник занял подобающее его таланту место в истории русского искусства.

Недавно в Москве прошла выставка, посвященная 180-летию художника. И картины «Страстного цикла» занимали в ней центральное место. Но не только картины — посетители Третьяковской галереи смогли увидеть замечательные рисунки, эскизы к этому циклу, счастливо вернувшиеся на родину.

На склоне жизни Николай Ге написал свой автопортрет. Это — итог жизни, отданной искусству и поискам Истины. Похожий на библейского пророка Николай Ге один на один с вечностью, и взгляд его широко раскрытых глаз «старика-ребенка» адресован каждому из нас... □

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Благодарим всех, кто принял участие в конкурсе. Мы были приятно удивлены, что среди вас так много настоящих ценителей поэзии — редакция получила более тысячи писем. Естественно, мы смогли представить только двенадцать, поэтому приняли реше-

Новогоднее

Мы вечно спешим неизвестно куда,
Мгновеньем мелькают для нас дни и ночи,
А мимо летят незаметно года,
И жизнь все короче, короче, короче...
Останови торопливый свой бег
И оглянись! Словно в танце неслышном
Со звездного неба падает снег,
Сказочно чистый, мягкий и пышный.
Мир растворился в сиянии звезд,
Сейчас он торжественен, праздничен, светел.
Он ждет — новый год заступает на пост,
Сменяя прошедший на нашей планете.
Что ж, год уходящий, за все нас прости.
Не оправдали опять мы надежды —
И лучше не стали, и в нашем пути
Наделали снова ошибок, как прежде.
А музыка льется, зовя и моля,
Как будто поведать нам хочет о многом.
Что ждет тебя в будущем, наша Земля?
Часы бьют двенадцать. Поехали. С Богом!

Мы суетимся, мечемся, спешим,
И каждый день с утра — одно и то же!

ние продолжить конкурс и в этом году. Присылайте свои стихи по почтовому и электронному адресам, указанным в журнале.

С Новым годом, друзья, счастья, здоровья и успехов всем!

А теперь — победитель 2011 года: это радиотехник аппаратуры оборонного значения, москвичка *Лидия Григорьева*, чью поэтическую подборку мы и предлагаем вашему вниманию.

Но иногда на самом дне души
Какая-то тревога всех нас гложет.
Нас улицы зажали, как тиски,
Нам одиноко в городе и тяжело,
И хочется порою до тоски
Хоть приласкать бездомную дворняжку!
Как видно, потеряли мы в быту
Однажды что-то важное, большое,
И чтоб заполнить эту пустоту,
Мы к «братьям меньшим» тянемся
душою.

И потому, оставив города,
Спешим на речку, в лес, луга, на дачи
И благодарно смотрим иногда
Мы в преданные нам глаза собачьи...

Когда мы появляемся на свет,
Не всем дано идти по жизни прямо.
Нас словно вводят в некий Интернет,
где каждому дана его программа.
И изменить свой файл не в силах ты,
Лишь следуешь программе

по минутам

До самой роковой ее черты,
Когда приходит срок уйти кому-то.

Расписан путь земной на небесах —
С чем ты уйдешь, с проклятьем
или с почетом?

И время на особенных часах
Для каждого идет обратным
счетом.

Что ждет в конце пути земного всех,
До времени от глаз людских
сокрыто.

Одних — богатство, слава и успех,
Ну а других — разбитое корыто.

Но если вдруг судьба к тебе строга,
То и тогда ты не ропщи напрасно —
Любая жизнь, бесспорно, дорога,
И каждая по-своему прекрасна!

Качнулся пол под шаткою ногой,
Ударило звенящей тишиною,
Мир выгнулся причудливой дугой,
И рушится стена передо мною.
Стою, зажмурившись,

не открывая глаз,

И медленно едва дышу несмело —
Я вновь ТЕБЯ увидела сейчас,
А думала — уже переболела...

К НАМ ПРИЕХАЛ САНТА-КЛАУС!

— Ты идеально подходишь на роль Санта-Клауса!

Эта нелепая мысль осенила Кэти всего за день до Рождества — несмотря на то, что «пивной бочонок», когда-то нависавший у меня над брючным ремнем, давным-давно остался в прошлом.

— Пустяки! — выслушав мои отговорки, отмахнулась она. — Подложишь подушку.

— Но почему я?

— Во-первых, потому, что меня — твою девушку — назначили ответственной за проведение благотворительного бала. А, во-вторых, ты — самый крупный и веселый мужчина из всех, кого я знаю.

— Хо-хо-хо!

— Наша цель — собрать средства в помощь детишкам из бедных семей! Где твое чувство сострадания?

— Молчит, как рыба. Может, тебе обратиться к Эвансу?

— К Эвансу?! Ты серьезно?

— Ну, к кому-нибудь еще! Ради тебя я готов на все, но... всему есть предел.

— Хватит капризничать, — лукаво улыбнулась Кэти. — Ты любишь детей и знаешь, как...

— С чего ты взяла?! Да я этих...

— Я видела, как ты с ними себя ведешь!

— Я их просто терплю!

— Так потерпи ради такого дела. Всего четыре часа — с пяти до девяти! — Кэти с мольбой посмотрела на меня. — Неужели я прошу слишком много?

— Еще бы! Напялить на себя какие-то тряпки и весь вечер нянчиться с этой мелюзгой? Ни за что! Слышишь?!

— Хо-хо-хо! — добродушно прогудел я взобравшейся ко мне на колени крохотной девчужке.

— Ты и вправду Санта-Клаус? — пискнула та, восторженно созерцая меня круглыми как блюдца глазенками.

— Конечно! А тебя как звать?

— Мелисса.

— Какое красивое имя! Сколько тебе годиков?

— Пять с половиной.

— Чудесно! Какой подарок ты бы хотела к Рождеству?

— Куклу.

— Какую?

— Большую.

— Просто большую, и все?

— Ту, которой в ротик наливаешь водичку, а потом она делает пи-пи.

— Хо-хо-хо! — тяжело вздохнул я.

«Рождественский Благотворительный Бал», проходивший в спортзале «Лоуэлл хай-скул» — рядом с Парком Золотых ворот — спонсировала дюжина известных на весь Сан-Франциско фирм, в том числе и рекламное агентство «Бэйтс энд Карпенстер», где моя Кэти работала старшим копирайтером, так что все было честь по чести. Оформители постарались на славу: в центре зала возвышалась огромная елка, украшенная мишурой, гирляндами разноцветных лампочек и даже искусственным снегом. Повсюду висели венки омелы и остролиста. Обслуживающий персонал щеголял в костюмах эльфов и прочих сказочных персонажей. Из динамиков рекой лились рождественские хоралы и традиционные новогодние песни. С расставленных вдоль стен лотков торговали закусками — мясными пирогами, пудингами с черносливом и изюмом, хрустящими имбирными хлебцами и сладостями, а также множеством игрушек. Для увеселения взрослых гостей была организована лотерея и бар со слабоалкогольными напитками.

Что же касается детворы, то, как и предполагалось, в качестве главной «приманки» для нее выставили меня.

Я восседал в похожем на трон кресле, установленном на высоком помосте в конце зала, облаченный в красные брюки и куртку, перепоясанную широким ремнем, и черные резиновые сапоги. Вокруг меня на ниточках свисали хлопья ваты, изображавшие снежинки, а рядом стоял мешок

с подарками в ярких упаковках. К счастью, мне даже отрядили пару помощниц — симпатичных девушек, переодетых эльфами, однако их улыбки выглядели столь же фальшивыми, как и мои накладные бакенбарды и парик, ибо к помосту тянулась такая длинная очередь малышни, жаждавшей поведать свои заветные мечты Санта-Клаусу, что сам Гамельнский Крысолов наверняка лопнул бы от зависти.

Я чертовски потел, и отнюдь не только потому, что мне было жарко в подбитом ватой маскарадном костюме. Вся беда заключалась в том, что, с точки зрения большинства нормальных людей, у меня был на редкость нелепый вид, и многие гости с трудом сдерживались от смеха. Правда, более чем из двухсот присутствующих истинную личность Санты знали всего пятеро — в том числе трое сотрудников частного охранного агентства. Прежде чем согласиться на эту авантюру, я взял с Кэти страшную клятву, что она никому не проболтается — особенно моему напарнику Эвансу, известному любителю позубоскалить.

Тем не менее, я по-прежнему чувствовал себя крайне уязвимым, как человек, вдруг оказавшийся нагишом посреди людной улицы. Мне казалось, что я торчу здесь уже целую вечность. В голове стучала одна-единственная мысль: лишь бы кто-нибудь из газетчиков не щелкнул для своей статьи мое фото, на котором меня бы мгновенно опознали коллеги — например, тот же Эванс или Барни Ривера с Джо Фалько!

Страдальчески улыбаясь, я украдкой глянул на часы и обомлел, выяснив, что бал начался всего сорок пять минут назад, и мне предстоит терпеть эти адские муки еще без малого три часа. Точнее, почти двести минут. Или двенадцать тысяч секунд...

Пока очередной карапуз карабкался ко мне на колени, другой, стоявший в очереди следом за ним, внезапно схватился за живот и разразился громкой икотой.

— Господи, по-моему, его сейчас вырвет! — испуганно пробормотал кто-то из ребят.

Слова богу, его сопровождала мамаша, успевшая вовремя увести свое чадо под звуки «Белого Рождества».

«А если бы его стошнило прямо на меня?» — подумал я и решил, что с Кэти причитается.

Выслушивая пожелания, я старался сидеть прямо и не ерзать — иначе это рассмешило бы не только взрослых, но и детишек, решивших, что Санта-Клаусу давно приспичило «сделать пи-пи», да отойти работа не позволяет.

Впрочем, все это не выходило за рамки «досадных мелочей». Настоящие проблемы начались с появлением рыжего, как апельсин, мальчишки, который, взлетев на меня, словно ковбой на необъезженного мустанга, с ходу заявил:

— Никакой ты не Санта-Клаус!

— Что, не похож?

— Ни капельки. У того красная рожа и нос, как слива.

— Гм! Как тебя звать, сынок?

— Ронни. К тому же, у него толстое брюхо.

— А мое разве не толстое? Хо-хо-хо! Что бы ты хотел в подарок на Рождество?

— Не твоего ума дело, фуфло кудлатое. Обойдусь без твоих подарков — я и сам могу их себе купить.

— Рад за тебя.

— И вообще я не верю ни в какого Санту! — презрительно хмыкнул он. На вид ему было лет девять, но при этом — совершенно взрослый, циничный взгляд. Из таких частенько вырастают серийные убийцы. Или политики.

— Если тебе неохота поболтать с Сантой, — начиная терять терпение, буркнул я, — то почему бы не уступить место другим ребятишкам?

— Фигушки! — злорадно прошипел Ронни и вдруг с силой пихнул меня в живот. — Ха! Так я и знал. Небось, подушка.

— Ну-ка, дружок, слезай с меня по-хорошему.

— Перебьешься!

Склонившись к нему, я тихо сказал:

— Слезай, иначе Санта достанет эту самую подушку и заткнет ее прямо тебе в глотку.

Ронни проворно соскользнул на помост, скорчил мне гримасу и, прошептал: «Придурок!», затерялся в толпе.

Облегченно вздохнув, я повернулся к одной из своих помощниц:

— Следующий!

Пока я внимал восьмилетнему «херувиму», который, захлебываясь от восторга, на все лады расхваливал «танк с ракетой, что взрывается, когда попадает в цель», передо мной возникла Кэти с кружкой в руке и поманила за собой в дальний угол зала, надежно скрытый от взоров гостей деревянным помостом. Избавившись от юного милитариста, я шепнул ближайшему эльфу, что мне нужна легкая передышка, расправил затекшие ноги и, стараясь не привлекать внимания, начал проталкиваться сквозь ватную метель к Кэти. Она нарядилась ангелом — во все белое с нимбом, скрученным из проволочной вешалки, обернутой серебристой фольгой — и выглядела настолько потрясающе, что я даже на миг забыл, что сердит на нее дальше некуда. Протянув мне кружку пунша с ломтиком лимона, она задорно подмигнула.

— Я подумала, что это поможет тебе поднять настроение.

— Ты вовремя, ей-богу! Надеюсь, сюда добавлено хоть немного «огненной воды»?

— Пара капель. С каких это пор ты полюбил крепкие напитки?

— С тех самых, как меня усадили на этот трон.

— Неужели все настолько ужасно?

— Не то слово! Один из них вопил так, что я чуть не оглох на левое ухо. Другой — толстяк, каких еще поискать, — прыгнул прямо мне на ногу и отдалвил большой палец. Третий нечаянно угодил кое-куда коленом. А не далее как пару минут назад будущий преступник по имени Ронни дал мне под дых и обозвал «придурком». И это лишь начало.

— Бедняжка!

— Звучит, прямо скажем, не слишком искренне.

— Детишки от тебя просто без ума! Сама слышала, как они восхищались тобой перед своими родителями.

— Привет с Северного полюса! — Я с наслаждением отхлебнул пунша. То, что надо. — Долго еще?

— Два с половиной часа.

— Боже! Столько мне не продержаться.

— Постарайся! Мы уже собрали весьма приличную сумму. Все в вос-
торге — кроме тебя и миссис Симмонс.

— Кто такая?

— Жена нашего юриста. Где-то посеяла свой бумажник со всеми кредитными карточками и двумя сотнями в придачу.

— Сочувствую! Передай этой леди, что я готов возместить ей две сотни, если она сию же минуту согласится занять мое место.

— Неужели наш Санта объявит забастовку? А как же «Все лучшее — детям»? — саркастически усмехнулась Кэти и, повернувшись, отправилась по своим делам.

— Не вздумай ляпнуть нечто подобное при пацане по имени Ронни! — крикнул я ей вслед. — Это может навести его на всякие гадкие мыслишки.

Едва я успел взгромоздиться на трон, как вышеупомянутый «пацан» объявился вновь — на сей раз в компании хмурого усатого мужчины в сером костюме. Поднявшись на помост, Ронни молча ткнул в меня пальцем.

— Какого черта ты пугал моего парнишку? — тихо, но злобно спросил Усатый. — Ведь это ты обещал Ронни запихнуть ему в глотку подушку?

— Нечего было бить меня в живот.

— Подумаешь! Это еще не дает тебе права ему угрожать. Может, мне самому с тобой разобраться?

— Точно! — просиял Ронни. — Пап, вломи ему как следует!

— Извинись перед моим парнем, и мы уйдем, — пообещал Усатый.

— Пап, лучше врежь ему еще разок!

Я с прищуром посмотрел на расхрабрившегося папашу.

— Представьтесь, пожалуйста.

Тот удивленно вскинул брови.

— Это еще зачем?

— Похоже, мы с вами уже встречались.

Некоторое время Усатый сосредоточенно изучал меня, по-видимому, стараясь вообразить, как я выгляжу без театральных причиндалов, и неожиданно его праведный гнев бесследно испарился, а на лице промелькнула нервная улыбка. Облизнув губы, он сделал шаг назад.

— Нет, серьезно, пап, — не унимался его хулиганистый отпрыск, — покажи ему, где раки зимуют.

— Заткнись! — шикнул на него отец и повернулся ко мне: — Давайте обо всем забудем, о'кей? — После чего торопливо спрыгнул в зал и потащил упирающегося Ронни за собой.

Я посмотрел им вслед, и у меня перед глазами сама собой возникла его фотография анфас и в профиль, причем без роскошных пушистых усов, зато с именной табличкой и номером на груди.

Вот тогда-то до меня и дошло, почему эта физиономия сразу показалось знакомой. Однажды мне довелось участвовать в полицейской операции, закончившейся для Усатого непродолжительной отсидкой в Сан-Квентине.

Это был не кто иной, как Марки Уотерс, профессиональный карманник, всю свою сознательную жизнь стремившийся поживиться за чужой счет. Но что же, в таком случае, этот тип делал здесь, на благотворительном балу, где несчастная миссис Симмонс только что лишилась бумажника? Тут и к гадалке не ходи — занимался своим привычным ремеслом.

Наверное, мне не стоило вмешиваться. Надо было попросить одну из девушек-эльфов вызвать охранника, а самому продолжать развлекать малышню. Вместо этого я, как последний дурак, задумав повязать Марки в одиночку, молча соскочил с помоста и припустил следом за ним.

Несмотря на то, что Уотерсы ухитрились мгновенно раствориться среди гостей, я прекрасно знал, куда они направляются. К выходу из зала, куда же еще? Именно там я и намеревался их перехватить, однако воплотить это на практике оказалось совсем не просто. Поскольку мне выдали сапоги на размер меньше, они нещадно жали, заставляя меня семенить мелкими шажками, мало того — они были новыми и при малейшем движении скрипели, словно пара ржавых дверных петель. К тому же, для того, чтобы в темпе преодолеть плотную толпу собравшихся, приходилось совершать поистине головокружительные маневры, порой сопровождаемые отнюдь не самыми доброжелательными взглядами. «Клаус, где ж ты успел так набраться?» — бросил какой-то мужчина в элегантном костюме, что и впрямь могло бы показаться забавным, не будь я в таком отвратном настроении.

Наконец я засек Уотерса возле предпоследнего лотка у восточной стены: одной рукой он удерживал Ронни, а другой отбивался от толстухи в платье в

красно-зеленую диагональную полоску, делавшем ее похожей на огромную карамельку в пестрой облатке. По-видимому, Марки второпях ее толкнул, и она пролила на себя пунш, а теперь во весь голос отчитывала растяпу за неуклюжесть, не желая отпустить рукав его пиджака, пока не выскажется до конца.

В ходе этой словесной баталии я со скрипом просочился сквозь очередную, благоухавшую пивом компанию, хором подпевавшую доносившейся из динамика песне — как назло, это была «К нам приехал Санта-Клаус».

Наверное, имя «Санта-Клаус» сразу напомнило Уотерсу о моем существовании, ибо он тотчас начал озираться по сторонам. При виде меня у него на лице появилось паническое выражение, и он отчаянно рванулся, пытаясь освободиться от железной хватки толстухи, однако та вцепилась в него похлеще бульдога.

Я находился всего в десяти футах от Марки, готовясь продемонстрировать ему свою хватку, когда тот решил превратить веселую вечеринку в форменный хаос.

Отпустив запястье Ронни, он крикнул: «Беги!», а затем освободившейся рукой нанес толстухе хлесткий удар в подбородок.

Мгновенно разжав пальцы и запрокинув голову, та попятилась, быстро-быстро перебирая ногами в тщетной попытке удержать равновесие, и с разгону врезалась в занятых оживленной беседой трех мужчин, отчего рухнула на пол, увлекая их за собой. Образовалась настоящая куча-мала, отовсюду слышались тревожные возгласы, кто-то завопил, как пожарная сирена... Тем временем Марки Уотерс во всю прыть помчался навстречу свободе.

Я бросился за ним и вскоре догнал, но лишь потому, что он, оглянувшись через плечо, дабы проверить, далеко ли оторвался от погони, поскользнулся и упал. Подлетев к поверженному противнику как раз в тот момент, когда он силился подняться, я обрушил ладони ему на плечи и прорычал: «Попался, голубчик!» Тем не менее Марки не собирался сдаваться без боя — ловко лягнув меня в лодыжку, он вырвался и, вскочив на ноги, вновь задал стрекача.

Вскрикнув от боли, я упрямо захромал за беглецом, не обращая внимания на всеобщую панику, охватившую спортзал со скоростью лесного пожара. Как ни странно, это и решило исход дела — едва мы поравнялись с последним лотком, из-за прилавка прямо на нас вылетела перепуганная продавщица, и Уотерс, чтобы избежать столкновения, был вынужден притормозить.

Настигнув его у самого лотка, я уже праздновал победу, как вдруг мне в лицо с силой впечаталось нечто мягкое, теплое, пахучее и липкое. Ловкач Марки, точь-в-точь как Чарли Чаплин в комедиях времен немного кино, ослепил своего «оппонента» — только не тортом с кремом, а мясным пирогом, второпях схваченным с прилавка!

Это стало последней каплей, переполнившей чашу унижений, которую мне пришлось испить в тот вечер. Изображать Санта-Клауса само по себе было не слишком веселым занятием, а уж гоняться в тесных скрипучих сапогах за юрким карманником... Я взревел, соскребая густую подливу вместе с бакенбардами, и, совершив мощный прыжок, снова сграбастал Уотерса, стараясь заломить ему руки за спину. Вопреки моим ожиданиям, он оказался «крепким орешком», поэтому мы минуту-другую топтались на месте, словно пара бешеных медведей, исполнявших некий безумный танец, пока не сшибли лоток, который не замедлил перевернуться, осыпав нас дождем кулинарных изделий, бумажных тарелок и пластиковых вилок. Что, впрочем, не помешало мне ловко провести один простенький болевой прием, после чего Марки сразу обмяк и потерял сознание.

Едва я выпрямился, отдуваясь и вытирая обильную испарину, шумиха почти мгновенно стихла. Из динамиков вновь полилась музыка — на этот раз песня «Рудольф, олешек красноносый», и я почувствовал, что гости начинают постепенно приходить в себя. Буквально за несколько секунд до появления обвешанного аппаратурой фотографа, а следом за ним — перепуганной Кэти с парой охранников, я услышал обрывок разговора:

— Боже! — пробормотал какой-то мужчина. — Что случилось с Санта-Клаусом?

— Точно не знаю, но, по-моему, эти «спиногрызы» способны свести с ума кого угодно, — ответил его приятель.

Прибытия представителей славной полиции города Сан-Франциско я дождался в кабинете преподавателя физкультуры в обществе Марки Уотерса и одного из охранников. Окончательно смирившись с поражением, Уотерс вел себя тихо, как мышка, охранник неторопливо прохаживался возле двери, а я сидел за столом, пытаясь привести в порядок нервы, а заодно заляпанные густой подливой жалкие остатки маскарадного костюма. Переодеться мне было не во что, поскольку мои собственные куртка, джинсы и ботинки остались дома у Кэти.

На столе аккуратным рядком были разложены шикарная брошь с крупным сапфиром в окружении крошечных бриллиантов, изящный платиновый портсигар и золотая скрепка-зажим для денег с тремя хрусткими полусотенными банкнотами, извлеченные из внутреннего кармана пиджака Марки.

— Богатый улов. Одна только брошь тянет на пару тысяч, — уважительно изрек охранник.

Мы с Марки промолчали.

Хозяин золотой скрепки и трех «полтинников» заявил о пропаже незадолго до того, как мы с Уотерсом затеяли игру в «пятнашки», однако владельцы

броши и портсигара так ничего и не заметили, что в очередной раз подчеркивало высокий профессиональный уровень Карманных Дел Мастера.

Некоторое время он понуро стоял в углу, а потом вскинул голову и посмотрел на меня:

— Что с моим парнем? Хоть ему-то смыться удалось?

— Размечтался! Его взяли на выходе.

— Где он?

— В мужской раздевалке. Живой и невредимый.

— Не стоило мне брать его с собой.

— Тогда какого же черта?..

— В газетах писали, что это благотворительный бал для детей. А мы с Ронни никуда не выбирались вместе уже года два — с тех самых пор, как его мамочка сделала нам ручкой.

— Ясно, — кивнул я. — А, кроме того, ты прикинул, что с мальчишкой в качестве «прикрытия» тебе будет легче работать.

— В общем-то, да, — нехотя признал Марки. — Кто бы мог подумать, что здесь окажется частный детектив под видом Санта-Клауса?

— Я и сам весь вечер задаю себе этот вопрос.

— Такое даже представить себе невозможно, — продолжал он. — Прибегает Ронни и говорит, что некий хмырь в «прикиде» Санты обещал сделать ему кляп из подушки. Что мне оставалось делать? К тому моменту я уже отхватил приличный куш и хорошо понимал, что пора сваливать, но никак не мог допустить, чтобы какой-то козел издевался над моим сынишкой! В конце концов, отец я или нет? Хотя меня это ничуть не радует.

— Марки, а где бумажник?

— Не понял!

— Бумажник с кредитками и парой сотен!

— Чего ты мне гонишь?

— Здесь не все, что ты успел прикарманить за сегодняшний вечер. Ты ведь еще стырил бумажник у миссис Симмонс. При тебе его не оказалось, как, впрочем, и денег. Куда ты их дел?

— Не тырил я никаких бумажников! Во всяком случае, не сегодня.

— Марки...

— Клянусь! Другие побрякушки — да, на них я и погорел. Но насчет бумажника — это не ко мне.

Я сердито уставился на Уотерса, однако было похоже, что он не врет. Выходит, миссис Симмонс и впрямь его потеряла? Вспомнив злополучную погоню, устроенную мной лишь по той простой причине, что мне было известно о криминальном прошлом Марки, я почувствовал, как краснею.

И тут меня осенило!

Черт возьми! Ну, конечно! Я был прав с самого начала — миссис Симмонс не теряла бумажника, поскольку его и в самом деле украли. И я знал, кто это сделал. Правда, это открытие не вызывало у меня ни малейшего восторга.

Молча отстранив охранника, я выбежал из кабинета и, отперев дверь раздевалки, подошел к Ронни.

— Выверни карманы!

— С какой стати?

— Потому что я так хочу.

— Я не обязан вас слушаться.

— Тогда я сделаю это сам.

— Я требую адвоката!

— Таким соплякам адвокаты не положены. Не вывернешь карманы — получишь по шее.

— Только посмейте меня ударить! — злобно сверкая глазами, пригрозил он. — Папин адвокат мигом накатает на вас «телегу», и все узнают, как легавые избивают малолеток.

— Ты забыл, что я не из полиции. Даю тебе последний шанс — выверни карманы, иначе...

Сердито сопя, он подчинился.

Бумажника миссис Симмонс там, естественно, не оказалось, зато двести (точнее, двести пять) долларов были тут как тут. «Обойдусь без твоих подарков — я и сам могу их себе купить». Еще бы! Обладая такими деньгами, можно разжиться целой кучей игрушек, если, конечно, не думать о возможных последствиях.

— Ронни, куда ты дел бумажник?

— Какой еще бумажник?

— Успел куда-нибудь скинуть?

— Я вас не понимаю.

— Нет? Тогда откуда у тебя эти деньги?

— Нашел.

— В сумочке миссис Симмонс?

— Кто это?

— Тебя подговорил отец, или это твоя собственная идея?

— Я — умный! — самодовольно усмехнулся Ронни. — И когда вырасту, стану таким же, как папа.

— Скорее всего, — грустно кивнул я. — Яблоко от яблони...

Полночь мы с Кэти встретили на диване у нее в гостиной. Я сидел, откинув раскалявавшуюся от боли голову на мягкую подушку, и со стыдом вспоминал события минувшего вечера — особенно чудеса «героизма»,

проявленного мною ради того, чтобы отправить за решетку отца-одиночку и его сына всего девяти лет от роду.

О завтрашнем дне было страшно и подумать. Поскольку вместе с полицейскими в спортзал примчалось не менее дюжины репортеров и фотографов, я с содроганием представлял заголовки утренних газет, не говоря уже о шуточках, которыми меня встретит на работе Эванс. Кошмар, да и только!

Инстинктивно почувствовал мое состояние, Кэти подседа поближе и принялась легонько массировать мне виски. Вскоре боль улетучилась, однако скверное настроение осталось.

— Наверное, ты во всем винишь меня, — тихо сказала она.

— С чего ты взяла?

— Если бы я не уговорила тебя...

— Брось! Я согласился потому, что хотел тебе помочь. А в том, что случилось, сам виноват, поскольку просто недооценил Марки Уотерса. Если бы не это, ваш бал закончился бы полным триумфом, а вы бы собрали еще больше денег.

— Мы и так собрали более чем достаточно, — заверила меня Кэти. — А ты задержал вора-рецидивиста и помог вернуть ценное личное имущество четырем мирным гражданам.

— Ну да. И, вдобавок, под Новый год упек девятилетнего ребенка в каталажку.

— Исключительно благодаря его непутевому родителю.

— Знаю. Но от этого мне ничуть не легче.

Пару минут она молча сидела, о чем-то раздумывая, а затем, резко подавшись ко мне, крепко поцеловала.

От удивления я чуть не поперхнулся.

— Чем я заслужил?..

— Тем, что ты такой, как есть: жуткий зануда, ворчун, да к тому же еще и брюзга. Но это всего лишь «фасад». А в глубине души ты заботливый мужчина с нежным и добрым сердцем.

— Как настоящий Санта-Клаус.

— Точно. — Кэти посмотрела на часы. — С Рождеством! Как насчет подарка?

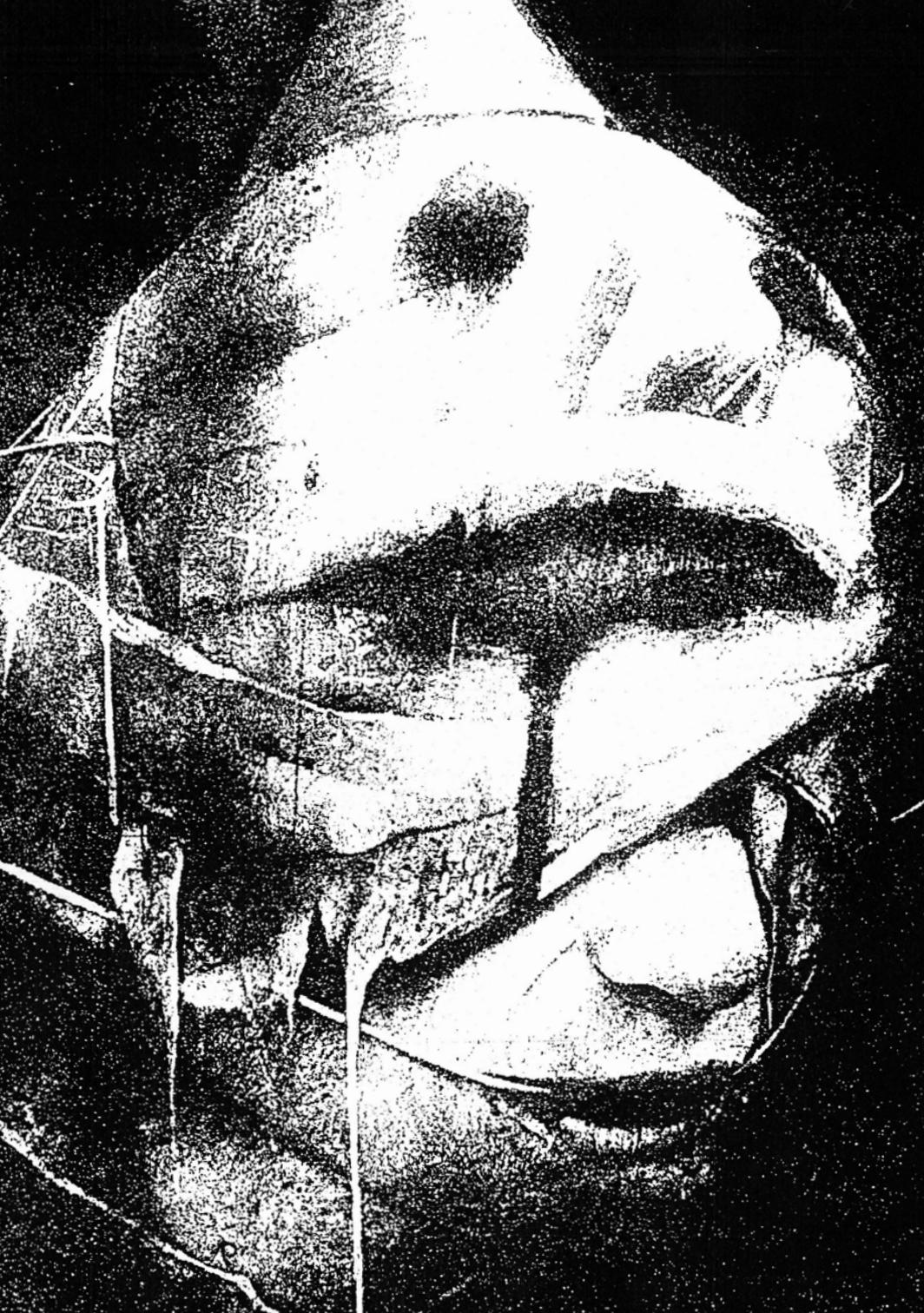
— Жду — не дождусь!

— Думаю, тебе понравится. Правда, ты получишь его... или ее... месяцев через шесть... Видишь ли, милый, я жду ребенка.

— От кого? — тупо спросил я, глядя на нее округлившимися глазами.

— Тоже мне, детектив! — задыхаясь от смеха, простионала Кэти. — Разумеется, от Санта-Клауса!

Перевод с английского Дмитрия Павленко. □

И, НАКОНЕЦ-ТО, ЩУТ!

*Посвящается моему хорошему другу
и незаменимой помощнице
Дарье Мирошниченко*

— Поторапливайся, — крикнул хозяин таверны, толстый мужик с лохматой бородкой, похожей на лопату, и отвесил хороший подзатыльник службе, который, по его мнению, не слишком расторопен.

Общая зала была забита до отказа, впрочем, как и всегда. Со всех сторон раздавались шум, гам, крики и хрюканье. А перегар такой, что его, казалось, можно пощупать. Кроме смердов, пришедших пропивать последние гроши, утаенные от жен и любовно отложенные именно на этот день, было несколько посетителей, требовавших к себе особого отношения. Такие люди обычно сидели в углу, стараясь не привлекать внимания, что, впрочем, у них редко получалось.

Один из них — отпетый преступник по кличке «Янус». За его поимку король готов отдать кругленькую сумму, да только и сам разбойник может заплатить немало славной страже, доблестным защитникам нашего города. А напороться на нож никто из горожан не желает, вот и сидит он тут со своей сворой. Даже его наряд, сшитый на заказ, но уже побывав-

ший в многочисленных драках, был оружием. Воротник рубашки — словно два ножа, готовые вонзиться в горло. Сапоги так и жаждут впиться острыми носами в чей-то мягкий живот. И еще эти глаза — бешеные, звериные, метающие яростные молнии на посетителей. Среди своих ребят Янус казался самым опасным и непредсказуемым, и не мудрено — волчья стая должна уважать вожака.

К этому столику было строго-настрого приказано носить только чистейшее вино, без капли воды, иначе...

Неподалеку от разбойничьего стола в круг купцов затесался шпик. Натренированный глаз хозяина таверны таких, как он, быстро и безошибочно вычислял по частым походам в туалет в обход всех столов и чистой, новенькой, но явно дешевой одежде. А как только разойдется народ по домам, так и полетят доносы, словно выпущенные на волю ласточки, жаль только, что крылышки не очень-то чисты. Уж этому гаду наверняка носят не вино, а, скорее, воду с каплей винного уксуса — в надежде вытравить заразу.

Вдруг в самом дальнем и темном уголке, где было немногочленно, поднял руку карлик, требуя очередную порцию вина. От него будто несло грустью и отвращением к жизни, что было крайне странно для его облика и профессии. Завидев эту руку, молодая служанка подбежала к хозяину заведением и залепетала:

— Карлик еще вина просит, какое нести?

— Разбавленное тащи.

— Так он же ведь при дворе!

— Знаю, и платит чистокровной монетой. Да только он уже в том состоянии, когда мочу от вина не отличит, не то что степень его разбавленности. Поторапливайся, давай, тебе еще полы в погребе мыть.

Раздосадованная выпавшей долей, в глубине души надеясь, что наказание пришло не за шалости и незаметные ужимки с парнями Януса, служанка побрела на кухню, чтобы налить вина, но оно оказалось не нужно. Карлик за столом явно с большим трудом положил на стол перед собой монету, а затем, покачнувшись, упал со скамьи, гулко грохнувшись на деревянный пол. Девушка прикрыла рот рукой, многие посетители лишь слегка повернули головы в направлении бедолаги, а один из завсегдатаев, привыкший к подобному, воскликнул:

— И, наконец-то, Шут!

— Опять надрался, сколько можно тебя таскать, что ни смена, то ты, — ворчал стражник, тащивший вдрызг пьяного карлика в его комнату, — тебе очень повезло, дружок, что ты маленького роста.

— Бульк... — единственное, что смог выдавить из себя Шут.

— А вот с жильем тебе повезло гораздо меньше, — буркнул стражник, остановившись у лестницы, ведущей вниз, прямоком в приоткрытую дверь небольшой коморки. — Извини, брат, дай Бог, это тебя не угробит, — сказал он, в душе надеясь на другое, сбросил с плеча бесчувственное тело и хорошим пинком отправил его вниз.

Дверь резко распахнулась от удара хозяина, кубарем свалившегося по каменным ступенькам. Мужчина наверху хмыкнул и, насвистывая себе под нос веселую мелодию, убрался восвояси.

Спустя некоторое время карлик очнулся на пороге собственной коморки, с большой головой и кучей синяков по всему телу. Приподнявшись на руках, он осмотрелся, затем, не найдя никаких следов грабежа, с трудом встал. Прикрыв за собой дверь, добрал до кровати, борясь с тошнотой и упорным желанием ног свернуться морским узлом, а по дороге обследовал карманы своей курточки. Пусты. Наверняка доставивший пьяного шута домой стражник решил взять за предоставленную услугу некоторую мзду. Живое воображение шута вмиг воспроизвело спор, чуть не переросший в драку, по поводу того, кто из посетителей сегодня понесет пьяного карлика.

Кровать жесткая — сплошная горошина, на которой никак не могла уснуть сказочная принцесса, — но шуту ведь и кипы сена хватит, чего уж тут, он и на человека-то не слишком похож, так, уменьшенная пародия. Карлик ворочался, надеясь уснуть, но синяки, отзываясь жгучей болью по всему телу, все время напоминали о себе. Поспишь тут. Полежав еще немного, карлик встал и, добравшись до деревянного стола, уселся на табурет в ожидании первых лучей солнца, чтобы поскорее заняться делом. Единственным, которому он был готов посвятить себя целиком..

Слепенькие солнечные котята, ворвавшиеся в затхлую комнатку, осветили стол, за которым карлик успел задремать. Они весело прыгали по его карикатурно маленьким ушам, по грязному одеянию, которое давным-давно пора было отдать прачкам; резвились на корешках книг, которые так усердно собирал карлик, искупались в чернильнице, тайком украденной у королевских писарей, а затем вытерлись о свитки, лежавшие неподалеку. Самые «смелые» попытались заглянуть в толстенную книгу в кожаном черном переплете, на которой лежала большая голова карлика, но не смогли ничего разглядеть под его храпящий пьяный аккомпанемент. Никто этой книги никогда не видел, кроме самого хозяина. Да и вряд ли хотел, кому нужно заглядывать в логово дурака? В нем можно всех государственных изменников спрятать, если они, конечно, сюда влезут, и никто бы даже не догадался тут искать. А зря. Много интересного нашли бы.

Карлик проснулся только к полудню. Не выспавшийся, ноги еле держали, под коленками пробежала мелкая дрожь, а глаза еле открывались,

словно в них кто-то клею налил. Зато память напрочь отшибло, и в голову пока не лезли образы всей той мрази, из-за которой приходилось день ото дня плясать, кривляться и смеяться. Когда ты последний раз смеялся сам, по своей воле? Когда ты был счастлив? Назови хотя бы один день, воспоминание о котором не хотелось бы утопить в вине. Но сколько карлик не выискивал светлые воспоминания, они так и не приходили в голову. А были ли они вообще?

Натянув красочный шутовской наряд, сшитый из разноцветных простыней, со смешным колпаком на голове и наложенным на скорую руку гримом, превращавшим его поджатые губы в улыбку, карлик отправился на королевскую кухню, надеясь хоть на какие-нибудь объедки с господского стола.

Но дойти туда так и не смог. Одному из меценатов, затесавшихся в королевском окружении, необходимо было решить свои насущные вопросы, а Его Величество сегодня был не в духе. Меценат практически впал в отчаяние, жалея, что упустит выгодную сделку и недосчитается лишней сотни монет в своем и без того тугом кошельке, но заметил в конце каменного коридора яркую фигуру шута и решил, что это «послание Божье». Поймав его за шкирку, он сильным пинком отправил его в королевскую залу, а глашатай незамедлительно оповестил всех присутствующих о начале представления:

— И, наконец-то, Шут!

Король любил своего шута. Помимо смешных выкрутасов, которые вытворял карлик, он еще мастерски высмеивал всю придворную свору, поэтому становился надежным источником информации. Жаль лишь, он не знал того, как нещадно колотили дурака слуги высмеиваемых, не видел выбитых зубов и ссадин. Не знал и того, что несчастнее веселого карлика, пляшущего перед ним, не было человека на свете. Но разве волнуют такие вопросы господ? Наивеличайшее удовольствие надобно получать, коль стал удобен им. Так считали все. Так думали все. Так было почти со всеми.

Королева, напротив, шута не любила. Этот пройдоха каким-то образом разузнал об ее тайном романе с епископом, о чем громогласно и заявил своим пьяным голосом на глазах всего люда, чем вогнал изменницу в краску. Его восклицания были восприняты как пьяный бред, но супруга короля ему этого не простила и, затаив обиду, подослала к нему ночью стражников, дав им четкий приказ, но карлик чудом сумел вывернуться. Прямо скользкий, как уж! И совсем не такой дурак, каким желает казаться. Давно пора укоротить язык этому пройдохе, да только как он тогда сможет петь и смешить ее?..

Принцесса шута недолюбливала. Он казался ей слишком назойливым, но, когда начинал плясать или петь своим смешным голосочком, она сме-

ялась от всей души. Однако невдомек ей было, что карлик пел свои песни на незнакомом ей языке совсем не шутки ради. Это были грустные, ночами писанные песни о его нелегкой судьбе. Но так как голоса у него не было, петь он не умел, а слова были непонятны придворным, все вокруг и гоготали до колик.

Однажды, прогуливаясь по парку, принцесса заметила карлика, сидящего под вековым дубом с книгой в руках. Сама она читала крайне скверно, но к книгам относилась с трепетом, поэтому приказала слугам выпороть дурака плетью, чтоб неповадно было без дела шататься, да книги таскать...

Придворный люд шута откровенно презирал и желал скорейшей его смерти. Слишком уж много тот болтал в господские уши. Если бы не милость короля, валяться бы ему в канаве с перерезанной глоткой. А так, кроме пинков, отпущенных якобы для смеху, ничего позволить себе они не могли, лишь потирали руки, да молча злились на очередную колкость шута в их адрес...

Сам шут любил короля и был искренне ему предан, но при виде всей этой черни, облаченной в золотые одежды и окружавшей господина, у него опускались руки от бессилия что-либо изменить. Поэтому оставался один выход: спускать королевские денежки на вино и, по возможности, избегать побоев, которые однажды его все-таки прикончат. И тогда один из этих «лицедеев» сумеет воскликнуть во весь голос, стоя над бездыханным телом:

— И, наконец-то, Шут!

Выступление закончилось, и гости, как вороны, разлетелись по разным углам. Король с семьей удалился в свои покои, слуги занялись делами. Торговец, что недавно затолкал шута в королевскую залу, вышел на балкон и с радостной улыбкой на лице покуривал трубку, подсчитывая про себя, сколько же золотых монет упадет в его сундук после удачно сложившейся беседы с королем. Даже его наряд, купленный в далеких восточных странах, темно-зеленым шелком искрился от удовольствия, а добротные кожаные сапоги блестели золотом. Шляпка, дорогая и глупая, гордо взгромоздилась на голове купца, оповещая всех об удачливости ее хозяина.

Окончательно уставший от беготни по залу и сумасшедших криков, карлик еле плелся. Увидев довольного мецената, он остановился и засунул руку в карман — трубка на месте, а вот табак, наверное, самый дешевый в королевстве, куда-то исчез. Кому он мог понадобиться, шут даже представить не мог, но желание покурить от этого не уменьшилось.

А меценат все потягивал свою трубку, и, якобы в задумчивости выпуская дым из носа, словно дразнил карлика. Что для этого человека могло

сравниться со звоном золота? Лесть. Эти два столпа подпирали весь королевский двор. И верно, ведь если человек осознает свои грехи, добрые слова, пусть даже сказанные далеко не от чистого сердца, для него словно глоток воды в прожженной пустыне. Когда готов довольствоваться жижей из болота, о родниковой воде забываешь.

Шут же, заметив счастливый вид купца, отчего-то решил, что во многом это его заслуга — ведь это он рассмешил короля, болеющего после вчерашнего бала. Так сможет ли важная фигура на королевской шахматной доске отблагодарить маленького карлика?

Осторожно подойдя к меценату, шут тихо, с уважением, которое так хорошо умел изображать, спросил:

— Добрый господин, а не угостите ли табачком?

Лицо торговца резко изменилось, шелк кафтана словно стал колючим, а на сапогах, казалось, вот-вот вырастут шпоры. Открыв рот, он рывкнул с такой злостью, что на лицо карлика попало несколько мелких капелек слюны:

— Пошел прочь!

Шут бросился бежать, не желая получить тумачков от мецената, но споткнулся о выступающий камень и во весь свой небольшой рост растянулся на каменном полу. Купец загоготал, но казалось, что не смех вырывается из его горла, а постоянно повторяющееся:

— И, наконец-то, Шут.

Посыльный ворон, из тех, что ревностно служат государю, случайно забрел в маленькую протухшую коморку, обитель королевского дурака. Тот сидел на высоком табурете за столом, казавшимся огромным для него. В его руках мелькало перо, как сумасшедшее, бегая по серым листам большой книги. Она была исписана уже почти наполовину, и, как казалось шуту, его работа подходила к концу. Карлик постоянно встряхивал левую руку, устававшую от письма.

На нескольких сотнях листов была собрана истина обо всех обитателях замка, начиная от приближенных к трону и заканчивая поварятами. Эту книгу карлик стал писать от обиды. От тысяч обид, обрушившихся на маленького человечка, попавшего в обитель больших людей. И эта правда, эта частичка правды, была единственным, чем он мог отомстить. Наверняка король знал обо всем, что было написано, и даже больше, ведь не мог на троне сидеть человек глупее придворного карлика. Но все же шут надеялся, что его работа, попав в нужные руки, внесет хоть каплю справедливости в жизнь королевства. А праведный суд будет уже там, наверху, где золотая монетка — далеко не ключ ко всем мировым благам.

— Может, хоть там не придется забываться и запивать вином каждый новый день, кажущийся хуже предыдущего, — услышал ворон мольбы карлика.

Осталась последняя страница. Последняя запись. Дрожащая от усталости рука карлика вывела всего две строчки на сером, словно мышинная шкурка, листе:

Королевский шут. Просто дурак.

На ступенях, ведущих к комнатке карлика, послышались шаги. По легкой, беспечной походке шут узнал стражника, которого наверняка послали за ним. Кто-то в замке жаждал очередного выступления дурака. Кованные сапоги медленно, будто в задумчивости, опускались на одну, затем на другую ступеньку...

Подавшись внезапному порыву, карлик, отодвинувшись от стола, взобрался на табурет, но все равно ему не удалось добраться до петли, свешивающейся из крюка, приделанного к потолку. Подставив пару книг под ноги, шут все же дотянулся до нее, надел петлю на шею, затем, глядя в маленькое окошечко в стене, прочел короткую молитву. Веревка на его худой шее казалась питоном, обволакивающим свою жертву. И, наверное, впервые за долгие годы службы разноцветный наряд и колпак не казались ему смешными.

— Шут в петле, как прозаично...

Ворон с криком вскочил и полетел по замку, чуть не сбив с ног стражника, испугавшегося внезапно вылетевшей из каморки птицы. Он облетел каждый закуток и уголок, разнося весть — для кого радостную, для кого грустную, и крича во все горло:

— И, наконец-то, Шут! □

СЕРПАНТИН

«Пазик» выдохнул голубоватое облако, замигал поворотными огнями и тронулся с места. Вера замахала ему вслед варежкой и припустилась за ним. Если не остановится — значит, не судьба!.. Но автобус вдруг замер, прошуршал дверью, и вот уже цветные огни за его темными окнами поплыли назад.

Несмотря на предновогоднюю ночь, почти все места в салоне были заняты. В дремотном сумраке тускло желтела пара плафонов. На переднем сиденье, прямо перед перегородкой водителя, склонилась над переносной коляской с младенцем девушка. Куда она-то собралась в ночь?!

Вера вбежала в автобус, поблагодарила водителя и села рядом с каким-то старичком, клевавшим носом. Переведя дыхание, пошарила в сумочке, достала телефон и просипела в трубку:

— Успела!... Еще не поздно остановиться и сказать, что мы с тобой просто пошутили. (Девушка с ребенком недовольно покосилась в ее сторону.) Не могу больше говорить, здесь малыш спит, до встречи!

Откинувшись на жесткую спинку сиденья, Вера закрыла глаза и представила, как где-то в ночи на предельной скорости несется сейчас красивый парень, которого она никогда не видела, и думает о ней. Они пока еще чужие друг другу, но каждая минута сокращает огромное расстояние между ними...

Подумать только, двумя часами раньше она плелась домой, оттягивая унылую перспективу прореветь все праздники в одиночестве. Улицы, сияющие веселыми яркими огнями, были почти пусты, лишь редкие прохожие пробежали мимо, спеша домой, где их ждали наряженная елка, жены, мужья, дети... А вот Веру не ждал никто — мать умерла три года назад, а из близких у нее никого больше не было. Два восемь! — а личная жизнь как выжженное поле. Кого многие годы любила, тот не любил ее, и наоборот.

Подруги, одна за другой, обзавелись семьями. Отмечать с ними праздники стало невыносимой пыткой — наблюдать, как растут чужие малыши, и понимать, что тебе уже ничего не светит...

...Теперь, трясясь в автобусе, Вера удивлялась самой себе и происшедшему повороту событий. Как-то, от нечего делать, она влезла в Интернет и познакомилась с одним парнем, называвшим себя Дэном. Банальный обмен ничего не значащими письмами неожиданно и незаметно для обоих свернул на романтические рельсы. Вера прокручивала в голове их переписку и пыталась понять, в какой момент между ними возникла эта симпатия.

— Новогодняя ночь пройдет, Элона, и волшебство момента будет упущено, — рассуждал Дэн, предлагая встретиться где-то посередине разделяющей их дистанции, а именно — в Уфе.

Под гул мотора и непрерывное дребезжание потянуло в сон. Взглянув на часы, Вера с тоской подумала об уютном диване и мягком пледе. «Я — сумасшедшая!» Зябко пожившись, она встала и шагнула к водительской перегородке.

— Не подскажите, когда мы будем в Уфе?

Водитель промолчал — не очень-то вежливо с его стороны. В рассеянном свете фар дрожала в завихрениях пурги стылая дорога. По краю скалы мелькали редкие елочки, за ними, словно глухонемые великаны, плыли невидимые глазу Уральские горы, скрытые густым мраком.

Дорога плавно пошла вправо, а фары почему-то светили прямо. Еще не до конца поняв причину этого диссонанса, Вера бросила быстрый взгляд на водителя: не выпуская из рук баранку, тот крепко спал, склонив голову назад. Ее охватил ледяной ужас, противно задрожали коленки.

Из темноты вспыхнули вдруг фары, и мимо них, шурша шинами, медленно проехал лесовоз, а водитель даже не пошевелился. Судя по тому, что он продолжал машинально вращать баранку, ему снилась дорога.

Вера толкнула сидящего рядом с ней дремавшего старичка. Тот от неожиданности даже подпрыгнул и потрянул ушами цигейковой шапки.

— Уснул!.. — кивнула она на водителя.

— Главное, нельзя его будить, пока серпантин, — зашипел старичок. — Взбрыкнет с перепуга — улетим в пропасть.

— Пожалуйста, возьмите руль! — не сводя глаз с дороги, попросила Вера. Старик боязливо откинулся на сиденье.

— Ты уж как-нибудь сама, дочка, ты ведь молодая...

— Нет! Я не могу! — закричала Вера, но вскочила с места и, подбежав к водителю, ухватилась за баранку.

— Уснул, что ли? Во дает! — загремело над ухом, и тут же повеяло перегаром.

Вера подняла взгляд на говорившего — это оказался коротко стриженный тип в красной куртке.

— Скорее держите руль, я не умею водить! — чуть ли не простонала она.

— Только не сегодня... — преспокойно заявил тип. — Двое суток не спавши — сплошные «корпоративы». Еще угроблю всех — отвечай потом!

— Вы с ума сошли, черт возьми! — вскипела Вера. — Я совсем водить не умею. Училась когда-то в автошколе, а толку...

— Вот видишь, училась же... — обрадовался парень. Держась за стойку, он вглядывался в темень. — Под гору едем, скорость бы сбросить...

— Берите руль и сбрасывайте! — огрызнулась Вера.

Стрелка спидометра поползла вниз. Вера наклонила голову и увидела, что нога шофера лежит на педали газа и, время от времени, топит ее в пол.

— Он газует! — заверещала она. — Мужчина, проснитесь!

— Не вздумай, — остановил ее парень, — реакция непредсказуема...

— А я предсказуема?! — Испытывая полное бессилие, Вера переминалась с ноги на ногу, спина начала уставать. — Тогда будите пассажиров, пусть отключат телефоны!

Навстречу автобусу пронеслась какая-то фура, выстрелила галькой по стеклу.

— Его из пушки не разбудишь, не то чтобы телефоном... — подал голос старичок.

— Делайте, что говорю! — выкрикнула Вера.

— Понял... Пошел выполнять.

В глубине салона послышались шушуканье, возня, тревожные голоса. Парень присел на корточки и тронул Веру за колено. Она мгновенно вспыхнула:

— Держитесь подальше, молодой человек! Не то отпущу руль и...

— Называй меня Максимом, так короче, — миролюбиво проговорил парень, сбрасывая с себя куртку.

Вера смутилась и тоже назвала свое имя.

— Подвинься, Вера, попробуем стащить его ногу с педали. Как только дорога пойдет прямо — держись левее и сигналь мне.

Вера отступила, насколько позволяли вытянутые руки. Поясницу нестерпимо ломило. Максим протиснулся между ее ногами и ручником и, обхватив ботинок водителя, замер. Испуганные пассажиры тихо перешептывались. Вера вдруг подумала о девушке с ребенком и почти физически ощутила страх, не за себя, за малыша.

Дорога пошла влево, при этом водитель настойчиво рулил вправо. «Чтоб тебя уволили в твоем сне!» — со злостью подумала Вера.

Вскоре дорога выровнялась. Их обогнал длинный лесовоз, и прожорливая ночь всосала эту махину в себя.

— Давай! — выпалила Вера.

Задержав дыхание, Максим осторожно приподнял тяжелый ботинок и так же осторожно опустил его рядом с другим, отполз назад и только потом выдохнул. Вслед за ним облегченно выдохнули остальные пассажиры. Вера страдальчески поморщилась:

— Все, больше не могу... спина!

Стоя на четвереньках, Максим ткнулся ей под колени.

— Сказку про серого волка читала? Садись!

— Вы с ума...

— Садись!

Она послушно села и посмотрела в окно, за которым неожиданно повалил густой крупный снег.

— О, нет! — вскочила Вера, а по сердцу царапнуло: «Сейчас разобьемся!»!

— Твою мать! — вскочил следом Максим.

Мохнатые хлопья льнули к стеклу, нагромождаясь, мякли и тяжело сползали вниз. По салону пробежал ропот.

— Остановите автобус! — пискнула какая-то девица, и на нее сразу зашикали.

Максим дотянулся до переключателя — дворники не сработали. Выругавшись, он метнулся к боковому окну, подвинул стекло и, просунув руку под зеркало, со всей силой ударил по лобовой части.

— Правее держи, — бросил он, всматриваясь в дорогу, — а теперь прямо...

Вера судорожно кивнула (о, боже, я не справлюсь!) и вся обратилась в слух. А за стеклом мело и мело. Реальность словно испарилась где-то за пределами сознания, оставались только буран и голос парня...

— Прямо! — чеканил он, раз за разом, смахивая хлопья. В редющей чехарде промелькнул дорожный знак «ограничение скорости до тридцати». — Скоро крутой поворот, — предупредил Максим. — Плавно уходим влево по «встречке», увеличиваем радиус.

Обмирая в душе, Вера стиснула руль. Впереди замаячили габариты очередного лесовоза, входившего в поворот, и вскоре автобус с ним поравнялся.

Детский крик распорол напряженную тишину.

Словно выскочив из глубины, водитель подпрыгнул с ошеломленным вздохом и крутанул руль. Автобус швырнуло к лесовозу. Раздался визг тормозов и бесконечный скрежет металла. Вера начала заваливаться и падать, падать, а сознание по крупинкам фиксировало, как лобовое стекло, покрываясь сетью трещин, отделилось от рамы и обрушилось на нее вместе с чемоданом, слетевшим с полки, когда сцепленный с лесовозом автобус потащило куда-то вбок.

Движение неожиданно оборвалось, и наступила гробовая тишина. Затем послышалась возня пассажиров и стеклянный хруст под ногами. Снаружи разразилась отборная брань, а в ответ слышалось растерянное бормотанье.

Чувствуя, как по телу пробирается холод, Вера пошевелилась. В плечо ударила боль. Перед ней присел Максим, зажимая на лбу рану, сквозь покрасневшие от мороза пальцы сочилась кровь.

— С Новым годом, Вера!

— Мы умерли? — прошептала она, выбивая зубами дробь.

— Помучаемся еще... А чего ты так разлеглась?

— Не могу встать...

— Это у нее нервное, — предположила полная дама в пуховом платке. — Чем тебе помочь, девочка? — суежилась она, когда подъехала «скорая». — Родители, муж у тебя есть? Давай, позвоню...

— Все есть... Я сама... — еле слышно лепетала Вера, а глаза ее были прикованы к бинтовой повязке на голове Максима.

В синеющем сумраке тихо кружили снежинки, и так же тихо болела душа...

— Выздоровливай! — отчужденно бросил Максим и пристроился к веренице пассажиров, исчезающей в подъехавшем «Икарусе».

Вера растерянно кивнула, не отдавая себе отчета в том, что ей безумно чего-то жаль...

Четвертый день больничного однообразия. Обитательницы восьмиместной палаты наперебой обсуждали диагнозы, сначала свои, потом чужие. Вера делала вид, что спит. Все это время она крепилась, а сегодня вдруг совсем расклеилась. Из возможных неприятностей в новогоднюю ночь на нее свалились, кажется, все: «под занавес», в приемном покое выкрали из сумочки мобильный телефон. Бог знает, что теперь о ней думает Дэн. Мало того, что не приехала на встречу, так еще и по телефону ничего не может объяснить. А с другой стороны — наверное, все к лучшему...

Тумбочки соседок ломились от гостинцев, только тумбочка Веры была пуста — на ней лежало единственное яблоко, большое, краснобокое, — подарок девушки с ребенком. Вера его не трогала — пусть думают, что она тоже кому-то нужна.

Вздохнув, она поднялась с кровати и, придерживая фиксирующую повязку, выскользнула в коридор. Напротив процедурного кабинета гудела привычная очередь. Темноволосый крепыш со сложным

переломом ноги убрал костыль, освобождая для нее место.

— Если не секрет, барышня, при каких обстоятельствах можно «угробить» ключицу?

— При романтических, — подумав, ответила Вера.

Очередь развеселилась, пошли анекдоты на тему «пришел муж с работы». В конце коридора вдруг стукнула дверь, и появившаяся медсестра, заметив Веру, энергично махнула рукой:

— Ледова, к тебе пришли!..

Мир начал вспухать и расползаться, навалилась непонятная усталость. Это какая-то ошибка... Никто не знал, где она, и никто не мог прийти к ней...

Вера поднялась и медленно пошла по коридору. Навстречу шаркали больные, сновали медсестры, а коридор все не кончался. Кто-то распахнул перед ней дверь: в многолюдном помещении гудел улей. Среди безликих пятен глаза выловили белые хризантемы на фоне красной куртки. Максим!.. Он улыбался и что-то говорил ей. Мир медленно возвращался...

P.S.

Привет, Элона! С большим опозданием хочу объясниться. Ты не поверишь, но я был в Уфе. Пока ждал твоего автобуса, решил зайти в клуб, чтобы как-то убить время, но на ступеньках свалился и сломал ногу. Такая боль!.. Пришлось неделю торчать в областной «трамве», в палате № 6, делить костыли с одним выпивохой. Все это время я названивал тебе, но телефон твой молчал. Потом за мной приехали родители, и «дурдом» закончился.

Привет, Дэн! Долго рассказывать... Похоже, мы с тобой провели Новый год в одной больнице, в одном отделении, в соседних палатах... Но — нет худа без добра: благодаря тебе в моей жизни произошли счастливые перемены, и не только в моей... □

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

и строгий, и бесшабашный

Так уж исторически сложилось, что этого дня каждый год ждут с нетерпением и студенты, и профессора, и просто Татьяны-именинницы. Утро в университете на Моховой в этот день начинается в храме святой Татьяны. Студенты и преподаватели со свечками в руках молятся своей покровительнице святой Татиане. Несколько лет назад этот храм отреставрировали, и он всегда полон прихожан.

Московский университет, возможно, — самая главная гордость России. Здесь рождаются яркие таланты, новые идеи во благо России, выпускники МГУ становятся лауреатами самых престижных премий, и здесь делают великие открытия.

...А как все начиналось? На подпись императрице Елизавете Петровне в 1755 году граф Иван Шувалов подал указ об учреждении Московского университета. Злые языки поговаривали, что он неспроста выбрал эту дату — в честь имени своей матери Татьяны Родионовны Шуваловой. Тем не менее, 12 января 1755 года Елизавета Петровна подписала указ «Об учреждении Московского университета». Этот день (25 января

по новому стилю) стал называться «днем основания Московского университета». С тех пор святая Татиана считается покровительницей студентов. Кстати, само имя «Татиана» в переводе с греческого означает «устроительница».

В 60–70 годах XIX века Татьянин день превратился в неофициальный студенческий праздник. К тому же, с него начинались студенческие каникулы, и именно это событие студенче-

ская братия отмечала весьма бурно и весело. Празднование «студенческого дня» имело свои особые традиции и ритуал — устраивались торжественные акты с раздачей наград и речами.

Уже позже Николай I издал указ — праздновать не день открытия университета, а подписание акта о его учреждении. Монаршей волей Татьянин день был объявлен Днем студента. Праздник прижился, и еще как!

Изначально он отмечался только в Москве, и — очень пышно. По воспоминаниям очевидцев, ежегодное празднование Татьянинного дня было для Москвы настоящим событием. Оно состояло из двух частей: непродолжительной, официальной, церемонии в здании университета и шумного народного гулянья, в котором принимала участие вся столица.

«Никогда не были так шумны московские улицы, как в этот день, — вспоминал Владимир Гиляровский, большой знаток столицы, ее обычаев и традиций. — Толпы студентов до поздней ночи ходили с песнями, ездили втроем или вчетвером, обнявшись, на одном извозчике и горланили...»

Это действительно был самый беззаботно-шумный и гулящий день. Полиции давалось указание студентов не трогать и даже, по возможности, помогать добраться домой. До поздней ночи то здесь, то там горланили во весь голос «Дубинушку», тогда это была самая популярная песня. Студенты толпами двигались от Большой Никитской к Тверской, к своим любимым пивным. Лихо «при-

няв на грудь», вваливались в роскошный, с зеркалами и статуями, вестибюль Эрмитажа.

Еще с семидесятых годов хозяин Эрмитажа француз Оливье отдавал студентам на этот день свой ресторан для гуляний. Предварительно, конечно, проделывал определенную работу. Дорогая шелковая мебель и ковры исчезали, пол засыпали опилками, вносились простые столы, лавки, табуретки. В буфете и кухне оставались только холодные кушанья, водка, пиво и дешевое вино. По словам Гиляровского, «это был народный праздник в буржуазном дворце обжорства». В зале стоял дым коромыслом. В эту ночь можно было все. Профессоров поднимали на стол и качали. В экстазе не замечали, что у кого-то порвался сюртук или разбились очки. Утром извозчики развозили еле живых студентов по домам, отсыпаться. Впечатлений хватало на весь год.

Несмотря на то, что история праздника своими корнями уходит в далекое прошлое, традиции сохранились и по сей день. Студенческая братия как устраивала широкие гуляния более ста лет назад, так и в XXI веке предпочитает отмечать свой праздник шумно и весело. А что изменилось? Попробуйте покорпеть над конспектами или ночь просидеть за компьютером, чтобы подготовиться к зачету... Хочется же иметь отдушину хотя бы раз в год... И сегодня, следуя традиции, представители доблестной полиции в этот день закрывают глаза на выходки подвыпившей молодежи, а иногда и спра-

Университет
в 1820 году

«Новое» здание
Московского
университета,
1912 год.

шивают, не требуется ли помощь. Все ведь когда-то были студентами или хотя бы абитуриентами. Правда, надо сказать, что особых-то нарушений и не бывает. Побросаться снежками, поваляться в сугробах (когда выпадает снежная зима, что, к сожалению, бывает все реже и реже) — это, пожалуйста. Единственное «безумство», которое в свое время запомнилось московским милиционерам, — несколько студентов проникли в зоопарк и пытались напоить медведей пивом. Но их вовремя, к неудовольствию мишек, нейтрализовали...

Даже если Татьянин день уже позади — студенты не горюют. Известна истина: студент никогда не упустит шанс отдохнуть от учебного процесса. Согласно народной мудрости, от бесконечного торжества его может отвлечь только сессия...

А что же Татьяны? Неужели они забыты? Студенческие гуляния затмили их день? На самом деле, многие Татьяны принимают поздравления в день своих именин. Это и Татьяна Доронина, и Татьяна Догилева, и Татьяна Буланова, и Татьяна Веденеева... Их действительно очень много, прекрасных Татьян в России! Харизматичных, успешных, деловых, порой слабых и беззащитных...

Но вспомним самую известную Татьяну — пушкинскую Татьяну Ларину. Она навсегда осталась идеалом самой нежной, преданной, лиричной и по-своему смелой героиней в русской поэзии. А разве многим современным Татьянам не хотелось бы приблизиться к этому общепризнанному идеалу? Разве всем нам не хочется, чтобы великая поэзия стала частью нашей жизни?.. □

ЕЁ

Анна и Сергей
Литвиновы

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Ж у р н а л ь н ы й в а р и а н т

Наши дни.

Москва.

Таня Садовникова

В десять утра Татьяну разбудил звонок в дверь.

Она попыталась укрыться под подушкой — но трезвонили назойливо, требовательно, потом еще и стучать начали.

Садовникова накинула халат, прошлепала в коридор, рявкнула:

— Кто?

— Таня, немедленно открой!

Бог ты мой: мама! Что ей надо в такую рань?

Таня распахнула дверь и напустилась на родительницу:

— Мам, я вообще-то сплю! Что за манера... — Она вдруг осеклась при виде невероятно счастливого выражения на лице Юлии Николаевны.

ЕЕ последняя любовь...

А мама триумфально провозгласила:

— Таня! Ты сейчас упадешь. Представляешь — мне выделили квоту!

— На что?

— На лечение! За границей!

— Господи, кто выделил?

— Позволь мне пройти, — царственно произнесла Юлия Николаевна, прошагала на кухню, устроилась за столом и велела:

— Чайник включи.

Таня, ухмыляясь, включила и села напротив матери.

— Ну, колись!

И Юлия Николаевна начала:

— Мне позвонили из поликлиники и спрашивают: у вас гастрит имеется? Я растерялась, да, говорю, но зачем вам? А они объясняют: мне путевка выделена! Оказывается, тем, кто на учете по желудочно-кишечным заболеваниям, раз в три года положена социальная путевка. Не только в Кисловодск, Ессентуки — еще в Венгрию, Чехию, даже в Баден-Баден! Но их, конечно, мало, распределяют — исключительно по своим. А я так уже запугала чиновничью братию, что решили все-таки отправить меня на лечение, с глаз долой!

— Куда, в Кисловодск?

— Нет, — гордо ответила мама, — я же сказала тебе: за границу. В Карловы Вары.

— Да ладно!

— Клянусь! Уже все документы передали!

— Покажи!

Юлия Николаевна продемонстрировала дочери пластиковую папку. Все чин-чином: анкета на получение визы, электронный билет до Праги, ваучер на двухнедельное проживание — в какой-то гостинице «Village».

— Не помню, где там такая, — наморщила лоб Татьяна. — Я, правда, в Карловых Варах давно была...

— Я посмотрела уже — Интернетом, слава богу, пользоваться умею, — похвасталась маман. —

От центра недалеко — двадцать минут на машине. Но до автобусной остановки — две минуты пешком.

Таня хмыкнула, потянулась за ваучером:

— Подожди, а звездочек сколько?

— Нисколько, — вздохнула Юлия Николаевна. — Это даже не гостиница, какой-то пансион. Но, с виду, чистенько. — И добавила, почему-то обиженно: — Что ж, мне «люкс», что ли, за бесплатно должны дать? Путевка-то социальная...

— Кошмар! — только и смогла сказать Татьяна.

— Таня, от государства нашего — хоть шерсти клок! — назидательно произнесла маман.

— Мамуль, я, правда, в Варах особенно не лечилась... но там, по-моему, воду целебную надо три раза в день пить. Все источники, естественно, в центре города. Ты что, каждый раз будешь из гостиницы на автобусе ездить?

— Ну... буду утром приезжать. Гулять по городу. А вечером — обратно.

— А процедуры? Ванны всякие, массажи?.. Тоже в городе? После них, между прочим, надо обязательно отдыхать. В постели, минимум, полчаса.

— А, обойдусь! Главное — вода!..

— Нет уж, мам,— брезгливо отбросила ваучер Таня. — В эту дыру я тебя не отпускаю!

— Таня, дареному коню в зубы не смотрят.

— Если хочешь лечиться — поезжай... допустим, в «Дом Павлова» (Таня вспомнила название гостиницы, куда возил ее Вернер — об этом в романе А. и С. Литвиновых «Отпуск на тот свет»). За путевку я, разумеется, заплачу.

— Не возьму я у тебя ничего. Тем более, ты сама сейчас без работы, — мгновенно откликнулась Юлия Николаевна.

Садовникова вздохнула — она уже досконально изучила мамин характер и знала — одалживаться та, действительно, не любит, даже у родной дочке.

Но отпускать ее в пансион под названием «Деревня»?..

Она сама даже не поняла, как с языка сорвалось:

— А давай, в Карловы Вары вместе поедем!

— Ты... ты... — Мамины губы задрожали. — Ты шутишь?

Последний раз они отдыхали вместе, когда Татьяна закончила восьмой класс. И почти все время ругались. У Тани появился поклонник — мальчик из числа отдыхающих, и Юлия Николаевна постоянно ее пеняла: что возвращается дочь поздно, а однажды — о, ужас! — от нее попахивало пивом.

— Почему же шучу? Я пока не работаю, деньги, к счастью, есть. Желудком, правда, не страдаю — но на водах можно нервы подправить. Мне не помешает.

ЕЕ последняя любовь...

— Ты... ты, правда, хочешь поехать в Карловы Вары со мной? — недоверчиво спросила мама.

— Ну, да! Да! — Таня уже начинала жалеть о своем порыве. — Естественно, с тобой. Только не в пансион «Village», конечно. Я подберу нормальный отель.

— Что ж, путевка, получается, пропадет?..

— Билет твой используем. А ваучер на гостиницу отдай какой-нибудь бабке. Из очереди на гастроскопию.

— А как она будет дорогу оплачивать?!

— Господи, мамочка! Ну, отдай ваучер вместе с билетом! Я другие куплю! Да, действительно, лучше полетим бизнес-классом!.. И не до Праги — от туда ехать еще сто километров, прямо до Карловых Вар.

Таня увидела, как по маминой щеке покатились слезинки. Вечно напряженное, даже, можно сказать, суровое лицо смягчилось. Юлия Николаевна обняла дочку и чмокнула ее в щеку:

— Танюшка! Хороший ты у меня человек! Не пожалеешь! Вместе гулять будем, болтать — как болтали, когда ты маленькая была!

«Ох, не умереть бы мне в этих Варах с тоски!» — безнадежно подумала Татьяна.

Но отступить уже было поздно.

Отчим позвонил ей тем же вечером.

— Танюшка, ты не заболела? — В его голосе звучала неприкрытая тревога.

— Да нет, Валерочка, с чего ты взял? — усмехнулась Татьяна.

— Вдруг едешь на воды. Да еще с мамой.

— Ну... Надо же хоть когда-нибудь выполнять дочерний долг!

Успокоила Валерочку, положила трубку и грустно вздохнула, коря себя за порыв вывезти родительницу на отдых. Но не отступать же теперь! Тем более, мама немедленно взялась готовиться к поездке. В тот же день доложила дочери, что купила

специальный дорожный чайничек — чтобы прямо в номере можно было перекусить, а также сообщила Тане, что записала ее в пресловутую районную поликлинику, на прием к гастроэнтерологу.

— Зачем?! — ужаснулась дочь.

— А как же! Мы ведь в санаторий едем. Обязательно выписка из истории болезни нужна.

— Ну, лично я лечиться там не собираюсь, — буркнула Татьяна. — И болезней у меня никаких нет.

— Гастрит у тебя, наверняка, имеется. Столько лет одной сырокопченой колбасой да корейской морковкой питаешься!

«Ох, совсем она меня за две недели изничтожит!» — с тоской подумала Татьяна.

Хорошо хоть, два одноместных номера заказала. Мама, правда, попыталась протестовать: «Зачем? Лишние расходы!», однако, дочь была неумолима:

— Во-первых, я храплю. А, во-вторых... вдруг у тебя на курорте начнется личная жизнь?

— Ох, не надо, — как-то слишком уж поспешно откликнулась Юлия Николаевна.

— Да, ладно, мам, какие твои годы?

— Нет, Танечка. Давай, лучше мы твою личную жизнь устраивать будем, — вздохнула мама.

...Когда все приготовления оказались позади, и самолет оторвался от земли, Юлия Николаевна, словно между делом, поинтересовалась:

— Танюша, а какой ты нам отель все-таки заказала?

— «Империал».

— Да ты что!

— Слышала о нем? Там Ротшильд останавливался, Штраус, Мэри Пикфорд, — небрежно перечислила Таня.

— Значит, я была в хорошей компании, — покраснела Юлия Николаевна.

— Что значит — была? — в изумлении уставилась на маму Таня.

— Я тоже когда-то жила в Карловых Варах в гостинице «Империал».

— Ты что, там уже бывала? — недоверчиво переспросила Татьяна.

— Представь себе.

— Когда?

— Очень давно. Тебе только год исполнился. Туристическая поездка, от моего КБ.

— Ну, ты даешь! Я-то тебя удивить хотела. Думала: ты за границу вообще впервые едешь, — с некоторой даже обидой произнесла дочь.

ЕЕ последняя любовь...

— Танечка, поверь: ты меня очень удивила. И очень обрадовала. — Глаза Юлии Николаевны подернулись мечтательной поволокой. — Боже, бывает же такое, могла ли я подумать, что когда-нибудь моя дочь вырастет, превратится в красавицу и повезет меня лечиться за границу — да еще в тот же самый, шикарный отель?! У меня с этим местом такие воспоминания связаны!..

— Ты там впервые увидела маленькие бутылочки с шампунями? — насмешливо поинтересовалась Садовникова.

— Я там совсем другую жизнь увидела, — задумчиво и почему-то печально откликнулась Юлия Николаевна.

Давно.

Карловы Вары.

Юля Садовникова

Юля даже подумать не могла, что за граница ее настолько ошеломит. Ехала в Европу — на радость руководителю группы — убежденным скептиком. «Чехи, карманное государство, чем они могут удивить?»

В итоге, именно ее «зацепило» больше всех. Роскошь старинного отеля — он располагался на холме, словно парил над городом, черепичные крыши городка, чистенькие улицы, неведомые доселе яства — кнедлики, крокеты, сочащаяся соком баранья вырезка, наполнявшие сердце восторгом. А чего стоило пиво, ледяное чешское пиво в запотевших бутылках, что подавали на обед и ужин совершенно бесплатно?

«Кормят так себе. И размещение среднее», — ворчали более опытные члены группы. Но Юля — ей было двадцать пять, и она впервые в жизни вырвалась за границу — радовалась, словно

дитя. Будто узник, приговоренный к смерти и внезапно получивший свободу.

Еще свою роль сыграло, что только из декрета. Целый год безвылазно просидела дома с грудной дочкой, Танюшкой. Ребенок капризный, болезненный — к тому же, никто особо не помогал. Мужа не имелось, бабушка работала, жила в другом городе. А чтоб няню взять — даже мысли не было. Во-первых, дорого, а главное — не принято. Раз сама сидишь в декрете, — с какой стати?

Карловы Вары оказались необычным городком. Тут все, как сообщила экскурсовод, подчинялось лечению. В центре каждый второй пешеход обязательно нес с собой кружечку для воды. Минералка, правда, Юле не понравилась. Кислая, железом пахнет.

К счастью, их группе на посещение источников и лечебные процедуры отвели минимальное количество времени. Во главе угла, как было положено в те времена, — программа визита. Встреча с трудящимися стекольного завода «Мозер», посещение дома, где в конце девятнадцатого века проживал Карл Маркс...

— А если сбежать? — спросила Юля у соседки по комнате.

— Не думай даже: со свету сживут, — вздохнула та.

Однако высшие силы Юлечке помогли.

После первого же ледяного пива у нее жутко разболелось горло, пропал голос, поднялась температура. Руководительница группы сначала обвинила ее в симулянтстве, но потом все же пощупала лоб и потащила к врачу. Тот поставил диагноз: ангина, но постельного режима не назначил, наоборот, велел обязательно три раза ходить в недавно отстроенную галерею Гагарина. Там, под крышей, уверял доктор, бьет некий совершенно уникальный горячий источник, способный исцелить боль в горле почти мгновенно.

— А, ерунда! Лучше отлежусь, — отмахнулась от сомнительного совета Юлечка.

Соседка по номеру, пожилая дама, пожала плечами:

— Странная ты. У тебя появился шанс одной по городу погулять, а ты в постели валяться собираешься.

Группу их сразу после завтрака грузили в автобус, пересчитывали — и, под бдительным призором руководительницы, экскурсовода и непонятого человека, которого все считали куратором из КГБ, увозили на мероприятие.

Юля же оказалась предоставлена самой себе.

Выйдя из гостиницы, она медленно прошла через отельный парк к канатной дороге, спустилась в город, к источнику, честно выпила воду — мелкими глотками, чтоб не стошнило, и побрела по чистенькому городку, куда глаза глядят...

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Горло, на удивление, прошло под вечер первого же дня, однако Юля, «вкусив самостоятельно», за ужином продолжала хрипеть и покашливать. И руководительница милостиво дала санкцию: завтра продолжить лечебные процедуры.

Снова канатная дорога, обжигающе горячая вода из источника, неспешная прогулка по городу... И, сколько ни давала себе зарок — никаких магазинов! — все же забрела в один, причем, антикварный.

Увидела в ослепительно чистой витрине черную бархатную подушечку, а на ней — ожерелье. Да какое! Настоящее произведение искусства! По центру: огромный изумруд, далее — крошечные золотые подвески в виде сердечек. Изящно, скромно, но, в то же время, эффектно, богато, стильно!

Попыталась отвернуться — но рука уже тянулась к входной двери.

Звякнул колокольчик. Продавец, импозантный джентльмен в черном костюме, снисходительно оглядел ее скудный наряд, сухо кивнул. А она указала пальцем на ожерелье и выпалила по-русски:

— Сколько стоит?

— Семнадцать тысяч крон, — ответил так же по-русски продавец, причем почти без акцента.

Юля мгновенно сникла — абсолютно нереальная сумма, и грустно проговорила:

— Спасибо.

Прежде, чем покинуть магазин, она еще раз взглянула на божественной красоты ожерелье. Не удержалась — протянула руку, коснулась исходящего зелеными искрами камня: он показался ей теплым, нежным, будто ласкал ее пальцы...

А продавец, не сводивший с нее презрительно-го взгляда, вдруг отчетливо произнес:

— Не трогай его! Своими грязными лапами!

— Что? — отступив в сторону, растерянно прошептала Юля.

— Ненавижу! — Лицо мужчины исказилось болезненной гримасой. — Негодяи! Оккупанты!

— Я... я вам ничего плохого не сделала.

Тут «магазинный фанатик» совсем взбеленился. Выскочил из-за прилавка, грубо схватил ее за плечо и, сбиваясь с русского на чешский, разразился гневным монологом, смысл которого заключался в том, что все беды, разумеется, начались с пражской весны и советских танков, и что он лишился своего какого-то бетонного замка, виноваты, конечно, русские.

А она стояла, будто под гипнозом. Шевельнуться не могла, смотрела то на злобного продавца, то на ожерелье и чувствовала, как в груди поднимается бессильный гнев...

Вдруг молодой, хорошо одетый мужчина, проходивший мимо магазинчика, перехватил ее отчаянный взгляд и резко остановился. «Помогите!» — одними губами шепнула Юлия. Он словно услышал ее и решительно распахнул дверь в лавку. Юлия внимательно взглянула на него — и едва не зажмурилась: настолько мужчина походил на ее идеал. Умное, породистое лицо. Худощавый. В очках. Костюм — безупречный, рубашка — свежая. С виду интеллигент — но сила в нем чувствовалась. По крайней мере, мерзкий продавец тут же оборвал свой спич, отпустил Юлино плечо и учтиво что-то сказал по-чешски.

Мужчина ответил — коротко, решительно, резко. Злобный антиквар поник и начал бормотать — виновато, покаянно.

Юля же, наконец, избавилась от своего оцепенения. Благодарить избавителя не стала — бросилась из ювелирной лавки прочь, спотыкаясь по неудобным булыжникам мостовой. Вдруг за ее спиной раздался мужской голос — причем на безупречном русском:

— Подождите! Не убегайте!

Юля резко остановилась, обернулась — он. Тот самый, ее спаситель.

Надо было поблагодарить его, но вместо этого она неожиданно разрыдалась. Практически — на плече у абсолютно незнакомого иностранца!

И вот они уже сидят за столиком, перед Юлией — кружка со сваржене вино (горячее красное вино), а новый знакомый успокаивающе гладит ее по руке... И ощущение: будто знакомы они всю жизнь.

Хлюпнув носом, Юля жалобно произнесла:

— Чего он привязался ко мне?

— Из-за «Термала», — усмехнулся красавец. — У папаши Гануша большая мозоль, тут все знают.

— Папаша Гануш?

— Ну, продавец. Из ювелирного магазина.

— А что за «Термал»?

ЕЕ последняя любовь...

— Гостиницу у нас строят. По проекту вашего — советского — архитектора. Под стройплощадку много домов снесли, школу. Гануша в Драговицы переселили. Это... ну... — он на секунду задумался, потом перевел: — Вроде микрорайона нового, с панельными многоэтажками. А раньше он в старинном особняке жил.

— Я-то здесь каким боком?! — никак не могла успокоиться Юлия.

— Я Ганушу так и сказал! Да забудь ты о нем. Давай лучше знакомиться. Меня Мирослав зовут. Или, по-русски, Слава.

— Юля, — представилась она. И зачем-то добавила: — Для друзей — Джулия.

— Джулия — и Мирослав, — задумчиво произнес молодой человек и загадочно улыбнулся: — Неплохо звучит!

Юля отодвинула подальше кружку с дурманящим красным вином и учтиво поинтересовалась:

— Расскажите о себе, Мирослав. Вы работаете, учитесь?

Он не ответил. Накрыл ее ладонь своей рукой и прошептал:

— Глаза у тебя — как... пруды? Нет, прости. Я уже забываю русские слова. Как озера. Глубокие. Бездонные. Только грустные очень. Из-за этого идиота Гануша расстроилась, да?

— Ну... наверное, — пробормотала она. Хотя про злущего продавца давно уже забыла.

Потом они весь вечер гуляли по улицам этого уютного городка, и Мирослав рассказывал о себе. Оказывается, хотя с виду он и напоминал студента-старшекурсника, институт закончил семь лет назад. Сейчас — практикующий врач.

— Я, правда, бакалавра за два года получил вместо четырех, — небрежно уточнил Мирослав. — С ординатурой тоже быстро расправился, диссертацию защитил год назад. Мама теперь мечтает, что профессором буду. Самым молодым в Чехословакии.

— А кто у тебя мама? — заинтересовалась Юлия.

— Тоже врач. Здесь, в Карловых Варах, в институте бальнеологии, кафедрой заведует.

— Слушай, а по национальности ты кто? Чех? Словак?

— Да разве я похож на чеха? — рассмеялся Мирослав. — Русский лапоть, с примесью украинской и белорусской кровей. Родовая фамилия у нас была — Красавины. Потом, мы ее, правда, урезали и стали Крассами.

— А как здесь оказался?

— Случайно. Как все в жизни бывает. Бабушка с дедом — по маминной линии — от революции в Париж сбежали. Устроились нормально, квартира, работа, но как-то не особо прижились. А в сороковом, еще до войны, у деда язва желудка открылась, и один французский профессор ему сказал: «Или сюда, на воды, — или помрешь». Ну, бабка с дедом и перебрались в Карловы Вары. Сначала жили тут по необходимости, чтоб деда вылечить, а потом просто привыкли, полюбили этот городок, и дочку свою — мою маму — врачом сделали, заставили специализироваться по бальнеологии.

— Ты, наверное, тоже в духе семейной традиции? Бальнеолог? — предположила Юлия.

— Ну, что ты! — чуть презрительно хмыкнул он. — Курортология, водичка — забавы для девушек. А я — хирург.

— Здорово! — вырвалось у Юли. — Просто позавидовать можно. Живешь в красивой стране, работа — интересная.

Не то, что она: с дипломом по инженерной (и, честно говоря, совсем нелюбимой специальности), да еще с ребенком на руках.

— А ты замуж за меня выходи! — неожиданно выпалил Мирослав.

Она недоуменно уставилась на него:

— Мирослав, ты что? Мы ведь едва знакомы...

— Да, я понимаю. Ты — девушка, вам всем обязательно нужно ухаживания... Только у нас с тобой на него времени нет. А отпускать тебя я не хочу...

Наши дни.

Карловы Вары

— Да, мамулечка, — с уважением произнесла Садовникова. Они уже устроились в гостинице, но Таня все не отставала от матери, заинтересовавшись ее прошлым, о котором она, оказывается, мало что знала. — Ты еще той свистушкой была!

ЕЕ последняя любовь...

— Дочка, выбирай выражения, — нахмурилась маман, но лицо ее тут же разгладилось. — Хотя, наверное, ты права. Как иначе меня называть? Едва увидела человека — сразу потеряла голову. Но именно о таком мужчине — решительном, состоявшемся, элегантном — я мечтала всю свою жизнь. К тому же, я целый год безвылазно просидела дома. С грудным ребенком на руках. А отец твой — ну, ты сама знаешь, — сделал все для того, чтоб я разочаровалась в мужчинах.

— А что дальше-то было? Вы с Мирославом гуляли, целовались, объяснялись друг другу в любви? А ночью? Поехали к нему?

— Ну, что ты, Танечка, — вздохнула Юлия Николаевна. — Разве я могла?

— А что такого?

— Я, может, согласилась бы, — смущенно призналась мама. — Но не забывай, что за времена тогда были. Все передвижения за границей — только с группой, под строгим контролем. В девять вечера нужно было — как штык! — в гостиницу возвращаться.

— Фи! — сморщила нос Татьяна.

— Но на следующее утро — уже в десять! — мы встретились. Мне казалось, что на следующий день наваждение спадет, я разочаруюсь в нем, но едва увидела, как Мирослав идет мне навстречу с букетом в руках, лицо сияет — сразу на душе все расцвело...

— Так что же случилось? Почему вы не поженились, почему мы с тобой не живем в очаровательном домике где-нибудь тут, у подножия гор?

— Ох, Таня... Все эти годы я считала, что Мирослав оказался просто трусом. Как и все они, мужики. А теперь поняла — что-то случилось с ним. А я — нет бы, на помощь броситься! — даже не выяснила, что.

Давно.

Карловы Вары

— Красиво тут. Сколько живу, столько восхищаюсь, — задумчиво произнес Мирослав.

Они с Юлей медленно поднимались в гору. Лес на склонах гор буйствовал изобилием осенних красок, в воздухе дрожали паутинки.

— Сейчас к «Русалкиной хатке» выйдем.

— Что это?

— Беседка. В ней, говорят, если желание загадать, обязательно исполнится. Причем очень быстро.

— В каждом городе таких мест по пять штук, — улыбнулась девушка. — Особенно в курортном.

— Но только здесь желания, действительно, сбываются. Проверено.

— Какое же у тебя желание? — лукаво спросила она.

— Признаваться нельзя. Сама догадайся!

— Думаю, ты хочешь стать директором вашего, как он... института бальнеологии!

— Ох, Юля! Ты — прелесть. Но не угадала. Мое желание с тобой связано. Только с тобой.

— Тогда точно не исполнится, — с грустью в голосе произнесла Юля. — Я думала над твоим предложением... Заманчиво, но... слишком все сложно...

— Да почему же? Я все узнал. Получу разрешение на выезд из Чехословакии, советскую визу и приеду к тебе в Москву. Подадим заявление, у вас есть специальный загс, где регистрируют браки иностранцев. Поженимся, приедем сюда, ты подашь на гражданство. Все, конечно, сложно, но решаемо. А чтобы ты не передумала... — Он замедлил шаг и вынул из внутреннего кармана бархатную коробочку: — Вот, держи.

И Юля увидела то самое изумрудное ожерелье из магазина Гануша.

— Мирослав! Ты с ума сошел!.. — изумленно прошептала она.

— На помолвку, правда, полагается дарить кольцо, но тебе, вроде, понравилась именно эта вещица!

— Оно же бешеных денег стоит!

— Юлечка, Юля! — Крепко обняв, Мирослав закружил ее в объятиях. — Да я тебе весь мир готов отдать! Все, что угодно, для тебя сделать!.. Никогда прежде не верил в сентиментальную болтовню про любовь навеки, про две половинки. А сейчас понял: еще как бывает!

ЕЕ последняя любовь...

Держась за руки, они поднялись до «Русалкиной хатки». Мирослав достал перочинный нож и вырезал, высоко под потолком, их имена латиницей: Julia&Miroslav.

— «Здесь был Вася», — хмыкнула Юля. — Мне, честно говоря, не нравится, когда вот так... территорию метят.

— Мне тоже, — легко согласился молодой человек. И серьезно добавил: — Но только у нас с тобой — случай особый. Мы сейчас семейную историю начали формировать!

— Это как?

— Вот вырастут наши дети, приведем их сюда — и покажем, где у мамы с папой любовь начиналась.

— Дети?

— Ну, конечно же. Дочка у тебя — у нас — уже есть. Но я хочу сына. И еще одного сына. И потом, может быть, опять дочку.

— Ох, Мирослав, когда ты так говоришь, мне страшно становится...

— Почему?

— Мы же только день как познакомились — и уже любовь навеки. О детях говорим...

— А мне иначе нельзя, — усмехнулся он. — Профессия такая. Решения приходится мгновенно принимать.

— Ну... решения ведь ошибочными бывают.

— Не хочешь, чтобы у нас с тобой были дети? — открыто улыбнулся он.

— Ты — просто чудо! — просияла она в ответ.

Он проводил ее до отеля. Пообещал, что завтра будет ждать — в кафе, в двух кварталах от «Империала».

Юля почти до утра не могла уснуть. То переживала из-за своей опрометчивости, то вспоминала — объятия, поцелуи, и по телу пробегала дрожь, то вдруг ее охватывал ужас: а если Мирослав все-таки познакомился с ней неспроста? Может, отказаться от подарка — на всякий случай? Ох, но тогда придется вообще от всего отказываться!

И на свидание в кафе она явилась — против правил хорошего тона — на десять минут раньше. Почему-то не сомневалась: Мирослав ее уже ждет. Маленькими глотками пьет кофе, нервно поглядывает на входную дверь.

Однако в кафе его не оказалось.

— Чего прекрасной пани угодно? — расплылся в улыбке бармен.

— Кофе... — неуверенно пробормотала Юлия и села у стойки на неудобный высокий стул. Взглянула на часы: минута до назначенного времени. Сейчас появится: с улыбкой во все лицо и, конечно, с букетом...

Хлопнула дверь: нет, не он, две ухоженные, оживленные старушки.

— Еще кофе? Пиво? Коктейль? — участливо предложил бармен.

В горле пересохло, но она ничего заказывать не стала. Мирослав ведь сказал, что будет на машине. Может быть, не завелась? Или, по дороге сюда, его остановила полиция? Нет, ерунда. Он ведь не на чалых, вечно ломающихся «Жигулях», да и полиции никакой на улицах городка Юля не встречала.

Она перепутала кафе? Или вообще все напутала, и молодой человек ждет ее в холле отеля? Нет, ерунда. Но... возможно... его вызвали в клинику? Допустим, срочная операция? Или... Или мама у него заболела, Мирослав говорил, что старенькая совсем.

А ведь она ни адреса его не знает, ни телефона. Да и фамилия — хотя Мирослав говорил — из головы вылетела.

— У вас что-то случилось? — не оставлял ее в покое бармен. — Давайте, я принесу вам хотя бы воды! Не бойтесь, это бесплатно!..

Но Юлия лишь отрицательно помотала головой и в последний раз взглянула на часы — Мирослав опаздывал уже на сорок минут, и это могло означать лишь одно: он не придет.

Только и останутся на память об их стремительном романе — аккуратно вырезанные буквы под потолком беседки «Русалкина хатка»: «Julia&Miroslav».

Наши дни.

Карловы Вары

... — Подожди, — перебила Юлию Николаевну практичная Татьяна. — Почему только буквы? А ожерелье? Где оно? И почему ты мне его никогда не показывала?

Они шли по лесу — тем же самым маршрутом, до «Русалкиной хатки». Сейчас, в феврале, деревья были голы — только зеленые пятна сосен выделялись на черном фоне. Вдалеке, на горе, маячил потемневший от времени остов старинной беседки.

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Лицо Юлии Николаевны было строгим, величественным, спокойным, зато глаза дочери азартно блестели. Таня вообще обожала романтические истории, а вдвойне интересней, когда они происходят с собственной мамой (которую девушка про себя непочтительно именовала «скученной сушеной воблой»).

— Так где, мамуль, изумруды? Только не говори мне, что, когда Мирославик твой не пришел, ты в гневе вышвырнула ожерелье в реку Теплу!

— Нет, Танечка, подобной глупости я позволить себе не могла, — усмехнулась в ответ Юлия Николаевна. — Тем более, если ты помнишь: я была матерью-одиночкой, каждую копейку приходилось считать. Все гораздо проще и прозаичней, — вздохнула она. — Я, конечно же, не могла явиться в этом ожерелье в отель. Советское время, я путешествовала с группой. Его бы сразу заметили, последовали бы вопросы. Когда Мирослав проводил меня до гостиницы, подарок я сняла и вернула ожерелье ему, мне некуда было его спрятать. Договорились, что он мне потом его принесет.

— Ну, ни фиги себе! — разочарованно протянула Татьяна. — Значит, хахаль твой, мало, что на свидание не явился, еще и ожерелье зажал?!

— Я... я думаю: что-то помешало ему прийти. Что-то очень серьезное.

— Но он же, ты говорила, собирался к тебе в Москву приехать, в загс вести? Значит, адрес твой, телефон знал?

— Да.

— Но вестей о себе больше не подавал?

— Нет, Таня, нет! — Юлия Николаевна вдруг разозлилась и горячо выпалила: — Я вообще иногда думаю: может, и не было всего — Мирослава, его поцелуев, признаний в любви? И я эту историю придумала?..

— Да ладно тебе, мамуль, ты на сумасшедшую не похожа, — милостиво признала Садовникова.

— Но вообще очень странно. — Голос матери теперь звучал жалобно. — Мирослав... он, правда, в меня был влюблен. По уши. Такое не сыграешь.

— А, мужики еще не так притворяться умеют, — тоном умудренной жизнью женщины произнесла Татьяна. — Чего-то, видно, хотел от тебя твой красавчик. Хотел — да получить не смог. Видимо, ты его в чем-то разочаровала...

— Спасибо тебе, дорогая, — проговорила уязвленная Юлия Николаевна.

— Ладно, мам, не обижайся. — Таня чмокнула ее в щечку.

Они, наконец, взобрались на гору, прошли в «Русалкину хатку». Таня обвела взглядом стены, сплошь покрытые письменами, и присвистнула:

— Ничего себе! Сколько народу здесь побывало! А ваша писулька где?

— Там, под потолком, — показала Юлия Николаевна.

— Где, не вижу? — привстала на цыпочки Таня. — Ничего себе! Твой Мирослав — просто верста коломенская... Ага, вот. Julia&Miroslav. Вместе навек... А рядом с вами какой-то Гануш подсуетился.

— Гануш?

— Сейчас, подожди, не вижу... Гануш — и... — Таня замолчала и изумленно взглянула на Юлию Николаевну.

— Что, что там?

— По-русски написано. Гануш... А второе имя не разберу. Сейчас... Зина, что ли? Нет, не имя. «ГАНУШ ЗНАЕТ». Точно. Эй, мам! Мам, ты чего?!

Татьяна отскочила от стены и еле успела подхватить Юлию Николаевну, схватившуюся за сердце.

— Таня, да бесполезно туда идти! — в который раз повторяла Юлия Николаевна. — Сколько лет прошло... А Ганушу уже тогда было, — она задумалась, — сорок пять, не меньше.

— Ну, тут Европа, — отмахнулась Татьяна, — люди долго живут.

— Магазины того тоже, наверняка, нет, — продолжала упорствовать мать. — Я города вообще не узнаю, здесь все изменилось... Ту улицу, точно, не найду. Но даже если встретим Гануша — что я ему скажу? — не сдавалась Юлия Николаевна. — Здравствуйте, я вернулась? Бабушка из нищей России, помогите, чем можете? Все давно минуло, Танечка. Говорить больше не о чем.

— Во-первых, ты еще не бабушка, — хихикнула дочь. — Помогать тебе тоже, слава богу, не нужно. Красивая, уверенная в себе, обеспеченная женщина. И вообще, разве тебе не интересно узнать разгадку?!

— Но если Мирослав хотел меня отыскать... зачем выбрал столь сомнительный способ дать о себе знать? — задумчиво произнесла Юлия Николаевна. — И приписку эту, когда он, интересно, сделал?

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

— Давай следствие проведем. — Таня поднялась на цыпочки, прищурилась, доложила: — Я не эксперт, конечно, но ощущение — что гораздо позже. «Юля с Мирославом» совсем почернели, почти не видно, а эта выглядит гораздо свежей. Могу попробовать дату определить. Если учитывать уровень потемнения... гораздо позже, лет пятнадцать-двадцать назад.

— Тогда совсем ерунда получается. Хочешь сказать, что Мирослав решил со мной объясниться лишь спустя долгие годы? Да еще через продавца в магазине?! А с чего он вообще взял, что я снова окажусь здесь и найду в «Русалкину хатку»?!

— Он ведь не ошибся — ты здесь оказалась и в беседку зашла, — пожалала плечами Таня. — Мирослав твой, видно, психологию знает. Убийцу всегда тянет на место преступления, нормального человека — туда, где он был счастлив. Он просто допустил, что когда-нибудь ты снова приедешь в Карловы Вары и, конечно, пойдешь в беседку — вздыхать о давней любви. Увидишь приписку и захочешь узнать, почему он тогда — сто лет назад — на свидание не пришел.

— Но к чему все это? Почему просто не позвонить мне? Не написать? — обиженным тоном повторила мама. — Адрес у меня до сих пор тот же самый.

— Фу, мама! — проворчала Татьяна. — Что за пенсионерская черта — бесконечно пережевывать, гадать, предположения строить? Вспоминай лучше, где магазин был. Найдем Гануша — обо всем расспросим. Нет — и не надо.

— Ох, не по душе мне все это, — вздохнула Юлия Николаевна.

Однако в антикварный магазинчик свою дочь привела. Причем нашла его довольно уверенно — всего полчаса поплутали.

— Просто глазам своим не верю! — замерла она у витрины. — Ничего не изменилось, ничего!..

— Да, самая натуральная лавка старьевщика. — Таня с легким презрением рассматривала выставленные за стеклом истертые чашки, потемневшие от времени бокалы, явно уже ношенные кем-то украшения, вязаный платок с парой проплешин. — Как он не разорился до сих пор? — пробормотала Татьяна и решительно распахнула дверь в магазин.

Приветственно звякнул колокольчик, пахнуло пылью, и из полумрака навстречу им выступил огромный, бородатый, с глазами навывкате старик.

— Рад вас видеть, пани! Чем могу помочь?

— У вас есть украшения с бриллиантами? — поинтересовалась Татьяна. А Юлия Николаевна пробормотала по-русски:

— Гануш! Это вы?..

Старик в недоумении уставился на нее. Она приблизилась к нему почти вплотную — и вдруг выдернула из своего тщательно уложенного пучка шпильки. Волосы рассыпались по плечам, и женщина улыбнулась — задорно, молодо.

В лице старика что-то дрогнуло.

— Юля? — неуверенно пробормотал он. — Из... Советского Союза? Из России?

— Да, Гануш. Вы по-прежнему злитесь, что я лишила вас дома?.. — лукаво спросила она.

— Ох, Юля... — смущенно пробормотал Гануш. — Мне до сих пор стыдно за тот день... когда мы с вами познакомились... Я вам столько ерунды наговорил...

— Дело прошлое, — отмахнулась Юлия Николаевна. — Я действительно очень рада вас сейчас видеть!

Гануш, схватив вдруг тряпку, зачем-то начал протирать прилавок и при этом бормотал:

— Поразительно, просто поразительно... Я — уже сам древность. Как все вещи здесь, в лавке. А вот вы почти не изменились.

Таня скромно отошла в сторонку, принялась разглядывать товары, но к разговору внимательно прислушивалась. А когда прозвучало имя Мирослава, и мама ахнула, быстренько вернулась к прилавку. Гануш печальным голосом продолжал:

— Он понимал, что вы считаете его предателем, и очень переживал из-за этого. Но он верил, что когда-нибудь вы узнаете правду. И я чрезвычайно рад, что сегодня могу, наконец, вам ее рассказать.

ЕЕ последняя любовь...

Давно.

Карловы Вары.

Мирослав Красс

Мирослав навсегда запомнил тот миг, когда он в последний раз видел Юлию. Как проводил ее до отеля, поцеловал на прощание, вдохнул аромат ее духов: сладковатый, пряный, совершенно ей не подходящий. Долго смотрел вслед: тоненькая, трогательная, как хрупкий цветок, чудо!

А когда она скрылась за массивными дверями отеля, перевел взгляд на часы. Дьявол! Начало девятого.

Он опаздывает — почти безнадежно. Значит, опять Карл встретит его своей омерзительной ухмылкой, тоненько, по-бабски, вздохнет и произнесет тоном мученика: «Тебе всегда было на меня наплевать».

Раздражало ужасно. А куда денешься? Родной все-таки брат.

Мама их называла «генетическим недоразумением». Говорила, впервые в ее медицинской практике, чтобы братья были настолько не похожи ни внешне, ни по характерам, ни по манерам. Однажды у нее даже вырвалось: «Ты — мой сын, безоговорочно. А его — будто в роддоме подменили».

Мирослав тоже иногда задумывался: как могло так получиться? Воспитывали их с братом одинаково, одежду, игрушки, путешествия, репетиторов — все делили пополам. Но уже с раннего детства ему самому больше нравилось проводить время с книжкой, а Карл был готов целыми днями пропадать с мальчишками. Он дразнил брата «любимчиком» и «маменькиным сыночком», гнусно хихикал, когда тот рисовал для мамы красивый цветок или играл в шахматы с отцом. Будто противопоставлял себя всей семье.

Мирослав уже в двенадцать лет твердо решил, что продолжит семейную традицию — станет врачом. А Карл тогда же заявил: хочет быть рок-музыкантом, хотя петь особо не умел. Да и не стремился учиться. Не скрывал, что ему куда больше нравится антураж вокруг рок-музыки: восторженные девчонки, пиво, проклепанные куртки, бесконечные разговоры и планы, как переустроить мир.

Родители, конечно, пытались, как могли, направить сына на правильный путь. Пусть медицину он ненавидит — можно ведь и в инженеры, в учителя, в сантехники, наконец.

Карл даже в технологический институт под их нажимом поступил — правда, учился в нем уже десятый год — то академический отпуск, то болезнь (с медицинскими справками ему Мирослав помогал), а время, в основном, проводил со своими друзьями — не особо даровитыми музыкантами. Сколотили рок-группу, изредка даже выступали — в чахленьких ресторанчиках.

И вот — неслыханная удача! — позвали их принять участие в сборном концерте. На стадионе. В Праге. Мирослав, когда узнал, удивился — подобные мероприятия бывали нечасто, и, уж тем более, на них не приглашали коллективы уровня «Бешеных жуков» (так именовала себя группа Карла).

Однако брат пребывал в неслыханном возбуждении и взял с Мирослава слово, что он обязательно полетит вместе с ним в Прагу и будет присутствовать на концерте...

... В аэропорт добрались за пятнадцать минут, посадка в самолет уже началась. Стороживший у входа полицейский увидел их компанию, нахмурился, перекрыл дорогу:

— Куда направляемся?

— В Прагу, вот билеты! — лучезарно улыбнулся в ответ Карл.

— Кто такие? — продолжал буравить их взглядом полицейский.

— Не видно, что ли?.. — выразительно потряс футляром с гитарой один из компании.

— Открой! — приказал полицейский.

Карл услужливо распахнул перед офицером футляр:

— Пожалуйста!

Тот взглянул на инструмент, зачем-то постучал по деке костяшками пальцев и неохотно посторонился:

— Проходите.

— Ура, летим! — радостно воскликнул соло-гитарист, когда все, наконец, оказались в самолете.

«Чтоб вам пропасть!» — раздраженно подумал Мирослав. Он что им — грузчик, инструменты таскать? Он вообще в этой компании чувствовал себя совершенным чужаком. И стариком, вдобавок. Когда перехватывал

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

недовольные взгляды других пассажиров, хотелось начать оправдываться: «Я — не с ними! Я — нормальный!»

Непонятно откуда, появилась изрядных размеров фляжка и пошла по рукам. Сделали по паре глотков — вдруг завыли из «Битлов», истошно и некрасиво:

— Help! I need somebody help!

— Вам, правда, помочь надо, мозги полечить, — буркнул кто-то из пассажиров.

— Пасть захлопни! — рявкнул на него Карл.

Сейчас, когда благополучно оказались в самолете, напускная вежливость с него мигом слетела.

«Чего я всегда иду за ним — как овца на закланье? — в который уже раз укорил себя Мирослав. Знал, конечно, за собой, что человек он мягкий, даже слишком мягкий для хирурга. Часто шел на поводу у других, неразумные поступки совершал — лишь бы человека порадовать. — А Карлу, сколько добра ни делай, воспринимает, как должное. Хватит уже. Надоело».

Старенький самолет, неохотно и не спеша, словно все повидавший в жизни дед, пополз по взлетной полосе.

— Время в пути — сорок пять минут, — сообщила стюардесса. — Пожалуйста, пристегните ремни.

— Ну, ребята... теперь самое важное, — тихо проговорил Карл.

О чем это он? Мирослав покосился на рок-музыкантов. Фляжка уже исчезла, они сидели в своих креслах сосредоточенные, серьезные... Но как только самолет набрал высоту, «жуки», словно по команде, вскочили со своих кресел.

— В туалет, пожалуйста, по одному, — тут же подскочила к ним стюардесса.

Карл молча отодвинул ее плечом, и девушка чуть не упала.

— Эй, парень, полегче! — угрожающе приподнялся в кресле сидевший в соседнем ряду мужчина.

И тут же умолк. Потому что в руках у Карла и еще одного музыканта тускло блеснули стволы пистолетов.

— Всем тихо! — истерически, на весь салон, выкрикнул брат.

А второй резким движением подтянул к себе стюардессу, приставил к ее щеке оружие и заорал:

— Ее пристрелю, всех, если рыпнетесь! Всем конец!..

— Карл... — в ужасе выдохнул Мирослав.

— И тебя тоже грохнем, ублюдок! — В глазах брата светилась искренняя радость, зрачки совсем превратились в щелочки.

«Он... да он под кайфом! Карл — наркоман! Как я раньше не догадался?» — мелькнула запоздалая мысль.

— Что, докторенок, в штаны наложил? — улыбнулся ему брат. — Не бойся. Я все за тебя сделаю.

Его дружок хохотнул, и они, волоча за собой стюардессу, двинулись к кабине пилотов.

Мирослав вцепился в подлокотники кресла. Надо остановить их! Но как? Брат, соло-гитарист и хрипящая стюардесса уже у пилотской кабины. Их прикрывают остальные двое музыкантов. Оба тоже вооружены: у одного — пистолет, у второго — нож.

Пассажиры застыли в онемении, лишь мужчина из соседнего ряда — тот, что пытался сделать Карлу замечание, — кажется, не утратил хладнокровия. Перехватил взгляд Мирослава и прошептал одними губами:

— Ты — того, кто с ножом. Я — второго.

— Выстрелит! — так же еле слышно откликнулся молодой врач.

— Не остановим — самолет взорвут. Все погибнем.

— Эй, там, молчать! — выкрикнул один из музыкантов.

В голосе его, показалось Мирославу, особой уверенности не было, и он решил. Коротко кивнул своему неожиданному сообщнику, вскочил, бросился на волосатого террориста... В драках никогда особенно силен не был, но сегодня все получилось: сбить с ног, вывернуть руку. А едва парень потерял равновесие, как еще двое пассажиров подскочили, помогли. Второй музыкант — тот, что с пистолетом, — тоже оказался разоружен. Мирослав же, вместе со своим внезапно обретенным соратником, бросились к кабине пилотов.

Однако здесь все пошло куда хуже.

— Мирка! Стой, дурак! — истошно выкрикнул из кокпита Карл.

А соло-гитарист с размаху ударил стюардессу рукояткой пистолета по лицу и завопил:

— Я сейчас убью ее!!

Помогавший Мирославу мужчина смело налетел на музыканта, попытался вырвать из рук оружие...

ЕЕ последняя любовь...

В тот момент и прогремел выстрел. В замкнутом самолетном пространстве прозвучал он оглушительно, салон мгновенно наполнился дымом, запахом гари.

— Пожар! — всхлипнул из пассажирских рядов женский голос.

Мирослав почувствовал, как сердце его наполняется ледяным ужасом.

Однако стюардесса оказалась жива и в панике пыталась отползти в сторону. Зато в кабине пилотов — дверь в нее была распахнута — все обогрено кровью. Из пистолета Карла вырывался дымок. Один из летчиков лежал, уткнувшись лицом в панель приборов, а циферблаты — неумолимо и быстро — заливало красным. Потом вдруг — искры, резкий запах паленого...

— Что это? — севшим голосом спросил соло-гитарист.

— На...навигационную систему замкнуло, — прохрипел в ответ оставшийся в живых пилот.

Мирослав не удержался и застонал от отчаянья. Брат же улыбнулся — еще беспечней, чем прежде, подмигнул Мирославу и произнес:

— Все, чистюля, отступать теперь некуда! — И тут же перевел оружие на второго пилота: — Или мы летим в ФРГ, или ты, она, — кивнул он на стюардессу, — все — трупы. — Небрежно вытолкнув мертвого пилота из-за штурвала, услужливо предложил второму летчику: — Прошу! Держи курс на Вайден, вот координаты. Финтить не пытайся — компас у меня есть.

— Н-навигационная система не работает, — упорствовал пилот.

— Ты, придурок! — повысил голос Карл. — Тебе что, жизнь надоела?! Да мне плевать! Плевать на вас всех! Разобьемся — хрен с ним! Лучше так, чем жить, как мы — в дерьме!

«А ведь мы действительно разобьемся, — пронеслось в голове у Мирослава. — Зря летчик спорит».

— Ладно, Карл, успокойся, — как можно спокойнее проговорил он вслух и, переведя взгляд на пилота, с угрозой в голосе добавил: — Делай, что он говорит.

Тот со страхом взглянул на аккуратно подстриженного, хорошо одетого парня и безропотно взялся за штурвал.

С прежней жизнью было покончено безвозвратно.

Мирослав на секунду прикрыл глаза и тоскливо подумал: больше он никогда не увидит Юлю...

Наши дни.

Карловы Вары

Старое вино давно закончилось, пустые бокалы стояли на прилавке. Гануш устало откинулся в антикварном (или, точнее, просто старом) кресле. Юлия Николаевна, наоборот, сидела на самом краешке козетки, вытянувшись в струнку, будто готова была тут же сорваться и убежать...

— Ну и чем все закончилось? — нетерпеливо спросила она. — Самолет, действительно, сел в Германии?

— Да, — кивнул Гануш, — в ФРГ. На спортивном аэродроме в Вайдене. И западногерманское правительство отказалось выдать преступников. Карла, правда, осудили — за убийство пилота, но дали всего пять лет, а выпустили, по амнистии, через два. Остальным повезло еще больше. В тюрьме они были совсем недолго. А дальше всем, в том числе, Мирославу, предоставили политическое убежище. Взамен попросили выступить на пресс-конференции и расписать ужасы социализма. Небольшая плата за право жить в свободной стране!

— Просто чудеса... — пробормотала Юлия Николаевна.

— Мирослав, конечно, переживал, — пожал плечами Гануш. — Скучал по дому, по родителям. По вам, — галантный поклон в сторону матери. — Но, впрочем, быстро утешился в работе, исключительно в ней. Оперировал. Процветал настолько, что ходили даже разговоры — здесь, в Карловых Варах, — будто угон самолета организовали спецслужбы из ФРГ.

— Зачем? — удивилась Татьяна.

— Чтобы получить в свое распоряжение талантливых специалистов. Того же Мирослава. Вообще выяснилась интересная вещь: среди пассажиров того самолета оказалось много известных людей. Математик, биолог, несколько видных инженеров. Все они в свое время обращались за разреше-

ЕЕ последняя любовь...

нием на выезд — но получали от чехословацкого правительства отказ.

— Да ну, ерунда! — хмыкнула Татьяна.

— Не ерунда. Обычная практика. В 1951-м году — по заказу немецких спецслужб! — целый поезд угнали. Он следовал из Праги в Аш, это на самой границе с Германией. За пятнадцать минут до прибытия в тепловоз ворвались трое. Наставили на машиниста с помощником оружие и велели: скорость в Аше не снижать, проскочить вокзал и мчаться дальше, в ФРГ. Обычно составы, шедшие в Аш, направляли в тупик. Однако здесь все было рассчитано идеально: незадолго до инцидента в ФРГ проследовал поезд с углем, и перевести стрелки обратно еще не успели. Состав благополучно пересек границу, а пограничники настолько растерялись, что стрелять начали, когда он был уже на той стороне. Больше половины пассажиров специально покупали билеты на этот поезд. Остальные — пятьдесят семь человек! — оказались в нем случайно. Обратно в Чехословакию, кстати, вернулись только десять...

По скучающему лицу Юлии Николаевны было видно, что ей эти подробности не интересны.

— Ну а где же Мирослав сейчас? — выпалила она. — Вы знаете?..

— Да. Конечно, да, — улыбнулся Гануш. — Он практиковал в Турции, потом переехал в Канаду, теперь живет в Испании. Насколько я знаю, оперировать перестал, но продолжает активно консультировать. Ездит по всему миру.

— Он... женат? — Голос женщины слегка дрогнул, и Таня с усмешкой взглянула на мать.

— Я... я, честно говоря, не очень в курсе, — смущенно ответил Гануш. — Кажется, был женат, но сейчас разведен. Уже давно.

— Понятно, — вздохнула Юлия Николаевна.

Татьяна же небрежно поинтересовалась:

— А почему он все-таки в этот магазин нас позвал?

— Что вы имеете в виду? — растерялся продавец.

— Почему в «Русалкиной хатке» было написано — явно для мамы: «Гануш знает»? Мирослав приезжал сюда, в Карловы Вары? Когда?

— Еще в 1990-м году.

— Да, Танюшка, ты так и сказала, — обрадовалась мама, — что приписка в беседке сделана лет двадцать назад!

— Странно. Очень странно, — задумчиво произнесла Татьяна. — Допустим, в 1990-м году Мирослав получил амнистию, смог вернуться в Карловы Вары, погулял по городу, вспомнил свою давнюю любовь... Но зачем в беседке-то послания оставлять? — Она обернулась к матери: — Не прощало бы к тебе в Москву виться?..

— Я... я в девяностом уже замужем была, — напомнила Юлия Николаевна. — Может, Мирослав узнал об этом? Не захотел портить мне жизнь?

Татьяна презрительно дернула плечом:

— Мог бы и раньше, до замужества твоего, из ФРГ или из Турции написать. Объяснить хотя бы, почему на свидание не пришел. И вообще исчез.

— Он писал, — тихо произнес Гануш. — Мирослав говорил мне. Через несколько дней после того, как оказался в Германии, и потом много раз. Письма, видно, не доходили. В общем, Юлечка, я вам все рассказал, а дальше поступайте, как считаете нужным. Нынешний адрес Мирослава я вам дам, хотите — позвоните ему, или напишите. Нет — воля ваша. — Он тяжело поднялся с кресла. — Когда мы в девяностом увиделись, Мирослав мне сказал: «Я виноват перед Юлей, и ее право — вычеркнуть меня из своей жизни. Но есть одна вещь...» — Гануш замолчал и, тяжело волоча ноги, двинулся в глубь магазина. Вернулся быстро — с черной бархатной коробочкой в руках.

— Не может быть! — ахнула Юлия Николаевна.

— Вы догадались, — тепло улыбнулся старик.

Уже через пару секунд на шее женщины сверкало ожерелье — с крупным изумрудом по центру, обрамленным милыми золотыми подвесками.

— А у тебя, мамочка, неплохой вкус! — оценила Татьяна.

— Мирослав очень переживал, что вы тогда не взяли ожерелье с собой.

— Я ведь не сомневалась, что увижусь с ним на следующий день, — вздохнула Юлия Николаевна.

— Как бы то ни было: ваша вещь, наконец, вернулась к вам, — торжественно проговорил Гануш.

— Это ж сколько вы его хранили? С девяностого года?! — спросила Татьяна.

— Ну... да, — слегка смутился старик. Впрочем, быстро взял себя в руки и заговорил куда увереннее: — Да. Когда Мирослав в Карловы Вары

ЕЕ последняя любовь...

вернулся, сразу ко мне зашел. Ну и рассказал, что у вас, оказывается, роман был... И ожерелье отдал. Я ему, кстати, говорил тогда: зачем? Встреться с ней сам, теперь ведь границы открыты. Нет, ответил он, пусть у тебя лежит. Прочитает Юля послание мое, придет сюда — вернешь вещицу ей. А если нет — значит, не судьба.

— Вы — честный человек, — растрогалась Юлия Николаевна.

— Зато и я заслужил счастье видеть, как сияет изумруд на вашей прелестной шейке, — патетически проговорил старик.

Наши дни.

Альмуньекар, Испания.

Мирослав Красс

Мирослав Красс подошел к огромному, во всю стену окну. Одинокое море, пустынная набережная. С октября по апрель делать в городке было нечего. Летом здесь гремели дискотеки, ревел скутерами молодняк, изо всех окрестных кафешек вились дымки: жарились на гриле сардины, скворчали на углях гамбас — огромные креветки, местное пиво «Alhambra» лилось рекой. Кажется, вся молодежь из Гранады, Севильи, Малаги устремлялась сюда, в Альмуньекар. Набережная пестрела красками, хохотала, танцевала — в бешеном ритме.

Но едва наступал сентябрь, и в университетах начинались занятия, молодость покидала городок. По набережной прогуливались лишь редкие местные — в основном, пожилые. И странное дело: Мирослав, по возрасту, был куда ближе к чинным альмуньекарским жителям и вроде бы должен радоваться, что в городке тишина, можно

наслаждаться спокойными прогулками и пустыми пляжами. Однако каждый раз, когда курортный сезон в Альмуньекаре умирал, он впадал в тоску. Не готов был к старости, не нуждался пока в умиротворении. И если Юля ему позвонит — вся его жизнь кардинально изменится.

Ее фотографии Мирославу присылали каждый день. С очередной пачкой он и сидел сейчас на балконе. Потягивал риоху со льдом, бросал в рот кубики сыра и жадно рассматривал их. Вот Юля в холле гостиницы. В магазинчике — вышла из примерочной, показывает дочке платье. В парке — улыбается осеннему солнцу. В ресторане — смело взрезает вилкой-ножом огромную отбивную.

Изменилась, конечно. Дело даже не в возрасте, не в оплывшей фигуре, не в морщинах — в глазах. Когда-то они были: огромные, доверчивые, предвкушающие. А сейчас смотрели — устало, грустно. И ничего с этим уже не поделаешь...

Девушка, что сопровождала Юлию Николаевну (он уже знал — дочка), смотрелась импозантно. С виду скромная, в джинсиках и кардиганчике, однако одежда сидела, как влитая, а всякие мелочи — вроде шейного платочка от «Прады» или стильных золотых часиков — неумолимо свидетельствовали: у нее имеются и вкус, и возможность приобретать наряды в дорогих магазинах. Выражение лица тоже кардинально отличалось от маминого. Юлия Николаевна — как большинство русских, оказавшихся за границей — на фотографиях выглядела чуть испуганной, напряженной, а девушка, напротив, расслабленной, даже нагловатой. Ох, непроста девочка!..

Мирослав отпил еще глоток вина, взглянул на часы. Восемь вечера. В Чехии сейчас столько же. В лавку его старого приятеля Гануша Юля, он знал, вошла три часа назад. Неужели до сих пор общаются?! Или давно поговорили, бывшая возлюбленная получила свое ожерелье, ушла из магазина — и все?.. А что, вероятность подобного развития событий совсем не исключена.

Не позвонит Юля — придется самому. Хотя лучше — куда лучше! — чтобы она первой проявила инициативу. Дернуть, что ли, Гануша? Нет, не стоит слишком уж демонстрировать свою заинтересованность. Надо дать ей время — все обдумать, переварить.

Антонио, повар из ресторана напротив, разжигал гриль — в Альмуньекаре угли, традиционно, держали в лодках, стилизованных под настоящие. Скоро весна, рыба божественная... Выйти, что ли, на ужин?

И в этот момент раздался телефонный звонок.

— Ола? — поспешно откликнулся он.

— Привет! — откликнулся неуверенный женский голос.

Мирослав довольно улыбнулся.

Это была она.

ЕЁ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Наши дни.

Карловы Вары.

Таня

Загадочный хирург Мирослав Красс явился в Карловы Вары — стоило мамочке только свистнуть. Оказался он весьма импозантным, высоким, с благородной сединой мужчиной. Одевался с шиком, говорил по-русски с приятным акцентом. Немедленно потащил их отмечать встречу — ресторан, оценила Татьяна, выбрал хороший. Заказывать велел — «все, что душа попросит». Когда явилась в зал торговка цветами — выбрал два самых лучших букета. И вообще, всячески старался впечатлить, поразить. После ужина заказал не просто такси — лимузин. На Юлию Николаевну бросал такие взгляды, что та смущалась и краснела, словно девчонка. С Татьяной — был просто галантен.

О себе рассказывал скупое: работу оставил десять лет назад, но изредка продолжает консультировать. Был женат, давно развелся. Детей нет. Жизнь — скучная, пенсионерская: «Путешествую, читаю, ленюсь...»

«А нашим старикам приходится картошку растить, чтоб с голоду не очочуриться», — мелькнуло у Татьяны.

Мамин кавалер, сама не понимала, почему, ее раздражал. Слишком он — как бы лучше сказать? — напоказ себя вел. Мамуля, конечно, на седьмом небе от счастья: руки ей целуют, дверь перед ней открывают, по счету в ресторане платят. А у Тани, хочешь — не хочешь, все время возникал вопрос: «Где ж ты раньше-то был?..»

Мама в разводе уже больше десяти лет, наверняка не отказалась бы вместе со своим воз-

любленным жить в Европе, «путешествовать и читать». Однако Мирославу зачем-то надо было: ждать, пока Юлия Николаевна явится в Карловы Вары (А если бы она вообще сюда никогда не приехала?). Устанавливать с ней связь через посредника — продавца Гануша. Важно, что ли, для него было — чтобы она непременно позвонила первой?.. Если так — значит, старичок вообще ведет себя, как ребенок.

— ...Как он тебе? — с придыханием прошептала мама, когда Мирослав после первого совместного ужина проводил их в отель и деликатно откланялся.

— Мутный какой-то, — пожалла плечами девушка.

— Почему?! — опешила мама.

— Слишком старается — очаровать. Тебя. И меня заодно. Омары, цветочки, лимузин. Перебор.

— Но, Таня! Что же здесь плохого? Мирослав — просто хорошо воспитанный человек. А что ухаживает красиво — почему бы нет, если может себе позволить?

— Все равно, мамуль. Я на твоём месте была бы осторожней.

— Господи, Таня! Да чего мне бояться-то?! Что Мирослав — маньяк? Смешно. Что на мое состояние лапу наложит? На огромную мою, — саркастически улыбнулась она, — однокомнатную квартиру на Рязанском проспекте?!

— Ох, мам, не узнаю тебя, — покачала головой Татьяна. — Ты всегда такая сдержанная, разумная... А сейчас ведешь себя, как девочка-подросток.

— Конечно, ты бы предпочла, чтобы я всю жизнь вокруг тебя крутилась. Блинчики жарила, да твои проблемы решала, — обиженно произнесла Юлия Николаевна.

— Да о чем ты говоришь? — усмехнулась Таня. — Мне даже лучше, когда ты своими делами занята, и в мои не лезешь. Просто, когда человек резко меняет свои привычки — как ты, прости, на старости лет, — это может плохо кончиться.

— Доченька, а ты никогда не думала, что мне давно пора изменить свои привычки?! Что мне тоже хочется дышать полной грудью, по-настоящему жить, а не существовать?! Любить — и быть любимой! — Лицо Юлии Николаевны расплылось в улыбке. Она тихо добавила: — Я ведь Мирослава никогда не забывала. Хотя было у нас с ним, как в песне «Три счастливых дня». Платье себе в Москве покупаю и думаю: «Понравится ли ему?» В театре, когда спектакль впечатляет, спрашиваю себя: «А что бы он сказал?»

— Валерочка тебя тоже любил, — буркнула Татьяна.

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

— Ну, Валерочка! — снисходительно бросила Юлия Николаевна. — Он мне цветы дарил раз в год, на восьмое марта, — если бывал тогда в стране, конечно. Но почему-то у него всегда командировки на праздник выпадали!

— В общем, что тогда, сто лет назад, что сейчас, — подытожила Садовникова. — Волшебный воздух свободы сыграл с профессором Плейшнером злую шутку.

— Будет тебе куражиться, — нахмурившись, проговорила Юлия Николаевна.

Надо же, еще обижается. Что ж, ладно, пусть хотя бы на старости лет упивается сумасшедшей любовью. Гуляют со своим Мирославом по горам, сидят в кафе, держатся за ручки, он катает ее по окрестностям. Таня их тет-а-тет больше не нарушала — хотя оба звали. Охранять маму не нужно — вряд ли Мирослав маньяк. А ходить с ними — зачем лишний раз смущать? За обед в ресторане она и сама может заплатить.

Так как иных развлечений, кроме общепита и вод, в Карловых Варах не имелось, приходилось лечиться. Нудно, конечно, зато, наверно, полезно. И все время занимало. Бегала с процедуры на процедуру, пила воду из источников. Чтобы совсем уж не погрязнуть в медицине, посещала косметолога, заглядывала на расслабляющий тайский массаж, мерзла в криокамере. Организм на неожиданную о себе заботу реагировал с благодарностью: отражение в зеркале с каждым днем радовало все больше, а собственная (несчастливая!) любовь вспоминалась все реже.

Хорошо бы, конечно, тоже завести курортный роман — но разве здесь достойного кандидата найдешь?

Правда, в клинике при отеле, где Таня интенсивно «оздоравливалась», на нее положил глаз

медбрат. Молодой, где-то двадцать один, синеглазый, нескладный, наивный. Ей льстило его внимание, а медбратик за нею просто хвостом ходил. Вел себя так, как даже в российских, более вольготных, больницах не всякие доктора себе позволяли. Расслаблялся рядом с ней в кресле, болтал чуть ни по часу.

— Ты здесь на особом положении? — заинтересовалась Татьяна.

— Ага, — простодушно откликнулся он. — У меня дед — главный врач.

— Солидный такой, седоусый?

— Ну да.

— Суровый у тебя дедушка. Целую лекцию мне прочел — про печень, поджелудочную и неправильное питание.

— Да уж, дед — зануда ужасный, — согласился медбрат. — На здоровом образе жизни помешан...

Как-то юный кавалер подстерег Татьяну, когда она, переодевшись в белоснежный с золотым вензелем махровый халат, вышла из раздевалки. Просиял, бросился навстречу и затараторил:

— Танечка! У вас до процедуры есть время, целых двадцать минут. Пойдемте, пожалуйста, со мной!

— Куда? — насторожилась Татьяна.

— К пану Варнику... к деду! — И, схватив ее за руку, потащил в профессорский кабинет. Дверь открыл без стука, с порога выпалил: — Вот, привел! Расскажи ей, пожалуйста, сам!

Профессор восседал за массивным столом. На внука взглянул снисходительно, девушке — подмигнул, весьма лукаво, и поинтересовался:

— Жалобы на медбрата имеются?

— Ну, что вы! У вас замечательный внук!

— Разгильдяй и бездельник, — вздохнул он и цыкнул на парня: — Выйди!

Тот послушно ретировался, а профессор, укоризненно покачав головой, пересел за журнальный столик, усадил Татьяну напротив и с напускной небрежностью спросил:

— Надеюсь, вы не имеете никаких видов на моего лоботряса?

— Ну, знаете! — фыркнула Таня. — Я еще не в том возрасте, чтобы кидаться на мальчиков. Мне приятно поболтать с вашим внуком, но ничего больше, простите.

— Да, да... — вздохнул старик. — Мальчишка слишком навязчив, признаюсь, и глуп к тому же. Все уши мне прожужжал про «девушку своей мечты». А вчера попросил, чтобы я поведал вам одну давнюю историю, сказал, что ему вы наверняка не поверите.

ЕЕ последняя любовь...

— Историю? — озадаченно пробормотала девушка.

— Это не займет больше десяти минут.

— Ну, если вам так хочется... — удивленно посмотрела на него Таня.

— История, — медленно начал профессор, — действительно, очень давняя. Имела место несколько десятилетий назад. Когда я был молод... в вашем, примерно, возрасте... в клинике, где я тогда работал, имел место инцидент. В течение месяца, с разницей, примерно, в две недели, умерли трое. Все — женщины. Молодые, здоровые. После пустяковых операций. Случаи сочли вопиющими, было произведено тщательное расследование. В консилиуме принимали участие лучшие на тот момент врачи Чехословакии — хирурги, микробиологи, патологи. Однако причины смерти молодых женщин так и не были установлены. В научных кругах об этом случае много говорили, выдвигались различные гипотезы, вплоть до самых бредовых, некоего таинственного вируса... Однако разгадки нет до сих пор.— Он замолчал.

— Ну-у... — протянула Татьяна.

— Пока вам не интересно. Верно? — проницательно взглянул на нее профессор.

— Да, честно говоря, не очень, — согласилась она.

— Что ж. Тогда попробую привести другой аргумент. Ваша фамилия ведь — Садовникова? Таня Садовникова. А маму вашу зовут — Юлия Николаевна.

— Да, все верно, — ответила девушка, и в голосе ее послышался неподдельный интерес.

— Вы сейчас можете обвинить меня, что я нарушаю вашу privacy, — смутился профессор, — но я всего лишь хочу предостеречь вас.

— От чего? — Татьяна решительно не понимала суть разговора.

— Будьте, пожалуйста, осторожнее с Мирославом Крассом.

— Откуда вы про него знаете? — опешила она.

— У нас маленький городок, — виновато проговорил профессор. — А Мирослав — друг вашей мамы — фигура здесь известная. Его история в свое время наделала в Карловых Варах много шума... Его проклинали, ему завидовали. Когда же он появился здесь, — сначала месяц назад, а теперь снова, — конечно, его визит не остался незамеченным. Больше того, маму вашу тоже вспомнили — и узнали в ней ту самую девушку, в которую когда-то был влюблен Мирослав. Ту, которую он однажды бросил.

— Но кому какое дело?..

— Избави бог, Таня, я вовсе не пытаюсь вмешиваться в вашу — или вашей мамы — личную жизнь, — поспешно откликнулся профессор. — Но я ведь не случайно заговорил про те давние смерти в нашей городской клинике. Дело в том, что тогда, давно... во все те три ночи, когда в госпитале скончались молодые, здоровые женщины, там дежурил один и тот же врач. Подающий надежды хирург русского происхождения. Выпускник московского университета. Звали его — Мирослав Красс.

Татьяне было тревожно на душе. Связалась мать с типом — подозрительным по всем статьям. То ли врач-убийца, то ли террорист. С виду, вроде, безумно в Юлию Николаевну влюблен, но не зря же Татьяне показалось, что мужчина ведет какую-то собственную хитрую игру.

Неожиданно в голову пришла, как ей показалось, замечательная мысль, и Татьяна, сбросив халат, стала торопливо одеваться...

Ошибиться она не могла. Едва звякнул дверной колокольчик, как Гануш, дремавший в кресле, встрепенулся, и в его глазах мелькнул страх. Однако хитрый старик быстро взял себя в руки и заулыбался:

— Пани Таня! Я очень рад вас видеть! Как поживает ваша замечательная мама?

— О, пан Гануш, у мамы все отлично! — промурлыкала Татьяна. — Любовь у них с Мирославом, страсть. Все вышло, как вы и хотели.

— Что ж, чудесно. А чем я вам могу быть полезен? — выжидательно взглянул на Татьяну антиквар.

Однако девушка совсем не спешила удовлетворять его любопытство. Неспешно прошлась по магазинчику. Щелкнула по носу уродливую гипсовую собаку, приостановилась у аляповатого фарфорового блюда, примерила перед зеркалом смешную, вязаную крючком белую шапочку.

— Вам идет! — заметил старик.

ЕЁ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

— А, по-моему, просто жутко. — Она вернула головной убор на место. Ткнула пальчиком в стеклянную, запертую на ключ витрину и попросила: — Покажите мне вон тот кулон!

— О-о, это исключительная, старинная, филигранно исполненная вещица! — оживился антиквар и, отомкнув запоры, вручил драгоценность Татьяне.

Она мимолетно взглянула на ценник:

— Десять тысяч евро?.. Неслабо.

— Девятнадцатый век! Бриллиант в центре — почти два карата!

— Да неужели? — усмехнулась Татьяна.

— Даже чуть больше, и чистоты исключительной. Я покажу вам сертификат!

— Качество неплохое. Но только это не бриллиант. Цирконий. Или, скорее, просто кристалл.

— Вы шутите! — неуверенно улыбнулся Гануш.

— Просто я прекрасно разбираюсь в драгоценностях. — Садовникова небрежно швырнула кулончик на прилавок, взглянула старику в глаза и выпалила:— А еще я всегда чувствую, когда мне — лгут.

— Я не понимаю, какие ко мне претензии! — дрогнувшим голосом проговорил Гануш.

Татьяна же придвинулась к нему еще ближе:

— Мне нужно знать. Знать правду. Когда Мирослав — впервые после того, как удрал из страны — появился у вас в лавке? И только попросите меня еще раз обмануть!

— Я же сказал вам! Он приехал в девяностом году, сразу после амнистии Гавела!

— О'кей, — усмехнулась она. Взяла с прилавка кулончик, протянула продавцу золотую кредитную карточку: — Я беру это. И не забудьте приложить сертификат. Экспертизу проведут, максимум, за неделю. Сколько у вас в Чехии да-

ют за мошенничество? Пару лет? Хотя нет, в тюрьму вас, почтенного господина, не посадят. Но штраф за обман покупателей наверняка назначат. Тысяч двести, триста евро плюс потеря лицензии. Как вам перспектива?..

Золотой карточки Гануш не принял, лишь вкрадчиво произнес:

— Может быть, выберете в моем магазине что-то другое? Я даже готов подарить вам любую вещицу, что приглянется...

— Не нужно мне вашего барахла, — с достоинством откликнулась Татьяна. — Просто ответьте на вопрос. Один-единственный. Когда Мирослав — после своего бегства из страны — впервые явился к вам в лавку?

Гануш угрюмо молчал. Таня решила ему помочь:

— Не было никакой встречи двадцать лет назад. Мирослав, как удрал тогда из страны, больше в Чехии не объявлялся. И знать о себе не давал. А тут вдруг, примерно, месяц назад, вынырнул, как черт из табакерки. Попросил вас принять участие в небольшом спектакле...

— Откуда вы знаете?

— Слухами земля полнится. Он передал вам старое ожерелье — то самое, с изумрудом. Тоже, наверное, фальшивка? — Гануш промолчал, а девушка с азартом продолжала: — Мирослав сказал вам, что скоро, очень скоро в магазине появится Юля. Та самая девушка из его прошлого. И вам следует отдать ей ожерелье. А, главное: обязательно убедить ее, что Мирослав не имел намерения тогда, давно, ее бросить. Что уехал он из страны не по своей воле. И по-прежнему любит мою мать. Любил — все эти годы.

— Но, Таня, разве в его просьбе было что-то... нехорошее, криминальное?.. Какая, в конце концов, разница — хранил я ожерелье двадцать лет, или получил его лишь сейчас?.. Он попросил сказать так, потому что подобная версия, на его взгляд, выглядела более романтично. Я согласился. По-моему, все нормально.

— Зачем Мирославу понадобилась моя мама? — рявкнула Татьяна.

Гануш прижал обе руки к груди:

— Не знаю, клянусь богом, не знаю! Он говорил только о том, как любил ее — тогда, давно... И как хотел бы снова встретиться с нею...

— Значит, путевку в Карловы Вары ей тоже предложили неслучайно, — пробормотала Татьяна. — Как я сразу не догадалась? Нет сейчас никаких социальных квот на лечение. Тем более — за границей... Еще и сэкономить на матери решил. Отель заказал поганый!

Сердце теперь не просто подпрыгивало — колотилось, как бешеное.

ЕЕ последняя любовь...

Взять сейчас напрокат машину, поехать к Мирославу, припереть мошенника к стенке, выяснять, что у него на уме!

Таня решительно двинулась к выходу.

— А кулон? — вскрикнул ей вслед антиквар.

Совсем забыла — до сих пор держала его в руках!

Она приостановилась, швырнула подделку на прилавок. А на прощанье — пообещала:

— Если с матерью что-нибудь случится — я тебе этого так не оставлю. К чертям твой магазин разорю! — И от души (колокольчик аж заверещал) хлопнула дверью.

Вышла из затхлой лавчонки. Сделала пару глубоких вдохов. Постаралась взять себя в руки. В чем она может — формально — Мирослава обвинить? В давних смертях, что произошли во время его дежурства? Но ведь случились они много лет назад, вина хирурга доказана не была, уголовное дело закрыли. Что ожерелье Ганушу вернул не в девяностом году, но только сейчас — и вовсе не преступление, всего лишь маленькая хитрость, романтическая уловка... Прав антиквар.

Матушку, конечно, надо предупредить, чтобы осторожнее была с Мирославом. Но горячку, наверное, пороть не следует. Спокойно поговорить с нею вечером, после ужина.

И Таня — почти успокоившись — отправилась в отель.

Улыбнулась швейцару, приветливо махнула девочкам на ресепшене. Прежде чем войти в собственный номер, толкнула дверь мамино, — и та неожиданно подалась.

Садовникова в недоумении застыла на пороге. Постель без белья, пылесос в углу... И — ни единой вещи!

А из ванной комнаты уже спешила навстречу горничная:

— Простите, пани, вы, наверное, ошиблись номером?..

— Где дама, что жила здесь? — крикнула Таня.

— Я... я понятия не имею, — растерялась горничная.

Татьяна, не дожидаясь лифта, ринулась вниз.

— Госпожа Садовникова. Джулия. Где она?..

— О, мадам из номера два-два-три? Она сегодня уехала. В двенадцать дня.

— Я — ее дочь. Она ничего не просила мне передать?

— Нет. Мадам, — лукаво улыбнулась дежурная, — была со спутником.

И выглядела очень счастливой...

— Вообще бред, — растерянно проговорила Татьяна. — А они не говорили, куда поедут?

— Я... я что-то слышала про аэропорт. Но не уверена.

«Уехать? Тайком? Неизвестно с кем? Неизвестно куда?»

Даже авантюристка Татьяна всегда предупреждала маму: «Я жива, все хорошо, еду туда-то».

...Впрочем, Юлия Николаевна оставила все-таки послание дочери.

Когда Таня поднялась в собственный номер, на полу, под дверью ее ждала записка:

«Дорогая Танечка! Прости меня, прошу, но я, похоже, сошла с ума. Мы с Мирославом уезжаем. Хотим вместе посетить те места, о которых я мечтала, когда была молодой, и не могла себе позволить там побывать... Я так счастлива, что мои давние надежды, наконец, сбываются! Мне очень неудобно, что я бросаю тебя на курорте одну-одинешеньку. Прости меня — но ты ведь тоже знаешь, что такое влюбляться, правда?»

Целую тебя крепко, Мама».

Наши дни.

Москва.

Таня Садовникова

Закладывать маму Валерочке Тане совсем не хотелось. Но только кто, кроме него, мог помочь?..

И на следующий же день по возвращении в Москву Татьяна направилась в гости к отчиму.

О том, что придет, предупредила всего за час, потому обед ее ждал относительно скромный: отбивная с жареной картошкой и пышущие жаром хачапури.

— Сплошной холестерин, — фыркнула она.

— Но ведь вкусно! — простодушно улыбнулся отчим и захопотал вокруг Татьяны.

Уютный. Улыбчивый. Заботливый.

«Как мать могла его променять — на того?» — мелькнуло у нее в голове.

Да, Валерочка — не богат, не слишком презентабелен внешне. Зато надежен и умен — два важнейших качества для мужчины.

Таня с удовольствием прикончила отбивную. Похвалила:

— С карловарскими диетами — никакого сравнения. У нас в отеле был этот, как его... пятый стол.

— И ты ела? Кашки, паровые котлетки?

— Я пыталась. Примерно с тем же успехом, как ты — соблюдаешь диету, — хихикнула девушка.

— А мама, тебя, конечно, ругала — за пренебрежение к собственному здоровью.

— Ох, мама! Да знал бы ты!.. — сердито проговорила Таня.

— О чем? — Валера сразу подобрался, нахмурился.

Она отодвинула тарелку — и выложила отчиму все, что знала — про мамочкиного «принца», про тайный побег из «Империала».

— Я понимаю, конечно: устоять мамуле было сложно! Европеец, богач! Тем более, голову ей дурил конкретно: букеты, комплименты, лимузины. Но чтобы вот так срываться? Даже не предупредить, не сказать, куда? Еще и телефон выключила!

Валерий Петрович откинулся на спинку стула, прикрыл глаза и спросил:

— Когда она уехала?

— Позавчера, — с готовностью откликнулась Татьяна.

— Самолет, поезд, машина?

— Я пыталась узнать. Похоже, улетела. Но не из Карловых Вар — из Праги. Я в службе такси выяснила — их именно в Прагу, в аэропорт, отвезли. Хотела проследить, куда дальше направились — не смогла. Могу только сказать: в тот день улетало больше двадцати рейсов...

— А деньги у нее есть?

— Евро триста было. Все пыталась то в ресторане за меня заплатить, то кофточку мне купить. Я не позволяла, конечно. Вот теперь и думай: то ли оставить их в покое, то ли через Интерпол искать.

— Интерпол-то здесь причем? — хмыкнул отчим.

— Да притом! — отрезала Татьяна. — Мирослав, говорят, уже трех женщин угробил...

Отчим, конечно, заинтересовался. Попросил подробностей. Однако, когда девушка их выложила, разочарования своего скрыть не смог: «Слишком давняя, Танюшка, история. И раз уж его вины не доказали тогда — сейчас это, тем более, невозможно».

Хотя пообещал: возлюбленного Юлии Николаевны он, по своим каналам, проверит.

Наши дни.

Москва

Татьяна всегда считала, что выбить отчима из колеи — задача невыполнимая. Он даже в самых сложных ситуациях оставался невозмутимым. Не ругал ее, тем более, не восклицал, заламывая руки, как мама: «Какой кошмар!» Но искал единственно возможный правильный выход.

А уж чтобы Юлия Николаевна поколебала его спокойствие — вообще нереально. Валерий Петрович никогда не воспринимал свою жену (теперь уже с приставкой «экс») всерьез. И тут вдруг — откровенно, неприкрыто огорчен. Когда он попросил у Тани ключи от маминной квартиры, она не просто удивилась, а буквально опешила.

— Валерочка, что я слышу? Неужели ты, подобно тривиальному ревнивому мужу, проберешься в квартиру жены и станешь рыться в ней, выискивая улики ее преступной связи?

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

— Ох, Таня, во-первых, Юлия Николаевна мне не жена, а бывшая жена, дьявольская разница, не так ли? А, во-вторых, я совершаю это вовсе не в своих личных интересах!

— Тогда возьмите ключи от ее апартаментов, полковник! Но смотрите, Не попадайтесь!

Было бы интересней, конечно, проникнуть в квартиру безо всяких ключей. Его учили и этому, и он сумел бы, но... В разведшколе ему сорок лет назад вдолбили, что при планировании операции следует двигаться наиболее простым путем.

Конечно, Татьяна, великая провокаторша, доложит Юле «о его поведении». Ну и пусть. Да, признается он, ездил к бывшей жене на квартиру — потому что волновался

...В квартире все находилось на тех местах, что он помнил. И документы лежали, как при нем, в ящике секретера в полиэтиленовом пакете. Когда тебе, мягко говоря, за пятьдесят, трудно менять привычки.

В искомом пакете первым, как нарочно, помещался конверт. На нем написано крупным Юлиным почерком: ПУТЕВКА В КАРЛОВЫ ВАРЫ. А внутри — лист, на котором лазерным принтером отпечатаны параметры путевки: сроки, место пребывания (отель «Village»), вид обслуживания (европейский завтрак) и стоимость — всего-то пятнадцать тысяч рублей.

В путевке также имелась графа: плательщик. В ней, действительно, значилось: «Государственное унитарное предприятие, городская поликлиника номер ***». И даже штамп медицинского учреждения, а под ним — чья-то закорючка-подпись.

Все выглядело настолько убедительно, что полковник в недоумении потряс головой: неужели, в самом деле, обычная городская поликлиника занимается раздачей пенсионерам путевок? Да еще — бесплатных? Да на заграничные курорты?

И все-таки Ходасевич чувствовал подвох. Он еще раз внимательно прочитал все, что было написано на листке, потом, чтобы проверить себя, взял телефонный справочник, пролистал его...

В бумаге упомянуто, что путевка выдана поликлиникой номер ***. Она, действительно, находилась в относительной близости от Рязанского проспекта. Однако дом, где проживала Юлия Николаевна, не обслуживала...

Дверь в кабинет главного врача, Афанасия Матвеевича, распахнулась без стука — чего он решительно не позволял никому из персонала поликлиники, не говоря уже о посетителях. Он поднял голову от отчета и приготовился выдать невеже гневную тираду, однако в кабинет, чуть приволакивая ногу, вошел человек в военной рубашке и с растрепанными седыми волосами. Завершающим и самым внушительным аккордом в его внешности был ряд орденских планок на груди, а также, на лацкане гражданского пиджака, — орден Красного Знамени. Ордена и планки были настоящими, законно полученными полковником Валерием Петровичем Ходасевичем.

— Добрый вечер, полковник в отставке, ветеран Афганистана Карасунов. — Фамилия была из тех, которую ни на слух, ни на взгляд не запомнить и потом не воспроизвести. Затем он подошел вплотную к столу и задушевно спросил: — Ну и что за разврат вы себе позволяете?

— Вы о чем, гражданин? — холодно поинтересовался главврач, откинувшись в кресле.

В ответ странный визитер достал из кармана красную книжицу с гербом России, раскрыл паспорт и издали продемонстрировал главврачу.

— Видите, что тут написано? Женат. На гражданке Юлии Николаевне Садовниковой. Она — моя жена. Не ваша, и не какого-нибудь иностранного хлыща. Моя!

— Я не понимаю, о чем вы говорите, гражданин?

— Простая вещь. В вашей поликлинике моей жене дали путевку в санаторий. Да не просто в санаторий — а в Карловы Вары! Я, конечно, чрезвычайно счастлив, что программа оздоровления нации столь успешно финансируется. А также весьма горжусь, что бремя этой заботы выпало именно

ЕЕ последняя любовь...

нашей семье. Но, все-таки, позвольте узнать: почему она? И почему в Карловы Вары?

— По-моему, вы ошибаетесь, уважаемый, — стараясь сохранять спокойствие, проговорил Афанасий Матвеевич. — Никаких путевок, тем более, в Карловы Вары, наша поликлиника не распространяла. Ни платно, ни, тем паче, бесплатно. Мы не турфирма и не благотворительная организация.

— Позвольте вам не поверить!

— Верить мне или нет — ваше личное дело. И прошу вас: немедленно покинуть помещение.

— Да? Покинуть? А это что? — Посетитель положил на стол листок бумаги. — Вот, черным по белому написано: Карловы Вары, отель «Village», две недели. Выдано: поликлиникой номер ***. Номер медучреждения — ваш. И печать — ваша.

— Ну-ка, дайте-ка сюда. — Главврач явно был заинтригован. Он потянулся за бумагой, однако визитер проворно схватил ее и в дальнейшем продемонстрировал только из своих рук.

Изучив документ, Афанасий Матвеевич ошеломленно произнес:

— Этого не может быть!

— Не может? Да будет вам! Моя жена, между прочим, по данной путевке, фьюить, и отбыла, согласно купленным билетам, в Карловы Вары.

— Не могла она этого сделать!

— Как не могла, если взяла и сделала?! Смотрите: номер поликлиники — ваш?

— Положим, наш.

— А печать?

— Без специальной экспертизы не могу ничего определенно утверждать.

— Хорошо, а подпись чья?

— Откуда ж мне знать! Тут нет ее расшифровки!

Однако Валерий Петрович готов был поклясться: закорючку в конце бумаги хозяин кабинета узнал.

— Сейчас мы все проясним. Минутку! — Афанасий Матвеевич снял телефонную трубку, набрал номер из трех цифр. Раздраженно спросил: — Кто это?.. Ах, Зульфия. Вот что, Зульфия, немедленно принеси мне медицинскую карту...

— Садовниковой Юлии Николаевны, — охотно подсказал полковник.

— ...Да, запиши. Са-дов-ни-ко-ва. Ю-лия Ни-ко-ла-ев-на. Поняла? Прямо ко мне в кабинет. Да, и еще. Немедленно — это значит, очень быстро. Очень быстро, ты поняла?

Неведомая Зульфия приказ начальника выполнила быстро, потому что буквально через несколько минут зазвонил телефон. Главврач схватился за трубку и раздраженно бросил в нее:

— Да, Марья Петровна... Да, я поручал Зульфие.

Теперь, видимо, главврачу докладывала более опытная и знающая регистраторша.

Что она говорила в трубке, можно было домыслить по репликам Афанасия Матвеевича:

— Не нашли карты? Вы лично искали? И Зульфия тоже? А в списке пациентов Садовникова значится? Тоже нет?.. Минуту, — он прикрыл трубку ладонью и обратился к Ходасевичу: — Какой у вас адрес?

— Ташкентская, дом ***, квартира ***.

Даже полковник услышал, какой радостью взорвалась в ответ невидимая Марья Петровна на противоположном конце провода:

— Я же говорила ей! Это не наш адрес! Нечего и искать было!..

Главврач с видимым облегчением перевел для Валерия Петровича слова регистраторши. Ходасевич понял, что пора убираться со сцены. Все, что мог, он у Афанасия Матвеевича выяснил. И теперь у него появилась ниточка. Тоненькая, но все же. Быстро попрощавшись, он вышел из кабинета.

В приемной, как и прежде, никого не было. На это полковник и рассчитывал. Потому что на столе стопкой лежало несколько историй болезней. Валерий Петрович выбрал самую пухлую и ловким движением сунул под пиджак...

Интуиция не подвела экс-полковника. А объект проявил невиданное легкомыслие. Подобного прокола профессионал не допустил бы, значит, Ходасевичу противостоят совсем не профессионалы. Последняя мысль сильно его обнадеживала.

Врать, конечно, следует близко к тексту, но не до такой же степени! И использовать свою, родную подпись под левым документом — верх не-

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

разумности. Прежде чем покинуть поликлинику, Валерий Петрович остановился возле регистратуры и щелкнул пару раз список врачей на свой мобильный телефон, ловя на себе несколько недоуменные и восхищенные взгляды пенсионерок.

Вернувшись домой, Ходасевич подогрел вчерашний бигос, еда всегда улучшала его состояние духа. А когда выпил крепкого чая с шоколадной конфетой, ему стало совсем хорошо.

Полковник недаром свистнул со стола секретарши главврача едва ли не самую толстую историю: КОРЕШКОВА ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА, 1926 г.р. В ней имелись автографы всех специалистов местной поликлиники. Эндокринолог, уролог, гинеколог, проктолог, лор... Разумеется, постоянные визиты к терапевту... Анализы, рентген, УЗИ... Не торопясь, Валерий Петрович пролистывал страницы — и довольно скоро увидел искомое. Да, вот она, закорючка в конце линованной страницы — точь-в-точь, как на липовой путевке. А рядом дата: 6 июля 1996 года. И личная печать: Анатолий Иванович Обыденнов. Хирург.

Под лупой Ходасевич сличил две закорючки. Похоже, врач и впрямь собственноручно подписался на липовой путевке — то ли по небрежности, то ли автоматически.

Ходасевич посмотрел в телефоне сфотографированное им расписание докторов. Анатолий Иванович Обыденнов, слава богу, до сих пор практиковал в поликлинике, четные дни — утро, нечетные — вечер. И был он не простым врачом, а являлся, между прочим, кандидатом медицинских наук.

«Кто ты, Обыденнов? — подумал Валерий Петрович. — И на кого работаешь, скотина?»

Шанс узнать имелся как раз завтра: день нечетный, и Анатолий Иванович практиковал в поликлинике во вторую смену.

Экс-полковнику удалось незаметно вернуть карту гражданки Корешковой в регистратуру. Он не боялся столкнуться нос к носу с главврачом — вряд ли тот узнал бы его, потому как Валерий Петрович пребывал сегодня в совершенно другом образе. Темные очки — несмотря на пасмурную погоду, золотой перстень, водолазка под горло, золотая цепь поверх водолазки. А, главное, иными стали манеры, жесты, походка. Ничего общего со вчерашним суетливым дедком.

Выйдя из поликлиники, Ходасевич пересек площадку, где стояли машины, по пути осмотрелся — вроде бы, ничего подозрительного, занял позицию в небольшом лесочке, разросшемся между лечебным учреждением и ближайшим домом, и стал ждать появления Обыденнова.

Тот подошел к машине только около девяти. Открыл дверцу, начал усаживаться на водительское сиденье. И тут... Валерий Петрович — так быстро, насколько мог, — бросился к авто, распахнул заднюю дверь и гаркнул: «Не двигаться! Руки на руле держать! Не оборачиваться!» Выкрики предназначались, чтобы парализовать волю объекта. Напугать до смерти. Чтобы не дать ему времени собраться, вслед за выкриком последовала угроза:

— Если ты, сволочь, мне хоть одним словом совершь — получишь пулю. Без разговоров. Понял меня?

— Да, понял, — тихо и растерянно проговорил доктор.

— Если ответишь все честно, поедешь спокойно домой и забудешь нас, как сон — мы тебя никогда больше не потревожим. Понял?

— Да.

— Ты передавал путевку в Карловы Вары женщине по фамилии Садовникова? Да или нет?

— Да.

— Ты платил за путевку?

— Нет.

— Кто тебе приказал?

— Мне никто не приказывал!

— Значит, все-таки сам?

— Нет, меня попросили.

— Попросили? Кто?

— Мой друг. Старый.

— Кто он?

— Его зовут Мирослав Красс.

— Адрес знаешь?

— Точный — нет. Он живет за границей.

ЕЕ последняя любовь...

- Где ты с ним познакомился?
- Мы были вместе на одной конференции.
- Какой?
- По торакальной хирургии. В Венгрии. Давно. Но отношения поддерживали.
- Он сам на тебя вышел?
- Да-а.
- И он объяснил тебе, зачем ему нужна Садовникова?
- Он говорил, что был в нее влюблен...
- Дальше!
- Раньше влюблен, тридцать лет назад. А теперь хочет с ней повидаться.
- Зачем?
- Нахлынули прежние чувства.
- А при чем тут ты? И путевка?
- Он позвонил мне...
- Позвонил — откуда?
- Из-за границы, откуда точно, не знаю.
- И?..
- И сказал, что, если он просто выйдет на Садовникову, она может отказаться с ним встречаться. А если встреча произойдет как бы случайно, на отдыхе, в том месте, где у них все начиналось, — тогда она его вряд ли пошлет.
- У Ходасевича отлегло на сердце. Судя по всему, хирург говорил правду, и за поездкой Юлии Николаевны не лежит ничего криминального. Может, и впрямь всколыхнулись старые чувства? Но...
- Что ты еще знаешь о Мирославе? Где он проживает постоянно?
- По-моему, в Испании.
- Точнее!
- Не знаю.
- Когда ты видел его в последний раз?
- Лет пятнадцать назад.
- Где?
- В Москве. Он приезжал как турист. Ну и позвонил мне.

— И он тогда попросил тебя помочь с Садовниковой?
— Нет, что вы! Потом просил, совсем недавно.
— Когда?
— Месяца полтора прошло, как он звонил.
— Ты от него брал деньги?
— Ну да, он перевел мне их на счет. Две тысячи евро.
— Зачем?
— Я покупал для Садовниковой путевку! Здесь, в Москве. Платил наличными.
— Как Мирослав тебя вознаградил?
— Он сказал мне: купи путевку примерно за семьдесят тысяч рублей. А разницу — оставь себе. За труды. Я так и сделал. А что случилось?
«Путевка стоила пятнадцать тысяч. Высоко же ты оценил свои труды!»
— мелькнуло у Ходасевича. Но поднимать этот вопрос он не стал. Допрос продолжался.
— Сколько раз ты встречался с Садовниковой?
— Один.
— Всего один? Где?
— Я приехал к ней домой.
— До-мой? Зачем? Мирослав тебя об этом просил?
— Нет!! Просто ей так было удобней. Да и мне тоже.
— Ты докладывал своему заказчику о результатах визита? Рассказал, есть ли в квартире Садовниковой антиквариат, картины? Какая обстановка, какие замки?
— Нет! Он меня даже не спрашивал об этом!
На секунду Ходасевичу стало стыдно. Использовал свои, очень специальные навыки и приемы, против гражданского лица. И, главное, — с личной целью, движимый банальным и мелочным чувством: ревностью.
— Ладно, — проговорил Валерий Петрович, — я тебя отпускаю. Сам понимаешь, никому о нашей встрече говорить нельзя. Езжай себе с миром. — И вышел из автомобиля в холодный сумрачный вечер.

Неделю спустя.

Москва

— Ну, что? — напустилась Таня на отчима чуть не с порога. — Узнал, где мамуля моя гуляет?

Отчим небрежно дернул плечом:

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

— Да. Побывала в круизе — десять портов Европы. Путешествовала в каюте-люкс. Сейчас — на Антигуа.

— Где?!

— Это остров в Карибском море.

— Ну, ничего себе! — ахнула Татьяна. И, не подумав, лягнула: — Щедрого мужичка себе отхватила!..

Валера слегка поморщился.

— Но все равно этот Мирослав — ужасно противный! — поспешно заговорила девушка. — Такой, знаешь, весь из себя: я — европеец, цивилизованный человек, благодетель!..

— Имеет право, — с еле уловимой грустью в голосе произнес Валерий Петрович. — Он действительно хирург. Сейчас, ввиду возраста, не оперирует, но на консультации его до сих пор приглашают. Квартира в Испании, счета в Швейцарии...

— А про ту историю — в Карловых Варах — что-нибудь узнал? Ну, когда во время его дежурства больные, как мухи, подыхали?..

— Узнал, — вздохнул Валерий Петрович. — Только упрекнуть Мирослава, похоже, не в чем. Во время его дежурств в клинике действительно скончались три пациентки. Дело тщательно расследовали, в больницу приезжала комиссия, однако было установлено: все три женщины умерли от естественных причин. Острая сердечная недостаточность. В хирургии, мне сказали, так бывает: человек внешне вроде здоров, а сердце, оказывается, слабое. В послеоперационный период не выдерживает.

— Но болтать-то зря не будут!

— Да, — кивнул отчим. — Разговоров на эту тему, действительно, было много. Тем более, что Мирослав, главный подозреваемый, — вскоре после инцидентов в клинике сбежал из страны. Но что-либо доказать, особенно спустя столько лет, абсолютно невозможно.

— А если он маму... тоже? — встревожено произнесла Таня.

— Давно бы мог, они оставались наедине уже много раз, — пожал плечами Ходасевич. — Однако пока у Юлии Николаевны все хорошо.

— Одного понять не могу: зачем этому перцу наша мамуля сдалась?! — продолжала горячиться Татьяна. — Они, знаешь, как вместе выглядели? Богатый американский дядюшка — и его бедная родственница из глухой рязанской деревни.

— Танюшка, по-моему, ты к своей матери несправедлива. Она еще дама хоть куда, — укорил падчерицу Валерий Петрович.

— Если б она какого-нибудь пожилого хирурга из Нижневартовска пригласила — я бы поверила. Да и то считала бы, что московская квартира сыграла роль, — пожал плечами Татьяна. — Но у фон-барона к ней — явно деловой интерес. — И расстроено добавила: — Только понять никак не могу, в чем именно он заключается... И вообще, я почему-то очень за нее беспокоюсь.

— Тогда навести ее, — неожиданно предложил отчим.

— Где?

— Как где? На Антигуа. Прекрасный, очень красивый остров. Лететь — не дальше, чем на Кубу. Хорошие отели, вкусная кухня, отличное море. А главное, — он мимолетом взглянул на тусклый, промозглый пейзаж за окном, — там лето, тепло.

— Мне что, делать нечего? — буркнула Татьяна. — Маман меня в Карловых Варах бросила. Сбежала, трубку не берет, а я к ней — через весь земной шар потащусь?

— Почему к ней? Ты для себя поедешь. Развеешься, искупаешься, позагорать. Все равно пока не работаешь, а деньжата, как я понимаю, еще имеются. Можешь вообще с ними не общаться. Просто проконтролировать их контакт на расстоянии.

— И не подумай. Сам, если хочешь, езжай, — сердито фыркнула Таня.

— Ну, как знаешь, — спокойно откликнулся отчим.

Наши дни.

Остров Антигуа.

Юлия Николаевна Садовникова

«У Карибского моря даже цвет необычный, — думала Юлия Николаевна. — Насыщенный, смесь темно-синего с серебром...»

ЕЕ последняя любовь...

У огромного, во всю стену, окна — небо за ним сливалось с водной гладью — женщина готова была проводить дни напролет. Вдыхала аромат соли и йода, дышала водяной пылью. Ни о чем не думала, просто отдавалась во власть стихий.

— Юля, чего ты к окну приклеилась? Пойдем лучше на пляж! — позвал ее Мирослав.

Пляж у них тоже был совершенно уникальный. Спускаешься по склону горы, попадаешь в бухточку. Там — два шезлонга, зонтик от солнца, голубая вода и — никого больше. Хотя не огорожен — а все равно получалось, что собственный, никто на него не претендовал. На Антигуа, просвещал ее Мирослав, пляжей много. А именно — 365, по числу дней в году, как гордятся местные жители.

Но Юля предпочитала оставаться наверху и просто смотреть, как любимый мужчина плещется в нежных волнах.

— Прямо в анабиоз впала, — ворчал Мирослав. И шутил: — А может, ты стихи пишешь? Или обдумываешь коварные планы?

— Болтун! — хохотала она.

Хотя коварный план, безусловно, имелся: нужно костыми лечь, чтобы жить так всегда. Смотреть на море, по утрам ходить на рынок за свежей рыбой, купаться, круглый год, на собственном пляже ...

Антигуа оказался именно тем островом, где чувствуешь себя как дома. Тихо, спокойно, изобилие фруктов — особенно впечатлили Юлию Николаевну исключительно сладкие, черного цвета, ананасы. Местное население вело себя дружелюбно. К тому же держались они с европейским лоском: островом с середины семнадцатого века владели утонченные британцы.

Мирослав, правда, сказал, что дом, где они жили, принадлежит не ему. «Один из моих паци-

ентов купил, чтоб деньги вложить, но ездит сюда редко, а друзей пускает охотно».

Впрочем, Юля уже навела справки: подобный особняк стоит не дороже ее московской квартирки. Как, интересно, Мирослав отнесется к тому, если она купит, для них двоих, дом? Но тему пока не поднимала, ждала, что любимый сам заговорит об их совместных, долгосрочных планах. Они ведь не могут постоянно кочевать из круиза в отели и коротать время в чужом жилье?..

Однако Мирослав о завтрашнем дне, кажется, не думал. Решения принимал спонтанные, словно подросток. Когда подходил к концу круиз, сказал задумчиво:

— Поганая в Европе еще погода... Только к апрелю тепло станет. Может, на острова махнем?

Тут же схватился за телефон, перелистал записную книжку — и уже через час обнаружилось: их ждет пустой (и абсолютно бесплатный!) особняк на Антигуа.

— Островок, конечно, диковатый. С Барбадосом или Сен Бартом не сравнить. Зато туристов мало. И еще роза ветров там очень благоприятная.

Отказываться Юля, конечно, не стала. Разве могла она прежде предсказать, что судьба занесет ее на Карибские острова?.. И больше того, что они станут ей настоящим домом?!

Ей здесь нравилось все: открытые автобусы, что развозили редких туристов. Пеликаны — они гуляли повсюду, залетали и на их «собственный пляж», камнем обрушивались на зазевавшуюся рыбу. Заросли гибискуса, папайи, гуавы, мангровых деревьев.

Единственная странность: Мирослав — прежде большой любитель ресторанов, кафешек, баров — превратился на Антигуа почти в отшельника. Коктейли теперь смешивал ей сам, по утрам ходил в ближайший отель за круассанами, даже обеды-ужины порывался готовить.

А когда Юля спросила, почему они перестали куда-нибудь ходить, заявил:

— Мне с тобой и дома хорошо.

Спорить она не стала. Может быть, у Мирослава сложности с финансами? После всех перелетов, поездок, покупок?

Но как-то вечером Мирослав объявил: с затворничеством покончено, завтра они отправляются в гости.

— К кому, куда? — заинтересовалась Юля.

— О, тебе должно понравиться. К одному моему другу. Богатому. Очень.

Впрочем, в детали особо не вдавался. Сказал только, что тот — «вроде нефтяного короля, тоже, кстати, из России, поэтому языкового барьера не возникнет».

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

— А что это будет? Обед, ужин, прием?

— Нет, — улыбнулся Мирослав. — Просто дружеский завтрак. — И попросил ее быть готовой к полудню.

Юля собиралась пораньше встать, сделать маску, привести себя в порядок — однако спалось ей в ту ночь на удивление сладко. Около часа ее сморило, а поднялась лишь в одиннадцать! Позавтракать не успела, макияж пришлось делать наспех.

Мирослава дома не оказалось.

Думала, приедет за ней на такси, однако явился он... за рулем спортивной «БМВ».

— Красота! — оценила Юля. — Откуда?

— Напрокат взял, — усмехнулся он. — Надо ведь тоже... впечатление произвести. — Окинул ее пристальным взглядом, похвалил: — Ты неподражаема.

Ей почему-то показалось, что он слегка нервничает. Будто не в гости собирался, приятно время провести, а экзамен сдавать. Хмурился, ерзал на водительском сиденье, всю дорогу читал наставления:

— Ты, главное, держись как можно естественно. Не тушуйся, не удивляйся — хотя там, в особняке, много всего чудного. Веди себя, будто сама точно так же живешь. Как хозяйка. В смысле — хозяйка жизни.

— Да уж, — хмыкнула она. — Самый подходящий образ... для российской пенсионерки.

— Ох, Юля, да забудь ты о тех временах, — укорил он. — Ты давно уже — светская дама. Прекрасно выглядишь, уверенно держишься.

«По-моему, Мирослав что-то недоговаривает ...» — пронеслось у нее, но додумать эту мысль Юля не успела — подъехали.

Мирослав нетерпеливо посигналил, но ворота никто не открыл.

— Твой друг еще спит! — пошутила Юля.

— Не думаю, — рассеянно произнес он. Еще раз нажал на клаксон, повертел головой, заметил прикрепленный к воротам глазок видеокамеры и велел ей: — Улыбнись!

— Думаешь, поможет? — Однако растянула губы в улыбке, приветственно помахала рукой.

И ворота, словно по волшебству, открылись.

Машина с грохотом вкатилась на мощеную булыжниками подъездную дорогу — та поднималась в гору и заканчивалась (Юля просто глазам своим не поверила!) у каменной башни. Высокой, примерно в шесть современных этажей, узкой, с окнами-бойницами.

— Ничего себе! — восхищенно пробормотала она.

— Я же говорил тебе: мой друг — большой оригинал, — улыбнулся Мирослав. — Купил себе сторожевое укрепление! Семнадцатый, между прочим, век! Их тут, на острове, много понастроили — когда от пиратов защититься пытались.

На пороге башенки появился хмурый черноволосый мужчина — одет он был в совершеннейшем стиле окружающих декораций: тельняшка, кожаные штаны, кудрявая шевелюра перехвачена банданой.

— А вот и пират, — усмехнулась Юля.

— Дворецкий, — поморщился Мирослав.

— Хэллоу! — смущенно поздоровалась Юлия Николаевна.

— Не старайся, он глухонемой, — хмыкнул Мирослав.

«И вообще — какой-то странный», — отметила про себя она.

Глаза у черноволосого «пирата» тревожно поблескивали, походка была дерганой. Он подошел вплотную к машине, уставился, не мигая, на Мирослава, а на нее еще дольше смотрел. Показалось — просвечивает насквозь. Будто не хозяину дома, а именно дворецкому решать: допустить ли ее в «святая святых» или прочь отправить.

— Чего он уставился? — возмущенно пробормотала она.

— Правильно, Юлька, строже с ним! — хохотнул Мирослав.

Однако фэйс-контроль закончился — дворецкий отступил, распахнул дверцу, учтиво подал женщине руку.

Она ступила на землю, едва не сломав неудобный высоченный каблук.

— Ну, пошли на штурм? — махнул в сторону сторожевой башни Мирослав.

Он взглянул на часы — начало первого дня. Странное время. Совсем не в ее духе. Прежде дама навещала особняк всегда ближе к вечеру. И другое необычно: что за рулем сегодня она сидела не сама...

Мужчина нахмурился.

ЕЕ последняя любовь...

— Что делаем? — услужливо поинтересовался его спутник.

Он на секунду задумался. Медленно произнес:

— Пока ничего. Ждем. Хотя, нет... Я здесь все проконтролирую. А ты — ко второму выходу дуй.

— О боже! Зачем?! — скривился напарник.

— Не знаю пока, зачем. На всякий случай.

Сторожевая башня казалась совершенно нежилой. Окна, заметила Юлия, все без занавесок, к тому же не слишком чистые. Дворецкий-пират куда-то исчез, и теперь их встречали абсолютная тишина и запустение.

— А почему хозяин нас не встречает? — удивилась Юля и, опасливо заходя в гулкий, скудно освещенный холл, в удивлении замерла на пороге.

Странный, право слово, нефтяной магнат. Сторожевую башню ему денег купить хватило, а навести хотя бы минимальный порядок он не удосужился. Плитка на полу в трещинах, под потолком — паутина. Кресла в глубине помещения самые простецкие. Однако прямо напротив входа — очень даже современный лифт.

Мирослав уверенно вдавил кнопку вызова, двери приветливо распахнулись, взору явилась зеркальная кабина.

— Нам на четвертый, — сказал он. — В зал приемов.

Лифт работал бесшумно, пахло в нем, как в хорошем отеле. Однако едва распахнулись двери — как они снова оказались в захудалом «музейчике». Очередная огромная комната. Ни ковров, ни зеркал. Правда, картина открывалась восхитительная — не сравнить с видом из особняка Мирослава. Юлия Николаевна, любительница панорам, едва не взвизгнула от восторга: помещение, казалось, нависает над морем. До воды — высота фан-

тастическая, метров триста, не меньше. Суши не видать, куда ни брось взгляд, расстилается величественный океан. Она прилипла к окну, словно замороженная.

— Я так и знал, что тебе понравится, — усмехнулся Мирослав. — Отдыхай, я сейчас коктейль сделаю.

Она с трудом отвела взгляд от океана, осмотрелась — огромный пустой зал, и — ни намека на таинственного хозяина.

— Мирослав, куда ты меня привел? — нахмурилась Юлия Николаевна.

— Ох, Юлия, не суетись. Я же сказал тебе — не пожалеешь, — рассеянно откликнулся он.

По-хозяйски извлек из бара бутылку местного рома, открыл баночку с пепси-колой, смешал напитки, протянул ей бокал и, сказав:

— Подожди здесь. Я сейчас, — ускользнул в боковую дверку.

Юля растерянно опустила в кресло. Что за идиотская ситуация! Привел ее в чужой негостеприимный дом — и бросил одну.

«А если сейчас появится хозяин? Что я ему скажу? Здравсьте, я приехала с Мирославом?!»

Она зябко поежилась в кресле и робко позвала:

— Мирослав!

В ответ — ни звука. Лишь слышно сквозь открытое окно, как далеко внизу ворчит, волнуется океан.

Ждать, пока до нее снизойдут и объяснят, что здесь происходит, Юля не стала. Решительно поставила бокал с недопитым коктейлем прямо на пол, потому что столика возле кресла не имелось, поднялась, прошла через холл и открыла неприметную дверцу, за которой исчез Мирослав.

Взору ее открылась узкая винтовая лестница. Юля почему-то не сомневалась — подниматься по ней надо вверх.

Она сделала несколько осторожных шагов по каменным ступеням. Путь казался бесконечным, замкнутое пространство давило. В какой-то момент ей послышалось: высоко наверху раздался короткий, сдавленный вопль... Юля в страхе остановилась — нет, тишина.

Наконец подъем завершился — лестница заканчивалась деревянной, дряхлой на вид дверью. Юлия Николаевна легонько ее толкнула — и не смогла сдержать вскрика.

Прямо на нее смотрели пустые, остановившиеся глаза. Тот самый дворецкий. Пират. Он лежал на полу, у порога, и лицо его — мертвое лицо, уже бледное, неподвижное, — все равно полыхало яростью.

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Юля в страхе отступила и пискнула:

— Боже!

Бежать, скорее бежать отсюда! Она, неловко скользя в босоножках, бросилась обратно на лестницу... Но тут в спину ей выстрелило:

— Стой!

Это был Мирослав.

— Зачем ты сюда явилась?! — с возмущением накинулся он на Юлю.

— Я... я сейчас уйду... — затравленно взглянула она на него.

Впрочем, нет, что она говорит!

— Что происходит? Кто его убил? Ты?!

— Юля, Юля, спокойно, только не нервничай.

Не сводя с нее настороженного взгляда, Мирослав перешагнул через труп и вкрадчиво произнес:

— Я никого не убивал. Просто... просто произошла маленькая накладка. Я тебе сейчас все объясню.

Манжета его ослепительно белой рубашки, машинально отметила она, была в крови, руки тоже — в бурых разводах.

Тут нервы окончательно сдали, Юля оглушительно взвизгнула — и в панике бросилась по узкой лестнице вниз.

За спиной грохотали шаги — Мирослав, естественно, ринулся за ней. Казалось, должен был настичь ее быстро, но страх придал женщине сил. Она стремглав сбежала с лестницы, промчалась через зал, трясущейся рукой нажала на кнопку лифта, влетела в кабину... Мирослав показался в комнате, когда двери уже начали закрываться. В отчаянном прыжке попытался помешать ей, выкрикнул яростно:

— Да не сходи ты с ума!.. — но не успел — двери лифта закрылись.

Когда лифт остановился на первом этаже, Юля пробежала сквозь холл, очутилась во дворе. У подъезда — машина, ключи в зажигании, но во-

дить она, увы, не умела. Да если б даже могла — куда ехать? Ворота заперты. Таранить их бесполезно. Да и вообще: нет у нее шансов.

И Юлия Николаевна бросилась прочь. Куда угодно. Только подальше от Мирослава.

Выбрала не подъездную дорогу, а обрамленную низкорослыми кустами тропинку, что вела в глубь участка. Та очень скоро уперлась в калитку, как и все здесь, закрытую наглухо. Скинув босоножки, ломая ногти и набивая на коленках синяки, Юля взобралась на забор. Обернулась: погони не было. Вдалеке мирно поблескивала окошками сторожевая башня, беспечно чирикали птицы. В голове мелькнула странная мысль: может быть, ей все почудилось?

«Ох, не обманывай саму себя!»

Отвернувшись от башни, Юля решительно прыгнула вниз. Охнула. Мгновенно вскочила на ноги. Кажется, цела. И даже тропа здесь имелась — ухоженная, ведущая куда-то вниз, наверное, к пляжу.

В первые секунды ее охватила эйфория: она жива! Свободна!..

И что сейчас делать?!

Дорожка привела, как и предполагала Юлия, на пляж. Однако оказался тот не частным, как в их с Мирославом особняке, а большим, цивилизованным, с шезлонгами и кафе. Народу было немного — но каждый, ей показалось, отметил ее взъерошенный вид, босые ноги, порванные брюки.

«Вот и свидетели», — тоскливо подумала она.

На душе было тяжело и страшно. Но более всего — обидно, что романтическая история обернулась на деле жестоким разочарованием. Да что там — просто конкретной подставой обернулась. Причем Юля чувствовала: ее не просто предали. У этой истории может быть в тысячу раз худшее продолжение...

Юля потянулась в карман пиджака за платком — и рука вдруг нащупала телефон! Тот самый, что она сначала выключала из экономии, а потом — чтобы не слышать дочкиных упреков.

Провидение!

Юля опустила на горячий песок и стала дрожащими пальцами нажимать на кнопки.

Танечка, любимая девочка, ответила ей со второго гудка. А дальше... Она, не желая выслушивать путаных объяснений, деловито спросила:

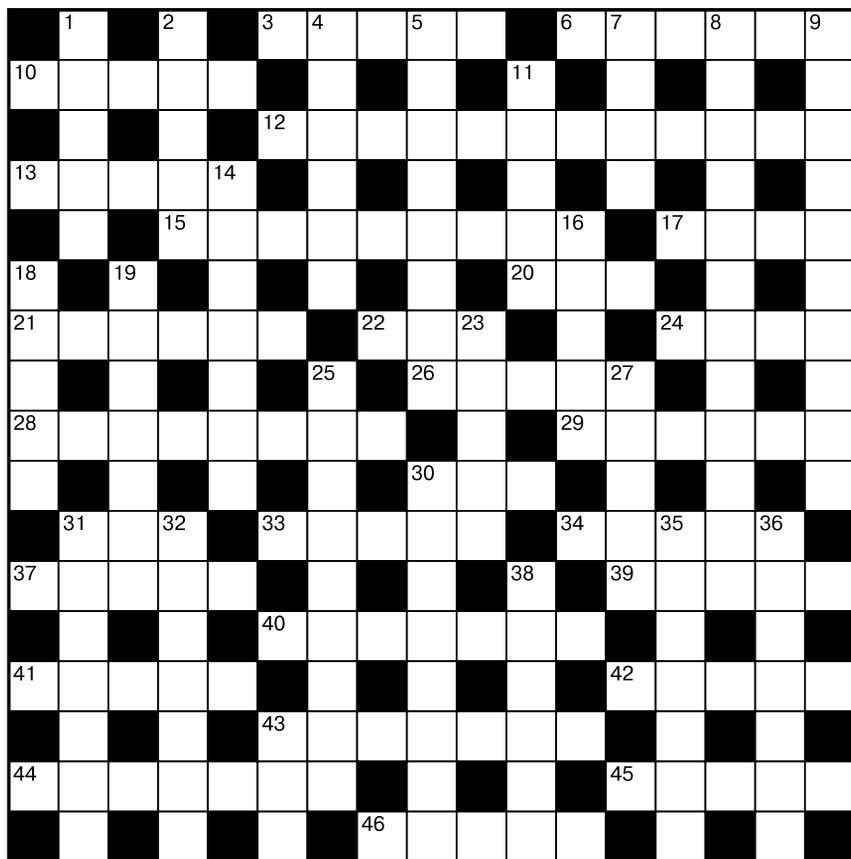
— Ты где?

— На Антигуа... — жалобно пискнула Юлия Николаевна. — На пляже...

— На каком именно? — нетерпеливо перебила Татьяна. — Я сейчас подъеду...

Окончание следует. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Зацепка, ведущая к преступнику. **6.** Прежде говорили: «Ездил черт в ..., да напугался крестов». **10.** Что сокращается в минуты счастья, но растягивается в часы страданий? **12.** «Люблю, знаете ли, позвонить домой на свой ... и поговорить с умным человеком». **13.** Крылатый

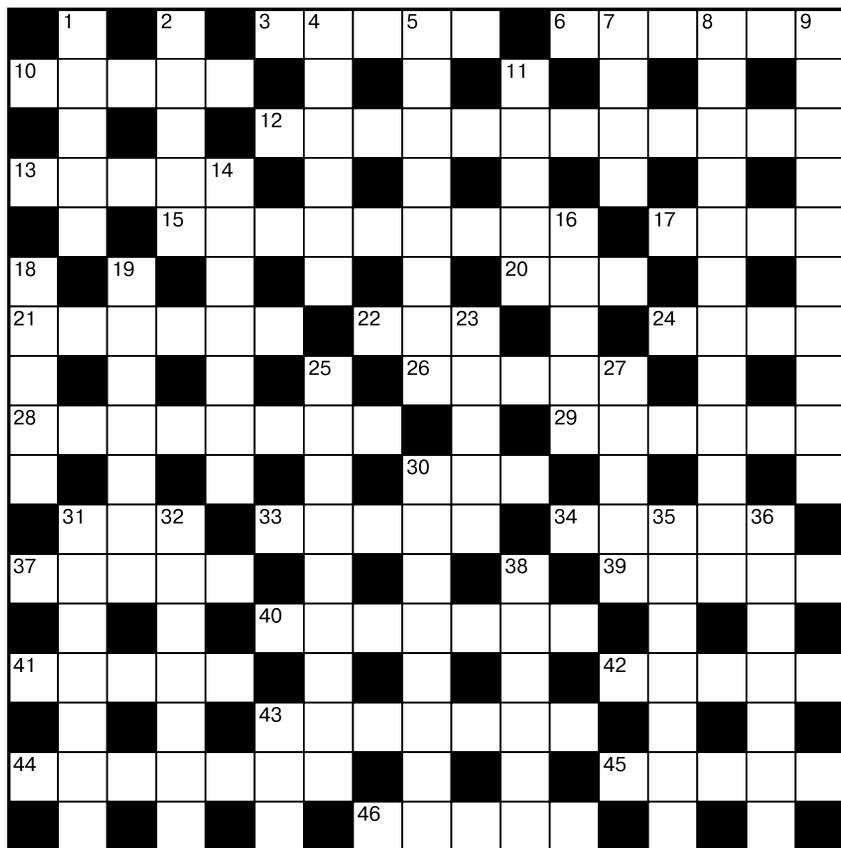
порученец Всевышнего. **15.** Кто из нобелевских лауреатов полагал, что «все науки можно разделить на две группы: физику и коллекционирование марок»? **17.** В медицинском термине «акупунктура» спрятались два слова «acus» (...), «punctura» (укол). **20.** Арнольд Шварценеггер для Джейн Ли Кертис в филь-

ме «Правдивая ложь». **21.** Пастух с «дикого Запада». **22.** Английский недоделанный метр. **24.** ... Бургундская стала первой женщиной, получившей обручальное кольцо с бриллиантом. Оно было подарено ей германским королем Максимилианом Первым в 1477 году. **26.** Создатель Лабиринта для Минотавра. **28.** «В любви теряют ..., а в браке замечают потерю». **29.** Снежный человек, ставший талисманом Олимпиады в Ванкувере. **30.** «Мягко, но не пух, зелен, но не трава». **31.** Полотно «... Париса» великий Питер Рубенс написал для охотничьего замка Филиппа IV. **33.** Любимый наркотик графа Монте-Кристо. **34.** Морская хищница, чью шершавую шкуру люди издавна использовали вместо наждачной бумаги. **37.** «В марафоне жизни ... получает сошедший с дистанции». **39.** Какая герцогиня стала «обнаженной махой» у Франсиско Гойи? **40.** Что помогает «разбиваться в лепешку» на службе? **41.** Кто-то съехидничал, что эта корона, усеянная многими драгоценными камнями, не очень-то похожа на «терновый венец» Христа. **42.** Теннисист Агасси по имени. **43.** «У церкви стояла карета, там пышная ... была». **44.** Что возглавляет Мюллер в телефильме «Семнадцать мгновений весны»? **45.** Повод «свистать всех наверх». **46.** Какой металл уже при комнатной температуре переходит в жидкое состояние?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто стал мужем Кейт Миддлтон — дочери стюардес-

сы и диспетчера? **2.** Французский физик и математик начала XIX века, прочитавший в 14 лет все 20 томов «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, а позже открывший механическое взаимодействие токов. **4.** Лакейский китель. **5.** Какая из мировых супермоделей ненавидела храп Ричарда Гира по ночам? **7.** Какая трапеза сердечно связывала Альфонса Доде, Гюстава Флобера, Эдмона Гонкура, Эмиля Золя и Ивана Тургенева? **8.** Эпитет Зевса в мифах древних греков. **9.** Оргия в честь Диониса. **11.** Его приближение медузы чуют часов за двадцать. **14.** Какой предмет помешал закончить Льву Троцкому его воспоминания о Сталине? **16.** Финская мудрость гласит: «Пошел ... на базар, значит, у умного деньги будут». **18.** «Мы врага бы — на рога бы, только ... дорога». **19.** «Увеличитель» собственных достоинств. **23.** Буйство в пьяном угаре. **25.** Джонатан Свифт утверждает: «Если бы на небесах ... почиталось ценностью, его бы не давали таким негодьям». **27.** Какое слово объединяет зимнюю рыбалку с гольфом? **30.** Парфянский царь, побежденный римским полководцем Лукуллом. **31.** «Голубая жемчужина» Валдая. **32.** «Свойство фей». **35.** Наша балетная прима с персональным памятником в Стокгольме. **36.** Пиратский приступ. **38.** Если вас мучает сахарный ..., медики советуют приналечь на артишоки. **43.** «Курортные процедуры» в салоне красоты.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Страна, где Мигель де Сервантес пять лет в плену у пиратов провел. **6.** Какой цветок наполнял царицу Клеопатру любовными желаньями? **10.** Какая ядовитая змея дольше всех своих собратьев может жить в неволе? **12.** Ключевой регулятор эндокринной системы нашего ор-

ганизма. **13.** Домашнее прозвище Владимира Маяковского. **15.** Профессия героя Олега Янковского из фильма «Сладкая женщина». **17.** Последний царь Афин. **20.** Какой химический элемент открыли благодаря кошке, перевернувшей колбы? **21.** Что заменило форменные трусы игрокам в

первые годы становления футбола? **22.** Уэльский пони. **24.** Чудотворная икона «Неупиваемая ...» выставлена в Владычном монастыре Серпухова. **26.** «Каменная башня» доисторических времен на острове Сардиния. **28.** Море, омывающее третий по величине остров в мире. **29.** Любимый стиль музыки Элвиса Пресли. **30.** На гербе объединенной английской корпорации пушечных и колокольных мастеров рисовали ключи. Считалось, что они «открывают двери в ...» **31.** Мать Пер Гюнта. **33.** «Мокасины» из эпоса «Манас». **34.** Открыватель электрофореза. **37.** Кто из японских нобелеатов создал «туннельный диод»? **39.** Армянский сыр, созревающий в козьих бурдюках. **40.** Кто из наших изобретателей создал первую машину для механического изготовленияпельменей? **41.** Шутят, что «верхний ... всегда хуже нижнего». **42.** Какой из заморских футбольных клубов нередко во время матча полным составом исполняет нашу песню «Калинка»? **43.** «Мусорный старик» для Анны Ахматовой. **44.** Квазичастица «имени Ванье — Мотта». **45.** Помятый музыкальный инструмент из «Песенки о ночной Москве» Булата Окуджавы. **46.** Кто прежде в Испании имел право не снимать шляпу перед королем?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто из гениев немецкой живописи составил первый в Европе магический квадрат? **2.** Барсук из словаря Владимира Даля. **4.** На дуэли Александру Грибоедову пуля

пробила ... левой руки, из-за чего он долго после не мог играть на фортепьяно. **5.** Какой зверек стал Рикки-Тикки-Тави в рассказе Редьярда Киплинга? **7.** Какой табак нюхает по праздникам жестянщик Шиллер из гоголевского «Невского проспекта»? **8.** Кто коллекционирует туристические наклейки? **9.** Одно из шести высших достоинств, ведущих к нирване, в буддизме. **11.** Галльский Геркулес. **14.** Товар героини рассказа «Воительница» Николая Лескова. **16.** «Камера от Джорджа Истмена». **18.** Михаил Булгаков полагал, что каждому порядочному человеку известно, что это действие при всех властях происходит от 2:30 ночи до 6:15 утра зимой, и от 12:00 ночи до 4:00 утра летом. **19.** Какой кругопряд при опасности начинает так трясти свою паутину, что сразу становится невидимкой? **23.** Украинский барабан с «конским хвостом». **25.** Дамская прическа с портретов итальянских мастеров эпохи Возрождения. **27.** Что при дворе султана Сулеймана Великолепного окрестили «Вратами блаженства»? **30.** В каком чине погиб при осаде Смоленска лермонтовский предок Джордж Лермонт? **31.** В каком журнале Антон Чехов опубликовал первый сборник своих рассказов? **32.** Молитвенное прошение, завершаемое словом «Аминь!» **35.** Английское фехтование на боевых шестах. **36.** Коровья антилопа. **38.** Какой наркотик обвиняют в смерти Мэрилин Монро? **43.** Какого бога древние египтяне считали самым умным?

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 1-е полугодие 2012 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на «журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 71 руб. 50 коп., на 3 месяца — 214 руб. 50 коп., на 6 месяцев — 429 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С октября открыта подписка на журнал «Смена» на 1-е полугодие 2012 года по каталогам через любое почтовое отделение связи.

Образцы каталогов:

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 99406 — для всех подписчиков</p>
<p>ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 88998 — для всех подписчиков</p>

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

« Ярослав Мудрый, сын князя Владимира Святославовича и полоцкой княжны Рогнеды, стал первым русским князем, признанным всеми европейскими государями. В своем завещании он предостерегал сыновей от междоусобиц и убеждал жить в любви и согласии. Если бы сыновья выполнили отцовскую волю, возможно, Русь избежала бы и татаро-монгольского ига, и нашествия рыцарей Тевтонского ордена, и Петру Великому не пришлось бы «прорубать окно в Европу». Но... у истории нет сослагательного наклонения.

Светлана **Бестужева-Лада** «Ярослав Мудрый»

« Она была всего лишь супругой младшего брата императора Николая I Михаила. Но стала одной из самых ярких представительниц дома Романовых — великая княгиня Елена Павловна, урожденная принцесса Вюртембергская...

Денис **Логинов** «Княгиня-свобода»

« Чемпион Курт Тойч — создатель одного из перспективных направлений современной психологии «психогенетики». Сегодня его называют «инструктором успеха». С его помощью стали президентами Джонсон, Рейган, Буш, поднялись на вершины творческой карьеры режиссер Стивен Спилберг и актриса Элизабет Тейлор, и более тысячи пациентов приобрели, благодаря ему, психическое и физическое здоровье. Вот уже более двадцати лет доктор Тойч практикует и в России...

Татьяна **Комарова** «Генетическая ловушка для золушек и королей»

« Государственному историко-культурному музею-заповеднику «Московский Кремль» уже двести лет. В нем хранится более тысячи экспонатов, и одна из самых уникальных коллекций — коллекция оружия в Оружейной палате.

Татьяна **Харламова** «Клинок булатной стали»

« Продолжение детективного романа Анны и Сергея **Литвиновых**

«Ее последняя любовь...»